

С 193

РУСКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

ПРАЗДНИКИ

И

НЕ КОПИРОВАТЬ

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

ВЫПУСКЪ I.

На нашей улицѣ праздникъ.

Руская поговорка.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по напечащаніи представлены
были въ Ценсурный Комишетъ три экземпляра.
Москва. Февраля 20 го дня 1837 года.

Ценсоръ Д. Перевощиковъ.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія,
Государственнаго Совѣта Члену и
разныхъ орденовъ Кавалеру

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ

съ достолюбымъ высокопочтеніемъ

посвящаешъ

снъ воспоминанія опечеспвенной народности

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рускіе праздники проспонародныя и соединенныя съ ними древнія повѣрья, со-спавляя завѣщанія спшхип народности, входятъ во внушреннюю Исторію Рускаго народа и его Древности. О важности и необходимости изслѣдованія сего предмета говорили Шлёцеръ, Карамзинъ и Мшпрополитъ Кіевскій Евгений. Представлено было нѣсколько опышовъ, доспойныхъ вниманія, Гг. Глаголемвымъ, Макаровымъ и И. Сахаровымъ. Почтенный Сочинитель книги: *о великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ, Кіевъ, 1835 г.*, при нѣкоторыхъ изъ нихъ приводитъ *народные обычаи*. Послѣ ешого, наконецъ и я опваживаюсь представитъ свой опытъ *Руской Еортологіи*, въ коемъ излагаешся общій и частный обзоръ проспонародныхъ праздниковъ съ обрядами и опносящимся къ нимъ пѣснями. Сколько можно, мною обращено вниманіе на время и мѣсто, гдѣ и когда возникали и продолжаются сіи праздники. Самое происхожденіе, содержаніе и цѣль оныхъ рѣшительно опдѣляешъ ихъ опъ церковныхъ св. празднесствъ.

II

Я не ограничивался известными и доступными мнѣ источниками письменными (*). Какъ старинные обычаи живущіе болѣе въ народѣ, чѣмъ въ книгахъ: по я собралъ письменныя объ еномъ свѣдѣнія и живыя преданія посредствомъ переписки или путешествій по Россіи. Не могу умолчать искренней моей благодарности нѣмъ почтеннымъ особамъ, кои содѣйствовали мнѣ въ трудѣ моемъ со-вѣтами, указаніями и доставленіемъ матеріаловъ: Гг. Профессорамъ О. А. Голубинскому, П. М. Терповскому, И. И. Давыдову, М. П. Погодину, О. Л. Морошкину, С. П. Шевыреву, Г. Магистру М. С. Гасшеву и достойнѣйшимъ сочленамъ по Обществу Исторіи и Др. Рос. А. О. Вельнману, Н. А. Полевому и Князю М. А. Оболенскому. Гг. Директоры Гимназій, Косиромской Ю. П. Баршеневъ и Тверской И. И. Лажечниковъ радушно сообщали мнѣ свѣдѣнія, собранныя ими по учебному округу чрезъ Гг. Смолрицелей и Училищей. Профессоръ И. П. Лобой-

(*) Жалѣю, что я не могъ пользоваться Ключемъ къ Карамзину, сост. П. М. Спросовымъ, изданіями Археографической Экспедиціи, новыми сочиненіями о Мифологіи и Древностяхъ Гримма, Шеллинга и Шаффарика.

III

ко въ Вильнѣ, для меня опобравъ опы своихъ спуденовъ, уроженцевъ изъ ма-лой, бѣлой, красной и черной Руси, за-писки о мѣспныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, обогатилъ мое собраніе. Почтенный со-членъ по Обществу Испоріи и Древно-спей Росс., нашъ ревностный изыскатель опечеспвенной спарины, М. Я. Діевъ до-полнялъ мои изслѣдованія своими наблюде-ніями въ Коспромской, Ярославской и ча-спію во Владимірской Губерніяхъ. Каса-пельно Славянскихъ Древностей я пользо-вался совѣсами и маперіями Гг. Ю. И. Венелина и Г. М. Бодянского; а въ Липов-скихъ и Польскихъ руководителями моими были Гг. В. Г. Анаспасевичъ и И. Н. Лобойко. Самъ посшипая всю важность и обшир-ность избраннаго мною предмета, объемлю-щаго внуспреннюю жизнь Рускаго народа въ разныхъ ея эпохахъ, нахожу, что онъ спребуесть бѣльшихъ и разнообразнѣшихъ познаній и средствъ, посспояннѣшихъ наблюдений и изслѣдований, нежели какія я имѣлъ. Чѣмъ далѣе иппи по ешому по-прищу, чѣмъ глубже вникаешь въ эпошу предмета, повидимому, споль обыкно-венный и знакомый, но по сущности мно-госложный и разноспоронный, спѣмъ бо-лѣе опкроется новыхъ свѣдѣній и сообра-

IV

женій, важныхъ для Исторіи, Филологіи и Философіи. Какъ во время печатанія книги попадались мнѣ неизвѣстные матеріалы: но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были неизбѣжными повтореніе и опущенія; въ чемъ я прошу извиненія у строгихъ требователей порядка.

Кажется, мой опытъ уже сдѣлается лишнимъ, если послужитъ матеріаломъ для будущихъ изысканій Руской Древности въ живыхъ ея источникахъ, кои время отъ времени изсякаютъ въ народѣ; а трудъ мой будетъ награжденъ, если вызовутъ новыхъ изслѣдователей (*) и если заслужитъ вниманіе благонамѣренныхъ соотечественниковъ, и тѣмъ самымъ поощритъ меня къ продолженію сего изданія, въ коемъ помѣщеніи самое описаніе просто-народныхъ праздниковъ въ древнія и новыя времена.

Ѵ

И. Снегиревъ.

1837 г.

Февраля 3.

(*) Я готовъ съ благодарностію помѣщать въ слѣдующихъ книжкахъ дѣльныя замѣчанія благонамѣренныхъ наблюдателей для того, чтобы въ одномъ сочиненіи соединилось то, что къ нему относится.

РУСКИЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ къ сближенію людей и народовъ и однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ къ познанію внѣшней и внутренней жизни каждаго народа служатъ его праздники съ относящимися къ нимъ суевѣрными обрядами, хороводами, пѣснями и играми. Вмѣстѣ съ первыми вѣрованіями возникши въ колыбели человѣчества, по откровенію самой природы, при образованіи перваго общества, они выражаютъ въ себѣ древнѣйшую быль народа, климатъ той страны, гдѣ онъ жилъ, его понятія объ Астрономіи, Естественновѣдѣніи, Нравственности — его Вѣрованіе, Исторію и Поэзію. Какъ Вѣрованіе проникаетъ цѣлую жизнь народа: то и гражданскія распоряженія и семейные обычаи связуются тѣснѣйшимъ союзомъ съ его мифами и поверьями, съ его преданіями и сказаніями, съ колыбельными пѣснями его младенчества, къ коему сердце невольно обращается во всѣхъ возрастахъ челоука. Народные праздники торжественно и радостно обнаруживая нравственные и религіозныя чувствованія, доставляютъ участникамъ въ оныхъ льготу и наслажденіе. Нигдѣ съ такою полно-

шой и свободой не раскрывается личность народная, какъ въ праздникахъ; нигдѣ столько, какъ въ нихъ, не сближаются люди душою и сердцемъ. Тамъ укрѣпляется старое и заводится новое знакомство, тамъ обмѣниваются мыслями и чувствованіями, тамъ частное дѣлается общимъ, прошедшее и будущее обращается въ сладостное настоящее: тамъ любимы просторъ уму и разгулъ душѣ.

Большая часть праздниковъ народныхъ родилась въ древнемъ Язычествѣ, гдѣ съ богослужебными обрядами соединяемо было судопроизводство и промышленность; отъ сего гдѣ была торгъ, тамъ судъ и расправа. Имѣя тѣсную связь съ вѣшною природою и съ внутреннею жизнью народа, праздники ведутъ свое начало отъ его глубокой Древности, входя въ составъ его Исторіи, живописуютъ его духъ и характеръ, намѣкаютъ на коренный бытъ и на основныя его идеи. Учрежденные по естественнымъ эпохамъ года, они объясняются и освящаются мѣрами народными, кои содержатъ въ себѣ повѣрья о божествѣ, человечествѣ и природѣ. Какъ поэзія жизни народной, они сливаются съ символами и инсказаніями, пѣснью и пляскою — языкомъ души и сердца для всѣхъ понятнымъ.

Всѣ народы имѣють природную склонность выражать порожественно радость и печаль. Самъ Богъ учредилъ и освятилъ праздники въ народѣ Еврейскомъ для воспоминанія Своихъ къ нему благодѣяній, для возбужденія въ немъ благоговѣйныхъ чувствованій и для обвеселенія сердецъ въ дни покоя и свободы (1). »Первые праздники у Грековъ, говоритъ Аристотель, ознаменованы были радостію и благодареніемъ. По собраніи плодовъ земныхъ, народъ сходился въ избранныя мѣста для жертвоприношеній и для веселія, ощущаемаго имъ при изобиліи благъ земныхъ.» (2)

Хотя праздники у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра имѣють общія начала, какъ бы прирожденныя человѣчеству; однако естественныя и нравственныя причины различія людей опличають оныя по цѣли и по выраженію: опъ сего происходитъ различіе въ праздникахъ у воинственныхъ и мирныхъ племенъ, у земледѣльческихъ и пастушескихъ, у дикихъ и просвѣщенныхъ, у языческихъ и Хрістіанскихъ, у жителей горъ и

(1) Dictionnaire historique, critique etc. de la Bible, par A. Calmet, t. III. à Toulouse, 1783. 8.

(2) Aristot. polit. 2, 7. — Strabo Geogr. IX. Βασιμυθῆς Ἑλληνική Ἀρχαιολογία. Τ. I. Halle, 1826. 8.

долинъ, у восточныхъ и сѣверныхъ народовъ. Въспль съ переселеніемъ и смѣшеніемъ племень переселяющся и смѣшивающся съ другими ихъ повѣрья и обычаи; опъ сего въ Римскихъ праздникахъ находимъ слѣды Греческихъ, въ Славянскихъ вліяніе шѣхъ и другихъ, съ при- мѣсью Скандинавскихъ, Германскихъ, Финнскихъ и Восточныхъ.

Болѣе или менѣе явственныя останки Славяно-Русскаго богоученія въ Язычествѣ замѣпны въ повѣрьяхъ, обрядахъ и праздникахъ народныхъ, какіе сохранились преданіями и донныѣ существующъ въ Россіи и въ шѣхъ спранахъ Европы, гдѣ только прокладывало себѣ слѣдъ Славянское племя и гдѣ звучало его слово. Священныя шоржества у ешаго племени, подобно какъ и у другихъ сѣверныхъ народовъ, сопровождались мольбами, обѣшами и жертвоприношеніями, гаданіемъ, пѣніемъ и плясками, или играми, общеспвенными ширшествами и взаимными дарами: онѣ служили къ ушверженію союза и брашства, свойшвеннаго паспушескимъ и земледѣльческимъ племенамъ. Сіи дни общаго веселія, приурочивайсь къ временамъ года, бывали у нихъ днями судовъ народныхъ и шорговъ, сроками работъ и полюбвныхъ сдѣлокъ. У Поляковъ *godu*

значить народный увеселительный праздник, пиршество, которое у других Славянских племен называется Swatki (Свяшки) и Lato. Русское слово *торжество* происходит от *торга*, сродного с Сео-Готским *torg*. Самое слово *праздникъ* выражаетъ упрямство, свободу от будничныхъ трудовъ, соединенную съ веселіемъ и радостью. *Праздникъ* есть свободное время, освященное богопочтениемъ, *обрядъ* — знаменательное дѣйствіе, принятый способъ совершенія торжественныхъ дѣйствій; послѣдній содержится въ первомъ.

Рускіе народные праздники, по ближайшему отношенію къ мѣтамъ и повѣрьямъ, къ внутренней Испоріи и Древностямъ народа, составляютъ часть Археологіи — *Еортологію* (*ѳортѣ* праздникъ и *λόγος* ученіе), или ученіе о праздникахъ, входящихъ въ составъ народнаго календаря. Различествуя по цѣли и сущности своей отъ церковныхъ, христіанскихъ празднествъ, древніе праздники народа остались отъ древняго его быта, какъ опеченные обычаи, обратившіеся въ игру его жизни (3).

(3) Die Feste der alten Christen, von D. J. Augusti, I — IV. Leipzig. 1817. 8. — Religions de l'Antiquité,

Испочникомъ проспонародныхъ празд-
 несствъ и обрядовъ супъ вѣрованія и обычаи,
 кои даюшь имъ особенную форму и характеръ
 сообразно съ мѣстностію. Отъ различія въ
 духъ шѣхъ и другихъ происходитъ разли-
 чіе въ самыхъ праздникахъ, какое видимъ
 въ Россіи, по количеству великой и малой,
 по качеству бѣлой, черной и красной.
 Древній льшописецъ изобразилъ намъ несход-
 ство нравовъ и обычаевъ у спарожилловъ и
 заморскихъ пришлецовъ въ Рускомъ мірѣ (4),
 у копорыхъ были свои вѣрованія и обряды,
 шакъ какъ у племень, въ послѣдствіи насе-
 лившихъ южную и сѣверовоспочную Россію.
 Хопя у епихъ племень, и попомковъ и преем-
 никовъ ихъ, опкрывается нѣкопорое сходство
 въ повѣрьяхъ и обычаяхъ; однако еспъ многія
 мѣстныя особенності, о коихъ гласитъ и
 пословица: *Что городъ, то норовъ; что деревня,
 то обычай; что подворье, то повѣрье.*

Съ перемѣною образа жизни и правле-
 нія, вѣры и нравовъ, перемѣнялись въ суще-

ouvrage du F. Creuzer, trad. par I. Guignaut, t.
 I—III. à Paris. 1825. 8. — Antisymbolik von I.
 F. Voss, Stuttg. 1824. 8.

(4) Льшописъ Несторова по Лаврентш. сп. М.
 1824, въ 4.

спвъ и видѣ своемъ, или совершенно уничпо-
жались древніе мѣры и праздники въ Рускомъ
мірѣ, замѣняясь священными, хрістіанскими,
или обычаями благочестивыми, кои пропивопо-
ложны были языческимъ. Ревность паспырей
Церкви испребляла капища и кумиры опе-
чественныхъ боговъ, строго запрещаая суе-
вѣрія, кои называли они въ посланіяхъ сво-
ихъ *Еллинскими, Латинскими, бѣсовскими, дя-
вольскими* (5). О подробностяхъ языческой ре-
лигіи умалчивають благочестивые летописцы
наши, вѣроятно по тому, чѣмбъ самымъ на-
помянѣмъ не подашь повода къ соблазну
соопчичамъ, еще неушвердившимся въ пра-
вославіи. Охудая внѣшніе языческіе обычаи,
обряды и повѣрія, какъ прошивные чиспомѣ
вѣры Хрістіанской, первые ея проповѣдники
въ Россіи — Греки не говорили о чуждыхъ
себѣ божествахъ, въ честь коихъ по привычкѣ
совершались оныя, и даже послѣ введенія
Хрістіанской вѣры, еще удерживались въ народѣ
древніа суевѣрія, съ коими онѣ сроднился и
не легко могъ опѣ нихъ опсшать; подѣ ви-
домъ обычной игры и помѣхи онѣ уклонял-
ся въ дремучія дубравы или въ кѣпи совер-

(5) *Antichità Romantiche d'Italia: sulle feste. Milano.*
1829. 8.

шасть шайкомъ завѣщныя обряды. Въ двухвѣковое владычество Татаръ надъ Россіею священныя успавы Церкви, по выраженію Царя Іоанна IV, *поизшатались*, и возобновились суевѣрные обряды, *поганскіе обычаи, изры, коби бѣсовскія, Радунцы, Русалы* объ Ивановѣ дни и *кудесы*, кои запрещаются Споглавомъ и о коихъ въ послѣдствіи предложена объясненіе. Изъ лѣтописи видимъ, что Новгородцы 1358 г. „ушвердились между собою крѣпнымъ цѣлованіемъ игранія бѣсовскаго не любими и бочекъ не биши (6).“ Кормчая, Номоканонъ, Споглавъ, Духовный Регламентъ и пастырскія посланія Священителей Россійскихъ упоминающъ о разныхъ повѣрьяхъ Язычества, кои изъ городовъ переселялись въ села и деревни, отъ высшаго сословія народа переходили къ низшему. Сколь ни выпѣснялись и ни изкоренялись старыя народныя обычаи въ вѣкъ Петра I; однако они пробивались въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ случаяхъ. Что испреблялось въ одномъ мѣстѣ, то удерживалось въ другомъ. Нерѣдко отъ древняго языческаго богослуженія оставались въ народѣ однѣ принад-

(6) Софійскій временникъ, или Руская лѣтопись съ 862 по 1534 г. М. 2 ч. 1820. 4.

лежності онаго — игра, хороводъ, пѣсня, пиршество, заповѣдное дерево, камень, испочникъ, городище, мѣста прежнихъ *требищъ*, *тризницъ*, *торжищъ*, или сборовъ праздничныхъ (7). Но какъ самородныя, коренныя мысли народа и признаки древняго его быта и вѣрованія открываются и въ епихъ немногихъ оспашкахъ: по изъ нихъ мы постараемся вывести черпы его Мифологіи, какъ основанія праздниковъ народныхъ.

Дунайскіе Славяне, извѣстные Византійскому Историку Прокопію, VI вѣка по Р. Х., по свидѣтельству его, „признавали единымъ Богомъ и владыкою міра, Творца молніи; сверхъ того, почитали рѣки, нимфъ и другихъ духовъ (8).“ Но когда сіи Славяне расселились и раздробились по сѣверо-восточнымъ странамъ Европы: по и религіозныя понятія ихъ смѣшались съ понятіями шѣхъ народовъ, съ которыми они сближались; отъ сего и различіе въ Мифологіи Славянъ юго-западныхъ и сѣверо-восточныхъ, у которыхъ единство мысли о божествѣ, произшедшее отъ первобытнаго единства вѣрованія, распалось на части и образы.

(7) Примѣчанія на Исторію Леклерка, соч. Болтина. 2 ч. С.П. 1788. 4. (8) de bello gothico, III, 14. *Helmoldi Chron. Slavorum*, I, с. 84.

Вѣроятно, что и религія заморскихъ пришлецевъ с.м.лась съ религіею Финновъ и Славянъ; по тому что и шѣ и другіе находили сходство въ божествахъ своихъ. Скандинавскій *Фіоргунъ* (Fíögrun), жизнодапель, нечуждымъ показался Славянскому *Перуну* (пѣр огонь, ріогун молнія), оплодворяющему землю, а *Волосъ* послѣднихъ *Валассу* (Váli-áss, Val-ass) первыхъ, какъ божества, покровительствующія земледѣлію и скоповодству. Скандинавскій *Бель*, или *Баль*, божество огня и свѣща, сходное съ Азіатскимъ *Баломъ*, и *Торъ* громоносный, съ млапомъ въ рукъ (Mjölner молнія?) перешли въ *Бѣлбога* и *Чернобога*, означающихъ двойственность Славянской религіи, отъ коей Германская различается своею происхожденіемъ; Скандинавскій *Одинъ* или *Водинъ* вѣроятно преобразился въ *Водянаго* (9).

В. К. Владиміръ I въ язычествѣ своемъ, вмѣстѣ съ соединеніемъ разныхъ народцевъ, населявшихъ погдашнюю Русь, соединилъ въ спольномъ градѣ своемъ Кіевѣ и семь ихъ главныхъ Божествъ, именно: *Перуна*, *Волоса*, *Даждѣбога*, *Стрибога*, *Хорса*, *Семаргла* и *Мокоша*. Кумиръ первенствующаго изъ нихъ, *Перуна*, обо-

(9) Waffertmann. Edda Saemund. t. III. Havniae, 1828.

4. Волосъ (Val-ass) состоитъ изъ словъ: волъ, шуръ и ассъ, азъ (Скандш. ás, áss) богъ.

жаемъ былъ и на Днѣпрѣ и на Волховѣ, первый низринупъ былъ по введеніи Хрістіанства (10). Въ Чехъи Минеи Св. Димитрія описываются слѣдующія, пославленные въ Кіевъ Владиміромъ божества: „Начальнѣйшій *Перунъ*, его же въроваху быши бога грома и молніямъ и облакомъ дождевымъ; вторый *Волосъ*, мнимый быши богъ скоповъ; третій *Позвиздъ* или *Вихоръ*, богъ воздуха; четвертый *Ладо*, богъ веселія; пятый *Купало*, богъ плодовъ земныхъ; шестый *Коляда*, богъ празднованія, въ зимѣ бывающаго, и иніи меньшіи боги, не почію въ Кіевѣ, но и по всѣмъ Россійскія державы спранамъ“ (11). Въ большой Макарьевской Миней упоминаются полько испребленные В. К. Владиміромъ идолы: *Перунъ*, *Хорсъ*, *Дажбъ*, *Мокошь*, *Волосъ*.

Подъ вліяніемъ Хрістіанства, народъ, забывая наконецъ своихъ главныхъ боговъ, припоминалъ полько въпороспеленныхъ и особенно миобы физическіе, кои имѣюшъ предметомъ олицетворенныя явленія и силы естества, или символы жишейскихъ потребностей,

(10) Краткое обозрѣніе Мифологіи Славянъ Росс. П. Строева. М. 1815. 8. — Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von Dr. Zfany. 2 B. Znaim, 1827. 8.

(11) Чехъи Минеи, Іюля 15, жишіе В. К. Владиміра.

каковы: *Ярило, Купало, Ладъ, Чуръ, Авсень, или Таусень, Зничъ, Веснянки, Осенянки и Зимнянки, Водяны, или Водяныя, Моряны, Огляны*, извѣстные и *Карпатпороссамъ, Вѣтряны*, также *Русалки* (12), *Кикиморы, Карачуны, Яга-баба и Вѣдьмы*. По мнѣнію народа, въ лѣсахъ владычествовалъ *Лѣшей*, въ поляхъ *Полевой*, въ домахъ *дѣдушка Домовой*, копорый бывалъ и *Постенемъ*, а въ подпольяхъ *Лизуномъ*. Всѣ сіи существа мистическія болѣе или менѣе входятъ въ семейный бытъ проспаго народа, содѣйствуютъ или прошиводѣйствуютъ ему въ жизни, ублажаются жертвами или изгоняются заклинаніями и особенными обрядами (13), изъ коихъ многіе недавно испребились. Только 1765 г. уничтоженъ *Тихономъ I* въ Воронежѣ, 1771 г. въ Коспромѣ *Симономъ*, а въ Твери *Меодіемъ* 1805 г. праздникъ въ честь *Ярила*, нашего *Еропа* и *Лингама* (14), копорый, по словамъ *Герарха*, въ шѣхъ спрахахъ почишаемъ былъ за

(12) По свидѣтельству *Татищева*, *Св. Димитрій Росп.* написалъ о *Русалкахъ* пространное сочиненіе, копорое онъ у него самъ видѣлъ. И. Р. кн. I, г. 2.

(13) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ, *Г. Успенскаго*, 2 ч. Харьковъ. 1818. въ 8.

(14) Описаніе жизни и подвиговъ *Преосв. Тихона*. изд. 2. М. 1820. 8.

бога до введенія Христіанской вѣры: Ярилу предспавлялъ избранный опъ міра чело-
вѣкъ, копорого, предъ заговѣньемъ Пепрова
поспа, обвязывали всякими цвѣшами, лен-
шами и колокольчиками, и надѣвъ на голову
высокій колпакъ съ леншами, водили съ
плясками по площади. Такоежъ почти празд-
неспво бывало въ селеніяхъ Рязанской и
Тамбовской Губерній. — Хопя *Лады*, Нару-
шевичъ не находипъ ни въ Липовской Ми-
еологіи, ни у Германскихъ Славянъ, но у
однихъ Рускихъ, у копорыхъ Ладо вспоми-
наепся въ слѣд. пословицъ: *Не недобно и кладъ,*
коли у мужа съ женою ладъ (15); однако въ
экземплярѣ Кромеровой Испоріи, хранящем-
ся въ Рижской публ. библіюпекѣ, написано
спаривнымъ почеркомъ слѣдующее: „И въ
„наше время Липовцы, равно какъ Лепшы
„и Кури призываюпъ Ледо или Ладо около
„Иванова дня. Тогда, по спаривному суевѣ-
„рію, украшаюпъ они цвѣшами и древесными
„лиспьями испочники, и собираюпъ правы,
„кои почипаюпъ полезными опъ всякой бо-
„лѣзни.“ Ладъ у Карпапо-Россовъ празднуеш-
ся въ день Купалы. Нашъ *Ладъ* и *Ладо*, какъ

(15) Извѣстный припѣвъ: ай *дидо ладо*, не со-
споишъ ли изъ Греческаго слова *δέϊδω* *дидо*, боюсь и
ладо—мужа? чпѡ подпверждается смысломъ пѣсни.

купа, сходны съ Римскими Яномъ и Яною, (Deiva Jana), богомъ солнца и богинею луны, воспѣваемыми въ Салійскихъ пѣсняхъ. Хотя Карамзинъ и говоритъ, будто не извѣстно ни одной старинной пѣсни, гдѣ бы воспѣвалось имя *Купала* (16); но мы представимъ довольно шакихъ пѣсень. *Купало* и *Купальница*, какъ увидимъ, извѣстны почти во всей Россіи.

Сколько въ Россіи есть урочищъ, запечатлѣнныхъ именемъ языческихъ боговъ и служащихъ мѣстомъ для игрищъ! *Перунъ* есть урочище въ Новгородской Губерніи въ Устюженскомъ уѣздѣ; *Перунина пустыня* въ Весьегонскомъ уѣздѣ на ручьѣ Задворевскомъ; *Перуново* или *Ладовишино* въ Ржевскомъ уѣздѣ; *Перуновъ* въ Полоцкомъ повѣсть; *Перунова рть* въ Кіевѣ. Воспоминаніе о Волосѣ сохранилось въ *Волосовой улицѣ* или *Волосовѣ* въ Новгородѣ и въ суевѣрныхъ обрядахъ *Опахиванья*, или *Коровей смерти*. *Туръ* часто повторяется въ названіяхъ рѣкъ, горъ, селеній *Туровыхъ*, *Туровскихъ*. По Троицкой дорогѣ близъ Воздвиженскаго есть городецъ *Бѣлые боги*, нынѣ *Бѣльскій станъ*, или *Бѣлужинская роща* (коршомá), гдѣ, по старому преданію, на высокомъ холмѣ спояла дубрава

(16) Карамз. II. Г. Р. I. прим. 208. Сходство есть съ Лаш. sorula, союзъ, купа.

заповѣдная, а въ ней было капище. Яриломъ слыветь ярмарка въ Оренбургской Г., а Купальницею — въ Переславль Залѣскомъ, гдѣ, подобно какъ въ Росповѣ въ XII в., при Царѣ Василѣ Шуйскомъ существовалъ камень (Волось вѣрояшно), въ честь коего совершалось празднество 19 Іюня (16). Подобно древнимъ народамъ міра, у Славянъ огромные камни были предметами обожанія: слѣды сего донынѣ сохранились суевѣріемъ. Недалеко отъ Москвы близъ села Архангельскаго въ лѣсу находилась яма, копорую почитаютъ мѣспомъ идола *Тучева*, вѣрояшно, аеролипа, упавшаго изъ пучи. Въ описаніи древнихъ городовъ Рускихъ дальнихъ и ближнихъ упоминается *Королюновъ камень* (17). Въ Тульской Губерніи въ Одоевскомъ у. у проспюлюдиновъ находящаяся въ великомъ уваженіи два большіе камня, *Башъ* и *Башиха*, подобно Черемисскому *Чембулашкѣ*; на Ладожскомъ озерѣ, на оспровѣ *Коневцѣ* лежишь въ лѣсу *Конь камень*, коему въ XV вѣкѣ ежегодно приносили въ жертву коня (18), а въ Ефремовскомъ у. на берегу Красивой Мечи вокругъ *Коня камня* совершается

(16) рукоп. житіе Преп. Принарха Росповскаго.

(17) *Карамз.* II. Г. Р. IV, прим. 387.

(18) *Исторія Росс. Іерархіи*, ч. IV, М. 1812. стр. 627.

Опахиванье во время скопскаго падежа. Доселъ еще не испребилося въ простомъ народѣ особенное почтеніе къ вѣкопорымъ колодезямъ или сшуденцамъ и озерамъ, коимъ, по свидѣтельству лѣтописей нашихъ, онъ приносили пребы и памъ совершалъ гаданія и омовенія, пакже древнимъ дупловатымъ деревьямъ, особенно дубамъ, кои и въ Сѣверной Германіи почипались священными даже по водвореніи Хрістіанства.

Вообще все, чпо сохранилось въ народѣ преданіемъ опъ древняго богоученія, болѣе и болѣе принимало форму простаго суевѣрія и шеря коренное свое значеніе, присоеди нялось къ хрістіанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ спараго обычая и повѣрья; нерѣдко невѣжесво и закоснѣлая привычка смѣшивали давно знакомыя имъ принадлежноспи языческихъ божеспвъ съ хрістіанскими святыми, съ поржеспвами церкви обряды капищъ идольскихъ, на мѣстѣ коихъ, болъшею частію, сооружены первыя церкви или часовни, какія находяпся въ Кіевѣ, Новгородѣ и ш. д. Не возможно было искоренипъ однимъ разомъ шо, съ чѣмъ свыклась душа и чпо поддерживало самобыпность народа, копорый спарался удержатъ празднества и повѣрья своей древности попому еще,

что они соединены были съ различными играми и увеселеніями. Конспаншинъ Великій, уже по введеніи Хрістіанской вѣры въ Имперіи, не запретилъ продолжатъ древніе обычаи, въ постановленіи своемъ касательно оныхъ. В. К. Владиміръ I, уже просвѣщенный Евангеліемъ, допускалъ нѣкоторыя обычаи спаринныя — *живяше по устроенію дѣдно и отцу* (19). Изъ снисхожденія къ законамъ суевѣріямъ и проспотѣ ума народа, проповѣдники Хрістіанской вѣры, желая ослабить языческія суевѣрія, шерпѣли ихъ между самыми Хрістіанами (20), у которыхъ унижались оныя превращеніемъ въ пошѣхи и увеселенія; они переводили имена опечеспвенныхъ боговъ народа на имена свяпыхъ, и чѣмъ прежде въ его быпу завѣдывали первые, тѣмъ въ послѣдствіи спали завѣдывать другіе: опъ сего вѣрояпно произошли прозванія свяпымъ, заимствованныя опъ спихій, климата, времянь года, опъ предметовъ домашняго быта и сельскихъ шрудовъ, напр: *Борисъ и Гльбъ*, въ Бѣлоруссіи *черный и бѣлый хлѣбъ*, по всей Россіи *Илья Пророкъ*, предспавившеть грома, заступившій мѣсто

(19) Обозрѣніе книги Кормчей, объясн. *Барона Розенкампа*. М. 1829. 8.

(20) Вѣспникъ Европы, 1826, Но 4.

Перуна (21), *Св. Іеремія запрягальщикъ*, *Св. Θεодосія колосяница*; *Св. Агриппина купальница* и п. д. *Св. Власій* замѣнили низверженнаго *Волоса*, бога скошія, о которомъ донинѣ напоминаеть праздникъ *Вель-оксъ*; опправляемый Мордвою, попомками Росповской Мери; *Богданъ* замѣспилъ *Даждь-бога*. И наоборотъ; иногда Хрістіанскимъ святымъ невѣжесво черни придавало видъ кумировъ своего Язычества: какъ *Св. Крестителя Іоанна* оно обрапило въ *Купалу*, *Св. Виша* на оспровѣ *Рюгенѣ*, по свидѣпельсву *Гельмольда*, въ *Свѣшвида* на *бѣломѣ конѣ*, или свяпнаго *вишязя*, котораго смѣшивали съ *Св. Георгіемъ* (22); даже св. иконы называли *богами* и св. церкви *божницами*. Поморяне; въ 1124 г., изъявляли желаніе поклоняпсья и старымъ божкамъ своимъ и вмѣстѣ *Іисусу Хрісту*; въ старинныхъ пѣсняхъ *Рускихъ Троица* и *Богородица* воспѣваеися вмѣстѣ съ *Ладо*. Помомъ, собспвенныя имена боговъ переходили въ нарицательныя, подобно какъ онѣ прежде изъ нарицательныхъ сдѣлались собспвенными, оличая предметы чувспвенные, ихъ дѣйсвія и

(21) Рускіе въ своихъ пословицахъ. И. С. кн. 4, 1834. 12.

(22) Pommerische Kirchenchronik, v. D. Cramerum. zu alt. Stettin, an. 1605. 4.

свойства, напр: *Перунъ*, *Погода*, *Ладъ*, *Чуръ* и ш. д. Возбужденное благоговѣніемъ къ Хр. вѣрѣ омерзѣніе къ древнему идолопоклонству превращало имена боговъ въ ругательства— *Тора* въ *чѣрта*, въ Нѣмецкаго *Эфот* болвана, дурака, сходнаго съ Черемисскимъ *чортомъ*, *Буга* или *Бука* въ пугалища, кумиры боговъ въ *болваны* и *чурбаны* (23), также самыхъ божичей, не упоминая ихъ наспоющія имена, просто называли *бѣсами*.

Чествовать предметы своего благоговѣнія праздниками сродно человеку, для котораго вѣрованіе заключаетъ въ себѣ прошекшее и будущее, божество и міръ духовный, природу и его самого. Въ его праздникахъ выражаются его обѣщанія, надежды и воспоминаніе собственнаго прошедшаго, которое для него спланировался кумиромъ. Съ испребленіемъ внѣшняго идолослуженія при введеніи вѣры Хрістіанской въ Россію, понятія тогда преобладавшаго Языческаго, внѣдрясь въ духъ и бытъ народа, проявлялись въ древнихъ праздникахъ его и повѣряхъ, даже Хрістіанскія торжества Церкви получали названія языческихъ, какъ напр: *Русальская недѣля*, *Купало*, *Ра-*

(23) У Исландцевъ *Рикі*, у Шведовъ *Рике*, у Англичанъ *Риск*, встрѣчающійся у Шекспира.

дунища. Но праздники церковные и народные по духу и цѣли своей различны, хотя суевѣріе и невѣжество примѣшиваются одни къ другимъ. Церковные праздники, кои свидѣтельствуютъ объ истинѣ событій, составляющихъ сущность Вѣры Христіанской, представляютъ разительную противоположность съ древними языческими, простонародными; ибо одни, какъ живые уроки объ истинахъ Евангельскихъ, введены Церковію для возбужденія въ насъ благоговѣнія и благодарности къ Богу (24), а другіе, созданные свободною фантазіей народа во пѣмъ Язычествѣ, имѣютъ отношеніе и приложеніе къ древнему его быту, жизни, и какъ поэтическое выраженіе оныхъ. У первыхъ предметомъ духовность, у другихъ болѣе чувственность: одни возбуждаютъ благоговѣйныя и высокія ощущенія, а другіе обращаются въ веселіе и забаву, какимъ предается народъ по естественному влеченію поврежденнаго человѣчества и по укоренившейся привычкѣ. Хотя послѣдніе иногда совпадаютъ въ дни первыхъ; но мы будемъ разсматривать отдѣльно простонародные праздники Рускихъ Славянъ, какъ

(24) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835. 12.

оспапки языческихъ, опъ хрістіанскихъ поржесвъ, подчиняя первые, сколько возможно, условіямъ времени и мѣста.

§ 1. Въ первомъ опношеніи они древніе и новые: одни образованные въ Язычесвъ и удержавшіеся въ Хрістіанствѣ до XVIII, а другіе съ XVIII вѣка до нашихъ временъ.

Не извѣстно, какъ Славяне жили въ дикомъ и грубомъ соспоянніи — сперва родами, потомъ и племенами; праздники ихъ климаина и духа, вѣроятно начинающіяся вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ главныхъ потребностей жизни, вытекающія изъ общежительства. Глубокая древность есть причина, что мы не знаемъ съ хронологическою точностію успановленія религіозныхъ поржесвъ, кои древнѣе житейскихъ; праздники, происходящіе опъ разныхъ занятій въ году, у Славянъ Рускихъ появились позднѣе, чѣмъ у Славянъ западныхъ; ибо въ Руской землѣ, по суровому климату и мѣстности, жили единообразно; начало ихъ праздниковъ съ вѣроятностію опнессти можно не далѣе, какъ къ VII или VIII вѣку по Р. Х.

Праздники съ жертвоприношеніями были главною принадлежностію древняго богослуженія у Славянъ, такъ какъ у наро-

довъ древняго міра; жрецы, которые въ-
дали льпосчисленіе и времена праздниковъ
въ честь разныхъ божествъ, назначали ме-
паніемъ жребія шоржесва и жертвоприно-
шенія, на кои спекались мужи и жены съ
дѣшми (25). У народцевъ, населявшихъ Сѣ-
веръ нашъ, въ самой Древности суще-
ствовали *игрища между селу*, на коихъ они
брали себѣ женъ, и *Тризна* надъ мерпве-
цемъ; опечеспвенные писашели наши, упо-
миная о сходбищахъ на игрища, на плясанье,
пѣніе, на борьбы и битвы дреколиемъ, кои
бывали въ божеспвенные праздники, умал-
чивающъ о томъ, въ честь какихъ божествъ
совершались сіи позорища. Съ точностію
нельзя сказать, чпобы существовали на на-
шемъ Сѣверѣ храмы и капища боговъ и бож-
ницы, изъ коихъ упоминается въ льпописи
одна *Турова божница* (26). Върояніе, чпо мѣ-
спами богослуженій были городищи, камни
жертвенные, берега рѣкъ и озеръ, мосты,
горы и дубравы священныя, кои у Герман-
скихъ племенъ были шакже мѣспами суда и
расправы, а жрецы ихъ судьями.

(25) *A. Crantz Saxonia. Francof. 1611, f.*

(26) *Карамъ. II. Г. Р. ч. I.*

Въ приписанномъ В. К. Владиміру Уставѣ, впрочемъ важномъ для насъ по своей древности, упоминающагося обряды и повѣрья Языческаго, какъ-то: „о моленіи подъ овиномъ и рощею, „или у воды, чародѣяніи, волхвованіи“ и ш. д. Преп. Неспоръ, близкій ко временамъ Языческаго въ Россіи, свидѣтельствуетъ, что еще при немъ „схожахуся на игрища, и на „плясанье и на вся бѣсовская игрища. Видимъ „бо игрища уполиченна и людій много множе- „ство, яко упишати начнушъ другъ друга, позо- „рища дѣюще опъ бѣса замышленнаго дѣла.“ Сходное съ ешимъ упоминается въ Кормчей кн. гл. 17. Рускій переводчикъ Св. Григорія Богослова въ XI вѣкѣ вспавилъ опъ себя въ шекствѣ слѣдующее замѣчаніе, касающееся суевѣрій его опеческа: „Овъ прѣбоу ство- „ри на споденьци дѣжда иски опъ ніего, „забывъ яко Богъ съ небесе дѣждъ даепъ. Овъ „несущимъ богомъ жьреть и Бога створъ- „шаго небо и землю раздражаепъ. Овъ рѣку „богиню нарицаепъ и звѣрь живиощъ въ ней „яко Бога нарицая, прѣбу творишъ“ и ш. д. (27). Въ Номоканонѣ, напечатанномъ во Львовѣ 1646 г., пишется слѣдующес: „О

(27) Библиографическіе листы *П. Келлена*, С. П. 1825, No 7. стр. 88. 4.

„вѣрныхъ, послѣдующихъ Еллинскимъ обычаямъ и плясаніемъ на брацѣхъ, и на спогнушворящихъ, или русалкомъ, или гласовомъ ппичимъ вѣрующихъ, или новомѣсячію, или оуспрѣшеніямъ, или испязаніемъ внимающихъ, или огня паленія на спогнахъ, яже шворяху Еллини древле. А нынѣ якоже видимъ хрїстіанскія дѣши сія шворятъ (купала), въ навечерія праздничныя по нѣкому обычаю древнему: или въ одежду женскую мужіе облачаша и жены въ мужескую: или наличники, якоже въ спранахъ Лапинскихъ злѣ обыкши шворятъ.“ Митрополітъ Рускій Кирилль, въ XIII в., въ правилѣ своемъ замѣчаетъ: „Паки же увѣдѣхомъ бѣсовская еще дѣржаще обычая шреклѣпыхъ Еллинъ, въ божественныя праздники позоры, нѣкакы бѣсовскыя шворипи, съ свистаніемъ и съ кличемъ и въплемъ съзывающе нѣкы скарѣдныя пьяница, и бьющеса дрьколѣемъ до самыя смерпи и възимающе отъ убиваемыхъ порпы. На укоризну се бываетъ Божиимъ праздникомъ и на досаждение Божиимъ церквамъ. Паче о семъ досажаютъ нашему Спасу и Заспу, иже насъ избави отъ шп проказы смершныя и шп пути дьяволя и шобъвеселивый сердца наша святыми, чешными праздники“ и ш. д. (Изъ древ-

нихъ письменныхъ памятникѣвъ видно, что съ самаго принятія Хрістіанской вѣры по XVIII столѣтіе было много язычниковъ въ обласяхъ Россіи и древнихъ суевѣрій, къ коимъ относился и встрѣча съ монахомъ, какъ предвѣстіе несчастія, обливаніе водою въ праздники и на свадьбахъ и волшебства, прошивъ коихъ восплавали Іерархи Россійскіе. Даже въ XVII вѣкѣ Митрополитъ Бѣлогородскій и Обоянскій Мисаилъ въ грамотѣ своей въ Курскъ упоминаетъ, что шамъ „въ Воскресные, Господскіе и Богородичные дни умножилось великое пьянство и бѣсовское „глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми: сходились по вечерамъ и во „всенощныхъ позорищахъ по улицамъ и на „поляхъ, слушаютъ богомерзкихъ пѣсней и „всякихъ бѣсовскихъ игръ; а о Рождествѣ Хр. „и до Богоявленьяго дни собирались по вечерамъ и въ ноци на бѣсовскія игры“ и ш. д. (29).

Какъ у Римлянъ гладіаторскія игры (*ludi funebres*), такъ у Славянъ *Тризна*, соопѣшеспвующая Скифо - Гуннской *Strava*, Чехской *Strowa*, учреждены были въ память усопшихъ. „Уже поздно, говоритъ Тершуліанъ,

(29) Рускія достопамятности. ч. I. М. 1815. — Руская Вивлювка, изд. Н. Полеваго. ч. I. М. 1834. 8.

„игры перешли опъ чеспованія боговъ и „усопшихъ къ чеспованію живыхъ.“ Пиршесиво въ чеспъ мерпвыхъ, или *Страва*, по свидѣтельству Византійскихъ историковъ, было причиною великаго бѣдствія Славянъ въ VI вѣкѣ, погда побитыхъ Греками (30). У Сѣверныхъ народовъ, по мнѣнію Вормія, de rebus Danicis, *Страва* было пиршесиво въ память и чеспъ усопшихъ, на ихъ могилахъ; объ немъ упоминаеть и Карлъ Великій въ Капишул. VI, с. 194. В. К. Ольга, въ Язычеспвѣ совершившая по своемъ мужѣ призну, соединенную съ убійствами, въ Хрістіанспвѣ своемъ, по сказанію нашихъ льпописателей, запретила сыну своему дѣлать въ память себѣ призну по обычаю языческому (31). Какъ льпописи ясно говорятъ, что Кривичи, Сѣверяне, Вяпичи и Радимичи, подобно Римлянамъ, сожигали мерпвыхъ: что заведеніе епо на Сѣверѣ, особливо въ Скандинавіи общее, перс-

(30) *Jornandes de reb. Geticis*, с. 49, de Attila: Postquam talibus lamentis est defletus, *stravam* super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commensatione concelebrant, et contraria invicem sibi copulantes, luctum funereum mixto gaudio explicabant, noctuque secreto cadaver ejus terrae reconditum.

(31) *Dissertations sur les antiquités de Russie*, par M. Guthrie, à S. P. 1795. 8.

несено Варяго - Руссами въ Россію, и недавно повпорялось при борьбѣ Греціи съ Турціей: тогда Паргинопы, проданные Али-пашѣ, покидая свою родину, сожгли коспи своихъ предковъ. Самое слово *Тризна*, сходное съ Богемскимъ *trůznepi*, умерщвление, *терзаніе*, объясняется въ Словарѣ Памвы Берынды по единкомъ, ширмърсшвомъ (32). Посему очевидно, что она сопровождалась единоборствами, убійствами и *терзаніями* себѣ лица и груди, на могилѣ покойника, какъ благоугодными пѣни его жертвами, и пиршесшвомъ, на коемъ поминались дѣла его съ похвалами. Къ признамъ опнесши можно *Родительскія* (*Parentalia*, "Обіа") и наши *Радуніцы*, о коихъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Во многихъ Германскихъ и Славянскихъ земляхъ доселѣ сохранились слѣды праздниковъ въ честь мертвыхъ: въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ народъ хаживалъ 1 го Марша, въ часъ разсвѣта, съ факелами на кладбища, и шамъ приносили жертвы усопшимъ. На кладбищахъ, кои въ Псковской и Тверской губерніяхъ называются *буя-*

(32) Лѣтопись Несторова по Лавренц. сп. М. 1826.
4. Исторія Княжества Псковскаго, соч. М. Еггенля.
Кіевъ. 1851. ч. I — 4. 12.

ми и буйвищами, донинѣ въ Святки дѣлають гаданія. Празднованіе Семика приходило въ топъ самый день, когда, по древнему обычаю, погребали и поминали убогихъ на скудельницахъ, или убогихъ домахъ. Въ Троицкую субботу, какъ видно изъ Спюглава, „сходились мужи и жены на жальники, ш. е. на „кладбища, и плакали на могилахъ съ великимъ кричаніемъ, и когда памъ спануть „играшь скоморохи и гудошники: то они „переспануть плакать и начнуть скакать, „плясать и въ ладоши бить на шѣхъ жальникахъ.“ Съ исключеніемъ послѣдняго, подобный обрядъ наблюдается и донинѣ въ Смоленской губерніи. Олай великій и другіе описываютъ старинные обряды предъ наступленіемъ великаго Поста въ мершвое воскресенье (Zobsonntag), изгнанія зимы, или смерти, кои встрѣчаются у Славянскихъ и Германскихъ племенъ, а въ Польшѣ извѣстны подъ именемъ *Маржаны*. Въ это же время Франки совершали подобное торжество въ память усопшихъ, соединенное съ мимическими представленіями и пѣснопѣніями.

Къ древнимъ праздникамъ Язычества принадлежатъ *Русалии*, кои совершались на Русальной недѣлѣ, ш. е. недѣлѣ Св. Опіецъ.

Вальсамоуъ называется епопуъ праздникъ древнимъ, чужестраннымъ, о коемъ упомянемъ особенно. При Длугошѣ въ XV. в. у Поляковъ повпорялось въ Пяпидесяшницу языческое празднество *Стадо*, сходное съ Сибирскою и Московскою *Тюлкою*, или *Семикомъ* (33).

Иностранцы путешественники въ Россію XVII вѣка описываютъ древній народный праздникъ, приходившійся въ *Петровъ день*; тогда жены и дѣвицы, допоздъ сидѣвшія въ заперши дѣла, наряженные выходили на луга и шамъ качались на качеляхъ и скакали на доскахъ, пѣли пѣсни въ веселыхъ хороводахъ съ рукоплесканіями (34). Въ Сподлавѣ упоминается о *наливкахъ*, на кои хаживать народъ въ первый понедѣльникъ Пепрова поста. Торжество сіе вѣроятно совершалось въ честь Ярилы, копорый и нынѣ околѣ ешаго времени воспоминается въ разныхъ губерніяхъ Россіи, особливо сѣверныхъ и южныхъ. Въ Тульской Г. на Петровъ день за часъ до разсвѣта крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ нарядахъ собираются на холмъ *караулить*

(33) *I. Dlugossi historiae Polonicae libri XII, ed. G. Groddeckii. Lipsiae, 1711. f.*

(34) *Status et ritus ecclesiae graecae, graece descr. a Chr. Angelo, latine a G. Phelavio. Francof. 1655, 12.*

солнце (35), которое, по ихъ мнѣнію, согласному съ мнѣніемъ Исландцевъ (36), на своемъ восходѣ *играетъ*, такъ какъ и въ свѣтлое Воскресенье. Ладо воспѣвается въ *праздникъ солнца* и въ Семикъ, прообразующій въ себѣ символическій союзъ неба съ землею и плодотворную любовь между обоими полами.

Изъ явленій въ природѣ, столь ощутительныхъ для человѣка, повороты солнца, раздѣляющіе годъ на двѣ равныя части, были сильнымъ поводомъ къ учрежденію среди племенъ Славяно - Русскихъ праздниковъ *Коледы* и *Купалы*, сколь важныхъ своимъ отношеніемъ къ нуждамъ человѣка, столь же древнимъ и по своему происхожденію. Они не только существовали у Славянъ, но и у многихъ народовъ Европы и Азии подъ разными только именами, имѣя символами своими въ одномъ воду, въ другомъ огонь. Въ нихъ замѣтно среднее человѣку спремленіе къ сближенію съ духовнымъ міромъ, и поклоненіе первенствующимъ стихіямъ міра, которое, вѣроятно, есть оснашокъ Славянскаго богослуженія; ибо на сѣверъ

(35) Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга В. Броневскаго. 2 ч. Москва. 1828. 8.

(36) Edda Saemundina, t. III.

Россіи доселѣ простой народъ величаетъ огонь и воду Царемъ и Царицею. Относящіеся къ этому и другому празднику мѣны болѣе физическіе, чѣмъ историческіе. Византійскіе историки упоминають о принадлежностяхъ праздника Коледы (рожденіе непобѣдимаго Солнца, *natalis Solis invicti*, у Римлянъ), извѣстнаго у Скандинавовъ подъ именемъ *Jol*, у Англо-Саксовъ подъ именемъ Материнской но́чи (*Moedre-nicht*) (37).

У земледѣльческихъ племенъ древнѣйшіе и важнѣйшіе праздники были послѣ жатвы, кои только одни упоминаются у Гомера въ Одиссеи и Иліадѣ (38). Какъ Славяне были земледѣльческимъ народомъ, который имѣя свою систему земледѣлія, сообщилъ оную и другимъ сосѣдственнымъ племенамъ: шо они опправляли при началѣ и концѣ сельскихъ работъ разные праздники, коихъ слѣды и донинѣ сохраняются въ *дожинкахъ*, *обжинкахъ*, *застѣвкахъ*, *досѣвкахъ*, *толокахъ*.

Данчанинъ Саксонъ въ XII в. повѣспвуетъ о праздникѣ, совершавшемся къ Арконѣ, по со-

(37) *Homeri* II. I, 530. Od. XXI, 258.

(38) *Edda rhythmica, s. antiquior, Saemundina*, p. III. Havniae. 1828. 4. v. *Lexicon mythol.*

брании хлѣба, въ честь Свѣповида, которому приносился медовый пирогъ (пряникъ) въ ростъ человѣческой. Самый Бѣль - богъ, какъ виновникъ хорошей жашвы (39), называется богомъ мухъ вѣроятно попому, что въ концѣ лѣта бываетъ множество мухъ. Славяне посвящая земледѣльческіе пруды свои и плоды оныхъ разнымъ божествамъ, учреждали въ честь ихъ празднества, сходныя съ Иудейскимъ праздникомъ жистъ первородныхъ. Обычай этотъ перенесли они въ свое Христіанство, и донныи во многихъ странахъ Россіи послѣ жашвы приносятъ въ церковь для освященія первые снопы и хлѣбъ изъ первыхъ зеренъ, а послѣ выемки соповъ изъ ульевъ, первые сопы меда. Родившіеся отъ нужды и отношеній общесвенныхъ праздники *житейскіе* на Югъ и Сѣверъ Россіи получали различную фizioномію какъ отъ климата, почвы и давности занятія земли, такъ равно и отъ правотъ и образа жизни жителей; чѣмъ дальше къ Сѣверу, тѣмъ ихъ было меньше.

Какъ религіозные языческіе, такъ и житейскіе праздники, по своей вѣшности, впуш-

(39) Въ Палестинѣ былъ идолъ Аккаронскій *Велзевулъ* (Beelzebub), пачальникъ надъ житницами, который отгонялъ мухъ и также почивался хранителемъ паво-за. 4 Царствъ. I, 2. Матѣ. X, 25. Луки XI, 15.

ренности и знаменованію измѣнялись въ разные эпохи, въ кои они пропекали, именно: въ *Языческую*, или дохрістіанскую, *Греческую* до Ташарь, въ *Восточно-Европейскую* опъ вліанія Ташарь, *Липвы*, *Польши*, и въ *Западно-Европейскую* опъ Пешра I до нашихъ времянь.

Не оспанавливаясь болѣе здѣсь на Язычествѣ Славяно-Рускомъ, о коемъ выше сказано, перейдемъ къ Греческой Хрістіанской эпохѣ, въ коей являлись слѣды онаго; тогда коренныя идеи у народа облекались въ разные новые образы и проникали чуждыя ему мысли: нерѣдко выходила *старая погудка на новый ладъ*.

Въ разныхъ обласпяхъ Россіи еще оспавались древнія повѣрья и обряды долго послѣ введенія Вѣры Хрістіанской въ Кіевъ и Новгородъ.

При Неспорѣ льшописцѣ, въ праздни-ки церковныя св. храмы спояли пуспы и народъ сходился на игрища *длѣть позоры* и, по его выраженію: *Хрістіане суще, а жили по поганскимъ обычаямъ*. Являлись кудесники, или волхвы, какъ предспавишели древняго Язычества, и нерѣдко возмуцали прощодушныхъ жипелей Россіи, еще не пвердыхъ въ Хрістіанствѣ, копорые колебались между спарымъ вѣрованіемъ и вновь приняшою ими вѣрою, между заблужденіемъ и испиною. При Новгородскомъ Епископѣ Теодорѣ весь народъ

принять спорону такого кудесника и хотѣлъ убить своего Архипаспыря; на споронѣжь Епископа оспался одинъ съ боярами Князь Глѣбъ, который поразилъ попоромъ проповѣдника Язычесва и тѣмъ кончилъ мяшежь (40). Въ XII вѣкѣ Св. Авраамій, сокрушившій чудесно кумирь Велеса, или Волоса, креспилъ въ Росповѣ многихъ язычниковъ погда, какъ епомъ городъ былъ Владимірскою областью (41); въ XIII вѣкѣ Муромъ наполненъ былъ язычниками, какъ видно изъ житія Благовѣрнаго Князя Конспанпина (42).

Въ епу эпоху встрѣчающяся языческія имена и прозвища, какія давались Хрістіанамъ, напр: *Волосы*, *Водовики*, *Русалки* (43), двойственныя имена языческія и Хрістіанскія.

Когда Татары изневоливали Россію, когда ея Великіе Князья хаживали въ Орду съ выходомъ въ печеніе болѣе нежели двухъ вѣковъ; погда свободнѣе продолжались различныя языческія суевѣрія между жипелями разобщен-

(40) Софійскій Временникъ. I. стр. 167.

(41) *Карамз.* И. Г. Р. III, прим. 153.

(42) *Карамз.* И. Г. Р. II, прим. 463. Въ Прологѣ и Минеѣ (Окпибря 29) сказано: въ XI вѣкѣ.

(43) Исторія Росс. Іерархіи. ч. 2, и Соф. Временникъ, 2 ч. М. 1820. 4. *Карамз.* И. Г. Р. III, пр. 331.

ныхъ областей Россіи, закоснѣвшими въ оныхъ. Хотя при Монголо - Татарахъ, съ XIV вѣка Магомешанъ, самые Князья и вельможи Рускіе принуждены были проходитьъ сквозь огонь, *покланяться кусту и идоламъ*; но какъ народъ гнушался поганскими обычаями: по они и не могли въ немъ укорениться. Если и было вліяніе Татаръ на Россію: по болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее (44).

Хотя съ освобожденіемъ Россіи опть Татарской неволи и съ поспешнымъ упичпоженіемъ Удѣльной системы испреблялись или измѣнялись древніе обычаи и повѣрья Язычества; однако при переселеніи жителей изъ Новгорода, Пскова и другихъ областей, переносились съ пепелищъ на новоселья, гнѣздясь по въ дремучихъ лѣсахъ, по на горахъ, по на погоспахъ и жальникахъ, по на берегахъ рѣкъ и озеръ. — После родспвеннаго союза Іоанна III съ домомъ Палеологовъ, на Московщинѣ, какъ средопочин Россіи, изъ Греціи и Рима перешли нѣкоторыя тамошніе обычаи и преданія: погда, по выраженію льпописца, *земля наша замѣшалася и ста-*

(44) Собраніе путешествій къ Татарамъ въ XIII, XIV и XV вѣкахъ. С. П. 1825. 4.

рые обычаи переставились (45). Но какъ обычай, по старой пословицѣ, не клятка, не переставишь: по многіе изъ нихъ оспавались у проспаго народа въ своей силѣ даже и погда, когда между высшимъ сословіемъ замѣнялись новыми, иноземными.

Грамошы Новгородскихъ Архіепіскоповъ, Макарія въ Водскую пяшину 1534 г. и Феодосія 1548 г. и посланіе Игумена Памфила, 1505 г., въ Псковѣ, свидѣтельствуютъ о существованіи шамъ языческихъ прѣбищъ и обрядовъ (46). Въ Стоглавъ упоминающія совершавшіяся дошолѣ *Русали* объ Ивановѣ дни, сходбища въ навечеріе Рождества Хрїстова и Богоявленія на ноцное плещеваніе, безчинный говоръ, бѣсовскія пѣсни и пляски, кои оканчивались на упренней зарѣ омовеніемъ въ рѣкахъ, и *Кликаніе мертвыхъ* въ Великій Четвергъ, въ копорый упромъ жгли соломѣ, *Оклички* въ первый день Пасхи, *Вьюнецъ* на Радолицы, *Наливки* въ понедѣльникъ Пешрова поста. Тамъ же запрещается присушствіе кудесяиковъ и ворожей при судебныхъ поединкахъ и скомороховъ на жальникахъ въ Троицкую субботу, въ копорую шамъ на могилахъ за воплями и плачемъ слѣдовали скоморошскія игры съ

(45) *Карамз.* II. Г. Р. VI.

(46) Библиографическіе листы *П. Кептѣна*, 1825, No 19.

пѣніемъ, плясками и рукоплесканіемъ и ш. д. Но и самъ предсѣдатель Сноглаваго собора, Царь Іоаннъ Васильевичъ, съ опричниками надѣвалъ на себя личины о Свяшкахъ и Масляницѣ (47). Въ Рускихъ соборахъ XVI и XVII вѣковъ, въ граматахъ, паспырскихъ посланіяхъ и жиціяхъ Святыхъ въ Россіи упоминаются древнія языческія суевѣрія и обычаи, кои иногда входили въ составъ расколовъ и ересей, тогда возникавшихъ. — По сближеніи Россіи съ Европейскимъ Западомъ черезъ Липву и Польшу и по присоединеніи малой Россіи къ великой, перешли на Сѣверъ нацѣ нѣкошорыя западныя суевѣрія и обычаи. Въ судебныхныхъ актахъ того времени часно вспрѣчаются слѣдствія о колдовствѣ и чародѣйствѣ, составляющихъ также народное вѣрованіе, и о другихъ дѣйствіяхъ Магіи, коимъ вѣрили во всей Европѣ.

Въ 1684 г. Пашріархъ Іоакимъ указомъ своимъ запрешилъ бывшія на Москвѣ «скверная и бѣсовская дѣйства и игрища въ навечеріи Рождества Христова. Тогда — пишешъ онъ — ненаказанніи мужескаго полу и женскаго собравъ ся многимъ числомъ, опѣ «спарыхъ и молодыхъ, мужи съ женами и дѣвки ходящъ по улицамъ и переулкамъ къ «бѣсованнымъ и бѣсовскимъ пѣснямъ, сло-

(47) Карамъ. И. Г. Р. VIII.

»женнымъ ими, многія сквернословія присо-
»вокуцляютъ, и плясаніе пворятъ, на раз-
»женіе блудныхъ нечистотъ и прочихъ грѣхо-
»паденій, и преображающесе въ неподобная опъ
»Бога оозданія, образъ челоувѣческой премѣня-
»юще, бѣсовское и кумирское личашъ, косма-
»шые, и иными бѣсовскими ухищренными со-
»дѣянные образы надѣвающе, плясаньми и
»прочими ухищренными православныхъ Хрісті-
»анъ прельцаютъ; такожь и по Рождествѣ
»Хрістовѣ во 12 днѣхъ до Крещенія Господа
»нашего І. Хріста таковая жъ бѣсовская игра-
»лица и позорища содѣваютъ.« Такъ какъ
Кормчая запрещаетъ *Хрістіаномъ играти и на*
позорища ходити: по Паптріархъ Адріанъ 1697
г. въ инспрукціи своей спароспамъ попов-
скимъ предписываетъ »не хоронитъ ни на
»кладбищѣ, ни на убогомъ дому, а на полѣ
»и въ лѣсу шѣхъ, копорые играя ушонутъ
»или съ качели убьются.«

Въ эпоху преобразованія Россіи Петромъ
І личностъ народная сильно измѣнилась опъ
вліанія Европейскаго образованія; многіе спа-
рые обычаи въ городахъ выпѣснились но-
выми, иноземными, или запрещались Цар-
скими указами; самая одежда, жилища, об-
разъ жизни испышали перемѣны, кои не-
охотно принимали не только простолюди-

ны, но и высшее сословіе народа. Изъ духовнаго Регламенту, Розыска Св. Димитрія Тупшала, проповѣдей и указовъ того времени видно, что въ печеніи 40 лѣтъ борьбы спарины съ новизною не вездѣ и не совсѣмъ испребились прежнія суевѣрія Языческа, являясь въ разныхъ мѣстахъ Россіи, какъ-то: благоговѣніе къ спарымъ деревьямъ въ лѣсахъ, олицетвореніе Пяпницы и п. п. Самъ преобразователь иногда невольно обращался опъ чужеземныхъ забавъ къ Рускимъ поспѣхамъ, давая *просторъ Рускому уму*: въ Свяшныя вечера онъ съ любимцами своими свяпошничалъ перереженный, славилъ Хріста по домамъ (48) и совершалъ другіе спаринныя обряды, вѣроятно, для того, чтобы сдѣлалъ оныя смѣшными и ешимъ средствомъ уничижитъ. Указомъ 1722 г. Сентября 27, позволены въ храмовые праздники при монастыряхъ и значныхъ приходахъ, по совершеніи литургии и крестнаго хожденія, *народныя забавы для народнаго помириванія, а не для какого безобразія.*

Свяшійшій Правительствующій Синодъ 1721 Апр. 17 приказали объявить нарочно: »Понеже въ Правительствующемъ Духовномъ Синодѣ вѣдомо учинилось, что въ Россійскомъ

(48) Дѣянія Петра I. т. I—XX. см. Донесеніе Пошкова въ Руск. Доспоп. М. 1815. 8.

»Государствѣ какъ въ городахъ, такъ и въ ве-
»сяхъ происходишь оныя невѣжды нѣкопорое
»непопробовано, а именно, во всю Свѣплую
»седмицу Пасхи, ежели кто не бываешь у
»купрени, такового, аки бы шпрафую, обли-
»вають водою и въ рѣкахъ и въ прудахъ ку-
»пають; и хопя сіе просшій народъ дѣлаецъ
»себѣ будшо за забаву праздничную, однако
»опш шой суешной забавы дѣшся не шокмо
»здравый, но и живопу челоувѣческому шще-
»ща; ибо онымъ оныя невѣжды купаніемъ въ
»глубинахъ, иногда людей попопляють или
»разбивають, а сонныхъ и хмѣльныхъ, внезап-
»нымъ обліяніемъ, ума лишаютъ; къ шому жъ
»будшо бы воспоминають мерзкихъ идоловъ,
»въ нихъ же былъ нѣкій идолъ Купало, ему же
»на Великъ день приносили жертву онымъ ку-
»паніемъ; о чемъ пространно зрится въ лето-
»писцѣ Кіевскомъ. Но понеже во оныя вре-
»мена Россійскій народъ еще не совершенно
»воспріалъ свяшую православную Вѣру и въ
»ней не крѣпко ушвердился, а нынѣ уже ми-
»лосердіемъ Божиимъ оный во благочестіи сі-
»яецъ, а помянушаго обычая невѣжды оспа-
»вишь не могутъ: шого ради оный богопро-
»шпивный и живопъ челоувѣческой вредящій
»обычай весьма испребить, и впредь шого въ
»Россійскомъ Государствѣ ошнюдь не было бы.»

Послѣ Бироновскихъ ужасовъ, спѣсившихъ Рускую душу, Рускіе, въ царствованіе Елисаветы Пепровны, спали свободнѣе дышашь, какъ говорихся: *жить припѣваючи*. Тогда народъ увидѣлъ самую Государыню, въ спаринномъ Рускомъ плашѣ, услышалъ ея голосъ въ своихъ пѣсняхъ среди веселыхъ хороводовъ на игрищахъ; при самомъ Дворѣ бывали и свяшочныя игры и оперы Италіанскія и маскаралы. Въ епо время пробудилась народность въ своихъ праздникахъ и пошѣхахъ, опкликнулась въ пѣсняхъ и прибаушкахъ, сказкахъ и загадкахъ: не боялись о Маѣ сляницѣ капашья, въ Святки ходили наряженные по улицамъ гурьбами, спрашивашь имена у встрѣчныхъ и поперечныхъ, подслушивашь подъ окнами, на перекресткахъ гадашь, свободно носили по улицамъ въ городахъ и селахъ березку въ Семикъ съ пѣснями. Епо продолжалось и при Екашеринѣ II, кошорая любила Рускія игры и одежды, сама сочиняла сказки въ Рускомъ вкусѣ, собирала пословицы народныя и писала Исторію Рускаго Государства.

Съ опкрышіемъ Намѣстничества въ Россіи послѣдовала большая перемѣна какъ въ нравахъ и обычаяхъ народныхъ, такъ въ общественныхъ празднествахъ, пошѣхахъ и играхъ, кои сдѣлались скромнѣе и приспойнѣе; постепен-

но оспавляемы были буйспва и безчинспва, коими сопровождались оныя. Вдали ошь сполицъ, въ разныхъ обласпяхъ Россіи спаринные праздники и повѣрья Язычеспва сохранились одни въ бѣльшей, другіе въ меньшей силѣ; дни оныхъ праздновались гуляньями или увеселеніями на прежнихъ мѣспяхъ, перѣдко самыя ихъ названія или преданы забвенію, или получили другое значеніе, опдаленное ошь древняго, до коего трудно и добраться. Наслѣдспвенныя преданія у народа нерѣдко согласующся съ лѣпописями, или дополняющся ими, самыя игрища и гульбища своими названіями напоминающъ о древнемъ бытѣ, подспверждаемомъ повѣрьями и обычаями, пѣснями и сказаніями, пословицами и сказками: изъ нихъ слагаешся, хошя и въ неясныхъ черпахъ, картина древняго вѣрованія народа, самородное произведеніе его почвы, совокупность его изконныхъ праздниковъ, а въ нихъ проявляешся его духъ, его жизнь внуспренная. Преслѣдуя сіи оспавки древняго вѣрованія и быта народа въ разныхъ эпохахъ его жизни, видимъ, что язычeskія поржеспва сперва удерживались какъ опеческіе благоговѣйные обряды, а попомъ превращились въ игры и увеселенія, сдѣлавшіяся какою-то жипейскою

необходимостью. Хотя древнее иногда уступало мѣсто новому; однако оно часно клало свою печать на послѣднее (49).

Къ новымъ праздникамъ относится *Первомайское гулянье* (Meue-tag), или *Нѣмецкіе станы* въ Москвѣ, которое, по преданію, заведено при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Нѣмцами, имъ вызванными. Какъ у Европейскихъ народовъ прежде годъ начинался Маємъ: шо Вальпургіева ночь, на 1е Маія, и относящіяся къ ней суевѣрія оспаюся еще при перемѣнѣ времени года. Забавный обычай обманывашь *перваго Апрѣля* перенесень на Русь Нѣмцами, которые въ 1700 г. сдѣлали изъ ешаго первое предспавленіе въ Москвѣ. *Новый годъ* съ XV вѣка въ Россіи празднованъ съ Сентября по церковному чиноположенію, въ день *Смеона льтопроводца*, въ который Государи Россійскіе назначали срокъ личнаго суда своимъ подданнымъ; съ 1700 г. новолѣтшіе начинаешся Январемъ мѣсяцемъ, который Пётръ I ознаменовалъ поржеспвомъ въ Европейскомъ вкусѣ съ невиданными дополь на Руси церемоніями и обрядами. Вѣроятно, съ того времени старый Сеншабрскій годъ прослылъ *бабымъ мѣ-*

(49) Карамз. И. Г. Р. XI, прим. 68.

томъ (50), кошорое Г. Шишковъ правдоподобно производишь опъ созвѣдія *Бабы* (семь звѣздъ, упичье гнѣздо, Плеяды), появляющагося съ половины Августа до половины Сентября (51). Но сіе названіе найдемъ у Нѣмцевъ, Поляковъ и Сербовъ. По примѣру Европейскихъ Государствъ, Пётръ I давалъ всенародные праздники по случаю знаменитыхъ побѣдъ и заключенія мира, полезнаго или славнаго для опечесва, завель ассамблей; въ его царствованіе блистательны были праздники Князя Меншикова, шакъ какъ при Екашеринѣ II Князя Пошемкина. Кому не извѣстенъ достопамятный епнографическій маскарадъ, бывшій при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, рыцарскій карусель и другіе великолѣпнѣйшіе праздники при Екашеринѣ II, достойные особеннаго описанія (52); ибо въ нихъ выражается духъ того времени и памяшь великихъ событій.

§ 3. Какъ сама природа имѣеть свои праздники, на кои приглашаешь человека; по и онъ, торжественно и благоговѣнно встрѣчая и провожая каждое время года, заимствуетъ

(50) Библиотека для чшенія, Январь, 1836.

(51) Но сіе созвѣдіе видимо во всю зиму. Сочиненія *А. Шишкова*, т. V, стр. 48.

(52) *Haigold's Verlagen*. II, 54.

ощь природы бѣлые или черныя краски, радостныя или унылыя звуки, дѣлится съ нею веселье и горе; ощущающая жизнь въ природѣ, сама въ ней живетъ и все собою олицетворяетъ. Видимыя періодическія перемѣны въ природѣ, раздѣляющія продолженіе времени на равныя части, подали поводъ ознаменовывать каждое время года сперва религіозными, потомъ житейскими праздниками, кои относящя къ земледѣльческимъ прудамъ и хозяйственнымъ занятіямъ; въ нихъ впадающъ сроки и сдѣлки, шорги и сходы мірскіе, какъ по: въ *Юрьевъ* и *Семень дни*, въ *Пятницы* и п. д.

Подобно Англо-Саксамъ, Славяне раздѣляли годъ свой на зиму и лѣто, или на зимнее и лѣтнее солнцеспояніе, Коледу и Купало, коихъ сѣмволами было колесо (коло), эмблема солнечнаго поворота, а самыя праздники на *зимніе* и *лѣтніе*, сообразно своему климату и мѣстности. У древнихъ Нѣмцевъ годъ раздѣлялся на три части: *зиму*, *весну* и *лѣто*; первая почивалась священнѣйшею порой, когда поржествовались главныя праздники въ честь боговъ (53). При распространеніи Славяно-Русскихъ племенъ по черной, черной и бѣлой, малой и великой Рос-

(53) Menzel's Geschichte der Deutschen bis auf die neuesten Tage. I Th. Stuttgart u. Tübingen. 1834. 8.

си, въ послѣдствіи праздники ихъ религіозныя и жишійскіе, съ умноженіемъ нуждъ и отношеній, съ развитіемъ ихъ народности и гражданственности, умножались и могли уже дѣлиться на *весенніе и лѣтніе, осенніе и зимніе.*

Съ красною весною празднуется союзъ (ладъ) двухъ началъ одушевленнаго человѣкомъ міра, кошорый представляется небомъ и землею оба пола; расшенія, живошныя, люди сущъ плоды ешого лада (54). Въ древности у Рускихъ *пролѣтѣмъ* назывались при весенніе мѣсяца, съ коихъ начинающа обновленіе природы, новолѣтніе и праздники народныя, какими вспрѣчается весна при появленіи первой хлѣбной пшпцы, грача, и весенней пшашки, жаворонка: по ихъ прилепанію народъ дѣлаетъ свои авгуріи объ урожаѣ хлѣба и печетъ изъ пѣспаизображенія сихъ перелетныхъ пшашекъ. Первый пролѣтній мѣсяць, или Березозоль, Марпъ, коему самъ Богъ даровалъ первенство (55), у Славянскихъ и Скандинавскихъ племень, шакъ какъ у Пер-

(54) Religions de l'Antiquité, par F. Creuzer, refondu et developpé par J. D. Guignaut. t. I, et 2 partie, à Paris. 1825. 8.

(55) Исхода XII, 18.

совъ , сопровождаеиъ разными шоржеспвами и играми въ честь усопшихъ ; Богемцы, опчастн Германцы епошь день почитаюиъ первымъ весеннимъ (56); въ Россіи у простолюдиновъ шога празднуешя *Авсень, Овсень*, или *Таусень*, копорый перенесень на новый годъ съ Января и заключаешъ въ себъ другіе праздники, шакъ какъ *Васильевы вечера*, или *Святки* предъ Январемъ и послъ онаго (57). Но какъ , по различію климата, въ разныхъ полосахъ Россіи праздники сія переходяиъ въ разные дни мѣсяцевъ , кои посему имѣюиъ названія народныя, кромѣ книжныхъ (58); по паспущескія и земледѣльческія празднеспва въ средней и сѣверной полосѣ Россіи начинаюиъся позднѣе , чѣмъ въ южной , заимспвуя опъ мѣспности и опъ нравовъ жишелей особенное выраженіе. Такимъ образомъ собспвенно *красная весна* и *Красная горка*, начинаюиъся *Закликаниемъ весны* и *Радунцею*, празд-

(56) Edda Saemundina , т. III.

(57) М. Н. Макаровъ полагаешъ, основываясь на преданіяиъ , что прежде преполовеніе Свяшоекъ было въ день С. Василія, 28 Февраля, а потомъ перенесено къ 1 Января. см. *Дамскій Журналъ*, No 34, 1832 г.

(58) *Карамз.* II. Г. Р. V, прим. 254, подъ 1409 г.

нуется или въ *Фоминъ понедѣльникъ*, или въ *Егорьевъ день*, въ срокъ хозяйственныхъ условій и время выгона скота въ поле съ пѣснями объ охраненіи стада и съ ночными хожденіями: чпò и донынѣ бываетъ около Буя, Солигалича и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Олице-шворяя *Пятницу*, народъ особенно празднуетъ ей, въ обѣднныя пятницы не работаетъ, во временныя послѣ Пасхи по разнымъ мѣстамъ собирается на ярмарки или шорги, на кои, по преданію, вывозили изображеніе св. Параскевіи, обвѣшенное плапками и леншамми. Въ Духовномъ Регламентѣ замѣчено, чпо «въ малой Россіи, въ полку Спародубскомъ, въ пятокъ водятъ жонку просповласу, подъ именемъ «Пятницы, и водятъ въ ходѣ церковномъ и при церкви чеспъ оной опдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы.» Самыя часовни съ образомъ св. Параскевіи Пятницы, спояція обыкновенно на перекресткахъ, слывущъ между просполюдьемъ *Пятницами*. Переходомъ опъ весеннихъ праздниковъ къ лѣшнимъ служишъ *Первомайское гулянье*.

Изъ лѣшнихъ праздниковъ извѣстны въ Россіи: *Семикъ*, или *Тюльпа*, *Ярило*, *Девятая пятница*, *Купало* и *Купальница*, *Русалии*, о коихъ подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Изъ осеннихъ: *Обжшики, Спожшики, овинные иляшны, Бабы лѣто, или Семень день, или Лѣтопроводца, Аспосовъ день, или Госпожка въ Минской Губерніи 8 Септ., Осенины, Дмитріевская суббота, соопвѣспшвующая Дѣдинамъ и Задушному дню въ Липшѣ и Польшѣ (Dziady, Dzień zaduszný), а въ Костромской губ. называемая вселенскою, поминальною, Юрьевъ день или Егорій осеній и пр.*

Къ зимнимъ относятся: *Калѣда, или Святки, извѣспныя у Карпатороссовъ и другихъ Славянскихъ племень, подъ именемъ Корочуна, Васильевъ вечеръ, Масляница съ предшеспвующею ей родительскою, кошорая приходилса въ Февраль, бывшемъ у Римлянъ послѣднимъ мѣсяцемъ года, когда у нихъ опсправлялись Fe-galia и когда въ Германіи на сѣверъ и югъ и у Славянъ совершались пиршества и игрица, съ коими соединялось драматическое предспавленіе — изгнаніе зимы, или смерти, какъ бы предспразднесство обновленія года съ наступленіемъ весны и сумволическое предспавленіе борьбы смерти съ жизнью въ природѣ (59). Какъ весна въ Малороссіи встрѣчается за-кликаньемъ, или веснянкою, сходною съ Грече-*

(59) Edda Saemund. t. III. Lex. Mythol. Карамъ. И. Г. Р. I. стр. 287 и пр.

скимъ *хелѣбѣнѣмъ*, шакъ равно *провожається* весна и зима съ разными обрядами, особенно ношеніемъ соломенной куклы, одѣшпой въ сарафанъ кумачный и въ кокошникъ, и украшенной лентами и цвѣтами: что доньше бываешъ въ Саратовской Губерніи не только при проводахъ весны и зимы, но и въ Госпожинки по уборкѣ хлѣба. Въ другихъ праздникахъ представляешъ главное дѣйствующее лице, върояпно, какое либо божество, избранный отъ міра человекъ, иногда юноша, иногда спарикъ, иногда дѣвица, напр: въ Ярилу, въ Семикъ, въ Всесвятское заговѣнье водяшъ избраннаго человека, украшеннаго цвѣтами и лентами; объ Масляницѣ возяшъ на колесѣ, укрѣпленномъ на сполбѣ, въ большихъ саняхъ наряженнаго мужика, копорый напоминаетъ собою древняго Крода, и ш. д.

Кромѣ сихъ народныхъ праздниковъ, бываюшъ въ печеніи чепырехъ временъ года *братчины*, *ссыпчины*, *холки*, *посидѣлки*, *бѣстыды*, *Никольщины*, *приходскіе праздники* и ш. д., на кои сборомъ со всего міра готовишя кушанье и варишя пиво.

§ 4. По отношенію къ годовымъ временамъ и къ самымъ церковнымъ празднествамъ, въ кои впадаюшъ народные праздники, одни

изъ нихъ предшесшвуютъ Пасхъ , другіе послѣдуютъ за оною (60); одни изъ нихъ приходятся въ разныя чѣсла мѣсяцевъ, по ранѣе , по позже, и называются *подвижными* , напр: *Радунца* , *Семикъ* , *Масляница* ; а постоянно случающіеся въ одинакія чѣсла мѣсяцевъ именуются *неподвижными* , какъ-то : *Семиць день* , или *Бабье лѣто* , *Купало* и *Купальница* , *Святки*. Въ разныхъ полосахъ Россіи нѣкоторые изъ сихъ праздниковъ , особливо примененные къ годовымъ временамъ по климату , споль разнообразному , опсправляются по ранѣе , по позднѣе , напр: *Авсень* , *Ярилю* , *Красная горка* , *Госпожинки* и пр.

Нѣкоторые изъ праздниковъ и обрядовъ бывають *чрезвычайные* , или *обѣтные* , какіе опсправляются по особеннымъ случаямъ, напр: во время мора , скопскаго падежа и другихъ напасней , какъ-то : *Пятницы* , *изгнаніе коровей смерти* или *опахиваше* и пр.

Какъ народные , такъ и семейные праздники продолжаются обыкновенно при дни , а иногда и цѣлую недѣлю. Какъ у Скандинавовъ Юлійскія игры , такъ у Рускихъ Святки

(60) Руководство къ Пасхалин соч. *А. Тяжелова* , изд. 2. М. 1830. 8.

продолжались двѣнадцать супокъ (die zwölf Nächte) , см. выше стр. 38.

Большая часть праздниковъ народныхъ опсправляется днемъ , а нѣкоторыя изъ нихъ ночью , какъ увидимъ въ часномъ описаніи оныхъ : одни изъ нихъ цѣлый день съ утра до ночи , другіе послѣ полудня вечеромъ и даже ночью, особливо соединенные съ гаданіями. Въ Тверской и Новгородской Г. съ Пепрова дни дѣвушки цѣлый мѣсяць гуляютъ по ночамъ. Навечерія и кануны нѣкоторыхъ праздниковъ церковныхъ посвящались проспымъ народомъ на празднества и обряды языческаго происхожденія : что самое подспверждается Номоканонемъ , Споглавомъ и Прологами. Такое навечеріе описывается въ Споглавѣ слѣд. словами : »На канунѣ , на вечеріи »праздниковъ Рождества Хриспова , Богоявленія и Ивана Предпечи сходились мужи , »жены и дѣвицы на ноцное плещованіе , безъ »чинный говоръ , на бѣсовскія пѣсни и скаканіе до самаго разсвѣта до заупрень , когда »они , умывшись въ рѣкѣ водою , расходились »по домамъ.« Сходно съ Споглавомъ свидѣтельствуетъ Кранцъ въ описаніи Саксоніи , въ XVII в. , что »въ Галбершпадпской деревнѣ Шолбекѣ на канунѣ Рождества Хриспова »ночью , на погоспѣ Св. Магна , юноши и му-

»жи съ дѣвицами провожали всю ночь въ пьян-
стве и безчинныхъ пляскахъ, коими пре-
рывали усрешнее богослуженіе» (61).

§ 5. Естественнo, народныя повѣрья и
праздники должны дѣлиться на *отечествен-
ныя* и *заимствованныя* отъ чуждыхъ племенъ,
съ коими сближались Славяне въ предъисторическія и историческія времена. Но весь объемъ
тѣхъ и другихъ указать и съ точностію раз-
граничить едва ли возможно, ипакъ какъ опи-
сать ихъ начало, измѣненіе, переходы, развитіе,
распространеніе и заимствованіе; посему дол-
жно ограничиться только главными чертами.

Судя по степени образованности Рускихъ
Славянъ, какъ намъ описываютъ ихъ западныя
и восточныя историки, между ними возникли
немногіе праздники, истекшіе изъ мѣсячно-
сти, быша и духа, кои положили на оныя
свою печать. Сколь время ни изглаживало
ее; однако опшцски ея проглядываютъ на
почвѣ родной, какъ черпы древней живописи
изъ подъ новыхъ красокъ, на нее наложенныхъ.

У южныхъ Славянъ, жившихъ на щедрой
землѣ и подъ яснымъ небомъ, на привольѣ лу-

(61) *A. Grantz Saxonica. Francof. MDCXXI. p.*
109—110.

говъ и лѣсовъ, могли скорѣе родиться праздники, чѣмъ у сѣверныхъ, у копорыхъ была продолжительнѣйшая зима, обширныя болопа и скудныя средства для живья-бытья. Когда спала развивавшаяся жизнь народная въ обществахъ и городахъ у жителей Рускаго сѣвера и когда они вошли въ сношенія съ другими племенами: тогда у нихъ съ шоргами появились праздники, кои носятъ на себѣ знаменіе любимыхъ ихъ занятій скоповодствомъ и земледѣліемъ, оппечапокъ качествъ ихъ климата, мѣстности и нравовъ. Какъ годовое время дѣлилось у нихъ на зиму и лѣто: шо и весь кругъ ихъ шудовъ и релігіозныхъ и жашейскихъ празднествъ заключался зимнимъ и лѣтнимъ солнцеспояніями, или *Коледою* и *Купалою*, о коихъ сказано выше. Въ эпошъ кругъ внѣшней и внутренней ихъ жизни входили всѣ шоржеспвенныя проявленія народности и вѣрованія. Хотя въ Славянскомъ переводѣ Кормчей въ 62 пр. пропущены *Русалии*, о коихъ упоминается въ Споглавъ; но Папріархъ Вальсамонъ и Дмипрій Хомапинъ въ толкованіяхъ на Кормчую приводятъ *Русалии*, кои опъ нихъ вошли и въ Споглавъ. Они называютъ сей праздникъ происходящимъ въ чужихъ земляхъ (*ἐν ταῖς ἕξω χώραις γενόμενα*). Такъ какъ Греки употребляли сіе выраженіе, говоря о спранахъ *сѣверныхъ* въ опношеніи къ

себѣ, по замѣчанію одного изъ схоластовъ на Basilica (62): то и относился оно къ Болгарскимъ Славянамъ, у коихъ существовали Русалии, извѣстные и у Рускихъ Славянъ на югѣ: любимый свой цвѣтъ *красный* или *русый* клали они на близкіе къ нимъ предметы: на времена года, на спихин, на спирину, на горы, на лѣса и на житю, отсюда: *красная весна*, *красное лѣто*, *красное солнце*, *красная (червоная) Русь*, *красная горка*, *красный холмъ*, *красный лѣсъ*, *красный хлѣбъ* и ш. д. Какъ бѣлый цвѣтъ былъ символомъ воды и воли, такъ *красный* — огня и войны, а *черный* — неволи и смерти. Кромѣ Русалий, праздника духовъ, коимъ присвоивались и свадьбы на водахъ, *тризна* принадлежала Славяноруссамъ и *родительскія*, совершавшіяся съ языческими обрядами. Поклоненіе *Перуну*, главному божеству Руссовъ, Поляковъ, Прусовъ, Вендовъ, Чеховъ и Моравовъ, сопровождалось празднествами, такъ какъ служеніе богу скоповодства, *Волосу* и другимъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ кумирамъ Славяно-рускаго міра. Особенное благоговѣніе

(62) Pandectae canonum Beveregii, can. LXII. Ea, quae dicuntur *Rusalia*, quae post sanctum Pascha ex mala consuetudine sunt in externis regionibus. — Въ Пошребникъ, напеч. въ Москвѣ 1639 г. въ листъ, упоминаются между Еллинскими обычаями *Русалии*,

къ силамъ міровымъ и планетнымъ огню и водѣ, какое видимъ въ *Купаль* и *Купальщицѣ*, безъ сомнѣнія, есть остатокъ древняго Славянскаго богослуженія, общаго съ Воспочными племенами и принесеннаго на югъ и сѣверъ Россіи изъ общей ихъ колыбели. По свидѣтельству Визанційскихъ и опечеспвенныхъ писателей, Славяно-рускія племена чтили *рѣки* и *колодези*, или *кладенцы*, *студенцы* (63), поклонялись дубамъ, подобно Германцамъ, и приносили имъ и другимъ жертвы, но коимъ дѣлали гаданія, кидали жребіи (64). На оспровѣ Рюгенѣ въ дремучемъ лѣсу находилось святое озеро *Студенецъ*, предъ коимъ благоговѣли Славяне. Слѣды епного благоговѣнія къ водѣ остались въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи: между прочимъ въ Буѣ, уѣздномъ городѣ Коспромской Губерніи, доселѣ дѣвки въ великій Ченвершокъ

(63) *Procopius de bello Gothico*, III, 14. — *Constantini porphir. de administratione*. 44. — Изслѣдованія, служащая къ объясненію древней Руской Исторіи, А. Х. Лерберга. С. II. 1819. 4.

(64) Имена *рѣкъ*, по замѣчанію Г. Глаголеза, на сѣверѣ имѣютъ родъ и окончаніе одинакіе съ городами на *a* женск. р.; а на югѣ, ш. е. въ областяхъ древнихъ Рускихъ и вообще Славянскихъ (въ Повгор. области также) есть *рѣки* женскаго и мужскаго рода. см. Журналъ Д. М. вѣд. Январь, 1835.

кликають весну и, ежели раскрылась вода, входящъ въ рѣку и, одна съ другою схватясь за руки, припѣвающъ: весна, весна красна, приди весна, съ милостію, съ милостію, съ великою благостію!

Особенное вниманіе заслуживаютъ обряды, совершаемыя при свадьбахъ, погребеніяхъ, на сельскихъ праздникахъ и въ хороводныхъ играхъ. Многіе изъ нихъ споль древни, что напоминаютъ намъ объ изконномъ сродствѣ нашемъ съ Греками и Римлянами, или, по крайней мѣрѣ, объ одинакомъ съ ними происхожденіи изъ древняго уголка Азіи — разсадника всѣхъ Европейскихъ народовъ и всего земнаго населенія (65).

Если по сходству обычаевъ и языка одного народа съ другимъ можно заключащъ о сродствѣ оныхъ: то и о сродствѣ Славяно-Руссовъ съ Воспочными, Германскими племенами, Греко-Римлянами и другими народами можно судить по сходству нѣкоторыхъ ихъ повѣрій, религіозныхъ обрядовъ и многихъ словъ въ языкахъ. Время и мѣсто пакого сродства между сими народами скрывалось во мракъ предъисторическихъ временъ, объясняюща опчасни соображеніями, внѣшними и

(65) Журналь Министерства вн. дѣль. С. II. 1835.
Іюнь.

внутренними признаками: къ нимъ отношится бытъ и духъ народа съ его повѣрьями, обычаями и праздниками, изъ коихъ обыкновенно заимствуешь одинъ народъ у другаго болѣе сообразные съ мѣстностью своей и съ естественными и нравственными потребностями. Кроме сего, сходство можетъ бытъ въ символахъ, почерпаемыхъ изъ одного общаго источника — природы, по врожденному челоуку побужденію. Поклоненіе первенствующимъ стихіямъ огню и водѣ, благоговѣніе къ рѣкамъ, напр: Бугу, Дунаю, Дону, прославляемымъ въ пѣсняхъ народныхъ, частыя омовенія и купанье, сожиганіе мертвыхъ, общи у жишелей Восточа съ Славяно-Руссами въ ихъ Язычествѣ. О перескакиваніи черезъ огонь для очищенія, о почтеніи къ священнымъ дубравамъ и горамъ упоминается въ Вешхомъ Завѣщѣ, какъ о памятникахъ древняго идолопоклонства, заимствованныхъ Евреями отъ Суріянъ и Финикіанъ (66). Гебры и Парсы въ Остѣндіи исповѣдуютъ Сабейзмъ и признавая единство Бога подъ именемъ Yerd, почитаютъ солнце и огонь его символами. У Халдеевъ небесное божество называлось Nebo, по Санскрипски Nabо, Nibu, по Арабски neba — наше небо.

(66) IV Царствъ, XVII. Archaeologia biblica, in scriptis redacta a J. Jahn. Viennae, 1814. 8.

Въ богоученіи восточныхъ Индѣйцевъ встрѣчается Славянскій *Перунъ*, въ честь котораго совершается въ Январѣ, во время зимняго солнцеспоянія праздникъ *Перунъ - Понголь*, или великій *Понголь*, сопровождаемый гаданіями — *Угадами* (*Ougahdy*): онъ продолжается три дня, въ кои приносятся жершвы землѣ и огню: первый день называется *радостью*, другой днемъ *солнца*, прешій день *быковъ и коровъ*. Представители огнепоклоненія у Персовъ именовались *Пирами* и *Магами*. Кпо не узнаешь въ ихъ *Копаль*, покаянникъ, нашего *Купалу*, въ ихъ *Башъ* и *Башихъ* — бога и божиху, богино, о коихъ мы выше упомянули? Самая обипель усопшихъ предковъ, темное мѣсто, Индра, у Индѣйцевъ именуется *Ямою* (*Yama*), священныя игры 1 Апрѣля — *Гулями* (*Houli, Huli, Holaka*), сходными съ нашими *гулочками*, и ш. д. (67).

(67) Voyage aux Indes orientales et à la Chine, par *Sonnerat*. à Paris, 1807. t. I, p. 240. 8. — *Карамзина* П. Г. Р. м. VIII. — Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde, par *I. A. Du-bois*, à Paris, 1825, t. I, 8. — Edda Saemundina, t. III. — Religions de l'Antiquité par *F. Creuzer*. t. I—III. — Ueber die Sprache u. Weisheit der Indier. Ein Beitrag zur Begründung der Alterthumskunde, von *J. Schlegel*. Heidelberg. 1805. 8.

Сходство Греческихъ мѣровъ и обрядовъ съ Индѣйскими привело многихъ ученыхъ къ заключенію, что они вмѣстѣ съ нечужими имъ Славянами почерпали ихъ изъ одного источника въ предѣсторическія времена; послѣ преселенія народовъ возобновилась связь Славянъ съ Греками — первые проникли въ самую Грецію и тамъ въ Пелопоннесѣ запечатлѣли слѣды свои въ наименованіи разныхъ урочищъ. Въ послѣдствіи войны, мирныя и торговыя сдѣлки, путешествія Славяно-Руссовъ въ Грецію, наконецъ принятіе ими Христіанской вѣры отъ Грековъ, служили проводниками въ Рускій міръ Греческихъ обычаевъ, повѣрій и рѣченій, изъ коихъ многія еще могли бытъ общими у Славянъ съ Греками въ тѣ предѣсторическія времена, когда сіи народы, по всему вѣроятію, составляли одно племя: посему сходство въ словахъ и повѣрьяхъ того и другаго было не случайное, а существенное, основанное на происхожденіи сихъ племенъ древняго міра отъ одного корня. Какъ Византійцы называли язычниковъ *Еллинами* для отличія отъ правовѣрныхъ — Грековъ (68), а языческіе

(68) *Antiquités grecques, trad. de l'Anglais de Robinson.*
2. т. à Paris, 1822. 8.

обряды *Еллинскими*: то и Рускіе именовали свои древніе, дохрістіанскіе обычаи *Еллинскими*. Безъ сомнѣнія, опѣ Грековъ заимствованы, кромѣ церковныхъ праздниковъ, и жишійскіе, вмѣстѣ съ ихъ обычаями и уставами, кои больше дѣйствовали на высшія сословія народа, чѣмъ на просполоудиновъ, приверженныхъ къ древнимъ обычаямъ и повѣрьямъ своихъ предковъ. Гомеровскій епипетъ Ареса (Марса) *Ἐὐρος* ярый, столь сходный съ Арабскимъ шавромъ, съ Скандинавскимъ Туромъ и Епрускимъ Туганъ, находится и въ Игоревой пѣсни Буй-Туръ, такъ равно епипетъ Вулкана *παλίκοτος* паки-гнѣвающійся, близокъ съ прозваніемъ С. Бориса въ Бѣлоруссіи, который слыветъ *паликомомъ* или *паликопомъ*, попому чю, подобно древнему Вулкану, на нечпущихъ памяти его низводитъ перуны! Въ самомъ словѣ *Перунъ* опзывается Греческое *πῦρ* огонь. Наша *мать* земля близка съ *Γῆ μήτηρ*, или *Δᾶ μάτηρ* земля мать, или Церера, кормилица рода человѣческаго. Въ древностихъ Еллинскихъ встрѣчаются сходныя съ Славянскими *родительскія* (*Γενέσια*, "Обія), *птицезовлхсованіе* (*οἰωνομαντεία*), *лишь соска въ воду* (*κηρομαντεία*), *гаданіе или колдовашье* (*κλήδονες*, повогреч. *κλήδονα*), *при коемъ и допытъ кладушь не только женщины,*

но и муцны въ сосудъ перстень или монету, которую вынимали подь пѣсни (69). У Грековъ также извѣстенъ былъ божескій судъ — испытаніе желѣзомъ (*μῦδρος*) (70). Нашъ Семикъ имѣеть сходство съ Адонисовымъ праздникомъ, при окончаніи коего Греки бросали въ море или рѣку вѣнки, цвѣтны и древесныя листья (71), или съ упоминаемымъ въ Θεοδοσίεωμъ Уложеніи *Δενδροφορία* — пощеніемъ вѣпвей древесныхъ погороду въ честь одного божества; Руская игра *живъ, живъ* (*ζῆ, ἔζῆ?*) *курилка*, похожа на поржественное въ честь Прометея бѣганье со свѣшочами (*λαμπαδοφορία, λαμπαδοῦχος αὐών*) (72). Гндичъ объясняетъ праздникъ и пѣсни Коляды Греческимъ словомъ *χολάδες*, т. е. внипренности, кишки, по сходству съ Малороссійскимъ обычаемъ при коледованіи просить въ награду кольцо колбасы (73). У Гомера въ *Илиадѣ*

(69) *I. Sauberti de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709. 12. Wachsmuth's Stellen. Alterthumsk. II. 2.*

(70) *Sophocl. Antig. 264.*

(71) Умозрительныя и опытыя основанія Словесности, въ IV част. сочин. Г. *Глаголева*. С. П. 1834. 8.

(72) *Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie. à S. P. 1795. 8.*

(73) Простонародныя пѣсни нынѣшнякъ Грековъ, изд. Н. *Гндичемъ*. С. П. 1825. 8.

надъ трупомъ Гектора дѣлаешся причитаніе (*λάλεμος*), какія сохранились въ льпописяхъ нашихъ и какія упопрѣбительны у простолюдиновъ. Самое слово *игра* однородно съ Греческимъ *ἔγγρα*, кои были хороводы при шаинспвахъ Цереры (74), даже нашъ *хороводъ*, или *короводъ*, у другихъ Славянскихъ племень извѣстный подъ именемъ *коло* (75), Еллинскаго происхожденія, опъ *χορὸς χορῶν*, ликъ поющихъ и пляшущихъ, и *ἄγωведу*, какъ бы *посолонь*, или опъ *χορὸβατέω* спупаю въ хоръ; ибо собспвенно хороводъ прообразоваль печеніе солнца. Многіе изъ праздниковъ Еллинскихъ, также какъ у Рускихъ, продолжались *три дня* (*τριμερία*); самое слово *сорокоустъ* еспъ позднее Греческое *Σαράκοντα* и *Σαράντα* сорокъ дней. Ф. Грефъ доказываешъ изъ Иліады VII п. сп. 171, что нашъ простой народъ также мешаешъ жребіи, какъ мешали Греки на поляхъ Троянскихъ (76).

(74) P. Köppen's die dreugest. Befate. Wien, 1825. 8.

Horat. IV, od. 7: *choros ducere* вести хоры, лики.

(75) Впрочемъ можно производить и опъ *коло*: погда выдешъ *коловодъ*, выражая также понятіе круга, какъ и на Греческомъ.

(76) *Antiquitatis Graecae et Romanae loca quaedam e Rossorum lingua et usibus illustrata*, auct. F. *Graefio*. part. I. Petropoli. 1827. см. Библиогр. листы, 1825. No 22.

Нынѣшніе Греки удержали у себя многіе обычаи и повѣрья древнихъ предковъ своихъ: у нихъ есть родники, *крѣпцы* (*κρήναι*), почитаемыя священными, шакъ какъ у насъ, куда они приносятъ больныхъ для исцѣленія (77). *Перваго Мая* (*Πρωτομαΐα*) у нихъ двери всѣхъ домовъ, какъ у насъ въ Семикъ, украшаются цвѣтами и вышивами древесными и вся Греція вспрѣчаетъ начало лѣта увеселеніями народными. Грекамъ, вѣроятно, Славяне Рускіе подражали въ замѣненіи боговъ Языческа Святыми Хрістіанства. Какъ все прекрасное и благое происходитъ отъ Бога чрезъ посредство Ангеловъ и Святыхъ, копорые у Грековъ заступили мѣсто полубоговъ и гениевъ: посему у нихъ шакже Сорокъ Мучениковъ приводятъ весну и соловьевъ, С. Николай Чудотворецъ унишаетъ бури, а С. Георгій, весьма уважаемый самими Турками, покровительствуетъ земледѣлію и скотоводству, и шамъ его днемъ шоржественно открываемся годъ пастушескій и празднуется семейнымъ пиршествомъ, на коемъ съѣдаютъ первенца спадъ (78).

(77) Вѣстникъ Европы, 1821, No 14.

(78) Voyage dans la Grèce par F. C. Pouqueville, à Paris, 1820. 5 v. 8.

Опъ древняго сродства , въ предъиспо-
рическія времена , Славянь съ Римлянами ,
кошорые сами хвалились происхожденіемъ сво-
имъ опъ Венеповъ , Славянскаго племени ,
попомъ опъ сосѣдства Лапинскихъ колоній
съ Славянскими народами по Дунаю и наконецъ,
опъ вліянія Греко-Римлянъ въ средніе вѣка на
Россію, вошло въ Рускій міръ много повѣрій и
обычаевъ , а въ языкъ много словъ Римскихъ.
Древній Римскій языкъ, по мнѣнію Арндта и Г.
Мейдингера, ближе съ Славянскимъ, чѣмъ съ Нѣ-
мецкимъ (79). Сколько Римскаго доселѣ оспа-
лось въ общихъ чертахъ Рускаго народа, въ его
быпу, въ законахъ, въ календарѣ и п. п.! Выше за-
мѣтили мы о сходствѣ нѣкошорыхъ народныхъ
суевѣрій и религіозныхъ обрядовъ у Римлянъ съ
Славяно-Руссами, къ кошорымъ могли перейти
оние посредствомъ Нѣмцевъ и Липовцевъ. Геній
хранипель, *постльнь*, (*incubus, succubus, ἐφιάλ-
της*), *домовой* (*domiducus, sa*), *родительскія*
(*parentalia*), *девятинны* (*novemdialia*) и пр. ,
возводящъ насъ къ религіямъ Пеласгійскимъ ,
споль сходнымъ съ древне-Италійскими. Если
ближе сличимъ происхождение и знаменованіе
нѣкошорыхъ боговъ Римскихъ : шо они, мо-

(79) E. v. Arndt über den Urspr. u. die Verwandtschaft
der europ. Spr. Jrf. 1827. 8. — H. Meidinger die
deutschen Volksstämme. Jrf. am M. 1833. 8.

жесть спашься, найдупся печужими Славянскимъ. Скандинавская Freya, вѣроятно, родственница съ Римскою Frutis-Seja, или Seiana, и Славянскою *Съваною*, происходящею отъ *спянія*, какъ Vertumnus богъ садовъ и плодовъ отъ *верта*, сада (80). Древнія Рускія слова *дивъ* и *дива* близки съ Латинскими divus, diva, или съ упоминаемыми въ Салійскихъ пѣсняхъ Deivos sanos и Deiva sana, божество солнца и луны, сходныхъ съ нашими *Ладом* и *Ладодою*. см. стр. 14. Неопредѣленность пола божества ясно выражается въ самыхъ молитвахъ Квириновъ: sive deus, sive dea (81). Благословеніе къ аеролипамъ и камнямъ одинакое почти было у Славянъ Русскихъ съ Римлянами и Греками, которые имѣли у себя ombria, lapides sacri, baetyli, *κεραυνίας* и Jupiter lapis, которыми они клялись.

У Латинъ хожденія вокругъ полей предъ посвященіемъ и послѣ посвяща Ambargvalia, Sementinae похожи на подобные Рускіе обряды, кои и доннынѣ сущесвующъ между просвѣтымъ народомъ. Упомянутыя въ Сводѣ *гудцы* и *прегуднищы*, игравшіе со скоморохами на моги-

(80) Edda Saemundina, t. III. L. M. — Die Etrusker, IV B. von H. D. Müller. Breslau, 1828. 8.

(81) Religions de l'antiquité par F. Creuzer, trad. par D. J. Guigniant. t. II, 1 p. à Paris, 1829. 8.

лахъ покойниковъ, близки съ Лапинскими *tribicines* и *fidicines*, а *плакуши* съ *praeficae*. Подобно древнимъ Римлянамъ, народцы, населявшіе Русь, сожигали своихъ умершихъ для того, чтобы плѣнные оспашки сохранишь отъ поруганія и душу очистишь отъ скверны плоти. У Рускихъ и донинѣ, по Уставу церковному, бросаютъ землю на мертвого, какъ бывало у жипелей Лаційскихъ (82), по совершеніи же похоронныхъ обрядовъ, дають обѣдъ въ память усопшихъ — Лапинскій *silicernium*, *charistia*. Какъ у Римлянъ дѣлались возліянія (*libationes, manibus parentabatur*) на жершвенникъ, сооруженный предъ гробницею (83), такъ доселѣ въ нѣкопрыхъ мѣстахъ Россіи, напр. въ Галичѣ, въ родисельскія, шрешины, девяшины и сорочины льютъ панихиду (канунъ) на могилы покойниковъ. Изъ Луціана и Ювенала видимъ, что Греки и Римляне клали на гробницы яицы, какъ очистишельныя жершвы: что донинѣ наблюдается въ Радунцу между прѣспымъ народомъ въ Россіи. Упоминаемая въ Кормчей *Каланды Яварскія*, неизвѣспныя Елли-

(82) *Ciceronis de legibus*, (ed. Goerenz, Lipsiae, 1809. 8.) с. 22: *in os injecta gleba est*. См. о двусмысли слова *os* кость и лице, Гёренцовъ экскурсъ: *de gleba post crematum corpus, ad complendam sepulturam, in os mortui injecta*.

(83) *J. Sauberti de sacrificiis veterum*. Lugd. Bat. 1709. 12.

намъ, во многомъ сходны съ играми свяпочными, такъ какъ и спаринныя слова *скураты* и *ларвы*, или личины, хари, встрѣчающіяся въ опеческихъ книгахъ, въ свойствѣ съ Лапинскими *scugga* и *larva*; даже въ Номоканонѣ Аѳонской горы, напеч. въ Кіевѣ 1624 г. говорится, что „нынѣ въ одежду женскую мужіе облачашся, и жены въ мужескую, или наличники, якоже въ спрагнахъ *Латинскихъ* (Хрістіанъ Запад. Церкви) зльобыкоша, шворяшъ.“ Впрочемъ можетъ быть и то, какъ замѣчаетъ Р. Тимковскій, что «наряды въ маски и рѣзныя спранныя одѣянія, какія и шеперь бываютъ во время Масляницы, заранѣе перешли къ предкамъ нашимъ отъ Скандинавовъ и Грековъ (84).“ Римляне во время *Паллій*, праздника основанія Рима, какъ у насъ въ Купалу, *палили* сухое дерево и хворостъ, и черезъ епопъ огонь проекрапно перескакивали. Канне въ Мѳологіи своей вмѣстѣ съ издашелями *Edda Saemundina* находятъ очевидное сходство Лапинской *Палесы Pales* съ Азіатскимъ *Bal, Baal*, Скандинавскимъ *Bál* огонь, пламя, и Рускимъ *палити* жечь и *палити*. *Палиемъ* въ Малороссіи прозывается Св. Паншелеймонъ попому, что онъ *палитъ* копны сѣна и скирды хлѣба у шѣхъ, кпо рабопаешъ въ его праздникъ. ср. стр. 61.

(84) Рускія достопамятности, ч. I, М. 1815. 8.

Въ Маѣ мѣсяцъ совершался въ Римѣ при Остїи праздникъ (Maіша), во время коего мущины обливали другъ друга водою (85), какъ бывало на Руси во время всей Свѣтлой седмицы, см. выше спр. 40. Въ Римѣ, въ идахъ Мая, шоржеспвенно кидали съ священнаго моста въ Тибрь XXX проспниковыхъ болвановъ (simulacra scіrea): Нѣмецкіе Славяне и жипели нѣкошорыхъ обласпей Россїа досель бросаюшь въ рѣки съ различными обрядами соломенныя чучелы весной и лѣпомъ. Какъ у Римлянъ, пакъ и у Рускихъ, Маѣ мѣсяцъ почиался неблагопрїяпнымъ для супружеспешъ; у первыхъ была пословица: Mense Maіo nubunt mali, сходная съ примѣшою послѣднихъ: *Кто въ Маѣ женится, тотъ будетъ маяться* и съ Французскою: *Noces de Maі, nocēs mortelles* (86). Въ свадебныхъ обрядахъ Римлянъ и Рускихъ находипся много сходнаго: самое слово *свадьба*, спар. *сватба*, одного корня съ Латинскимъ *suada*, ш. е. привлекательная, прозваніе Венеры, пакъ равно и свадебный *коровай* съ Латинскимъ древнимъ обрядомъ бракосочеспанїа *confarreatio*, при коемъ, по свидѣпельспву Т.

(85) J. Sauberti de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709, 12. — Вѣспникъ Европы, 1811, No 20.

(86) Ovidii Fast. V. v. 489, 90. Hac quoque de causa, si te proverbia tangunt, Mense malas Maіo nubere vulgus ait.

Варрона, въ древности у Римлянъ на порогъ ставились огонь и вода — первый знаменовалъ мужа, а вторая — жену: ибо огонь оплодотворяетъ, а вода производитъ.

Кто не узнаетъ въ приводимомъ церковными книгами *вороноградъ*, *птицезолхзованіи* и въ сохранившихся доселѣ между проспымъ народомъ гаданіяхъ по клеванію, пѣнію и полету пшницъ Египтско-Римскія *auguria* и *auspicia*? Сколько было примѣтъ у нихъ сходныхъ съ нашими! Чиханіе (*sternutatio*), при коемъ они говорили, также какъ и мы, *здравствуй* (*salve*) (87), *звонъ въ ушахъ* (*tinnitus aurium*) (88), *чесотка зубовъ* (*pruritus dentium*) (89), *просыпаніе соли* на столѣ и ш. д.

У Римлянъ, вѣрившихъ также *призору очей* или *изурочиванью*, было и божество *Fascinus*, предохранявшее отъ ешаго и младенцевъ (*custos infantium*); они оговари-

(87) *Ovidii* ep. ad H. L. v. 151. Sternuit, et vobis prospera signa dedit. Въ хараш. спискахъ Нестора о современныхъ ему суевѣріяхъ находится слѣдъ: „На-
рицающесея хреспьяне, а погански живуще — дру-
зій же и зачиханью вѣрующъ, еже бываетъ на
здравіе главъ.“ *Карамз. И. Г. Р. т. II, прим. 113.*

(88) *Plinii* H. N. 28, 2, 5. Absentes tinnitu aurium praesentire sermones.

(89) *Plauti* Amph. I. 1, 159. Perii! dentes pruriunt.
Theocr. Id. III, v. 57.

вались и оплевывались, когда кто хвалилъ ихъ дородство или красоту, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Пепронія sat. p. 805 : Hoc peracto carmine, me exuerge jussit. У нихъ были, также какъ у насъ, черные или злые дни (dies atrī), въ кои они ничего не начинали. Мѣспами жертвоприношеній и совершенія другихъ св. обрядовъ, подобно Славянамъ и Нѣмцамъ, были у Римлянъ священныя дубравы (luci) и испочники (fontes); ибо, по словамъ Липсiя, древнее существовало повѣрье, что „испочники и рѣки почитались меньшими богами и геніями.“ Ето сходно съ словами, включенными въ Слав. рукопись XI в., о коей выше приведено: „Овъ рѣку „богиню нарицаешъ и звѣрь живущъ въ ней яко „бога нарицаю, пребу шворишь.“ Римляне также приносили богамъ своимъ цвѣтны, ладанъ (90), свѣчи (91), медь, кромѣ обыкновенныхъ жертвъ животноными, дѣлали изъ металловъ по обѣщанію привѣски изображеній больныхъ частей шѣла (e voto), очищали луспральною водою людей, оскверненныхъ преступленіями, поля, дома и города (lustratio ordinaria et extraordinaria) (92). „Весну, по свидѣтельству I.

(90) Tiburea dona. *Virgil. Aen. VI, v, 223.*

(91) *Senecae ep. 95.*

(92) *Virgil. Aen. VI, v. 229. Plutarch. Quaest. IV. Cic.*

Лавренція Лудійскаго, называли они зеленою, присвоивая сей цвѣтъ земль, а льшо краснымъ, посвящая красный цвѣтъ огню и Марсу (93).“ Праздники у Римлянъ продолжались, по большей части, при дни, такъ какъ у Рускихъ (94).

Западные писатели о Славянской Мифологіи, по нелѣпому обычаю Грековъ и Римлянъ, часто сравнивали Славянскія божества съ Римскими, сославили новыя, небывалыя (95).

Выше замѣтили мы о сходствѣ Славянской Мифологіи во многихъ черпахъ съ Скандинавскою, нашли въ ней *Перуна*, *Волоса* своего, и другіе мифы; поже сходство найдется и во многихъ обрядахъ и праздникахъ народныхъ. Скандинавы, или Варяги, раздѣляли также годъ на два равноденствія, кои знаменовались праздниками — зимнее Юльскимъ (*Juhl, Joel*), который отправлялся въ Норвегіи болѣе въ честь Тора, а въ Даніи посвящался Одину для испрошенія благословенной жатвы и скорого возвращенія солнца: оный соопшѣпствуемъ нашимъ Свяшкамъ, кои у Дапчанъ

(93) J. *Laurentii Lydi de mensibus*. Lipsiae, 1794. 8.

(94) *Ferias indicere in triduum*. *Liv.* III, 5. *Cic. de legg.* II, 2.

(95) Моск. Вѣспникъ, 1828, No 2.

называются *Luul*; онѣ прежде сопровождались переряживаніемъ (96) людей въ козловъ, лошадей и быковъ. Извѣстный въ святочныхъ нашихъ играхъ *суженой ряженой* почти одинакую роль играетъ съ Скандинавскимъ *Julevetten*, который внезапно являлся въ дома. При Византійскомъ дворѣ Варанги (Варяги) и Гошпы, сославлявшие Царскую дружину, по свидѣтельству Константина порфир. и Кодина (97), объ Рождествѣ Христовѣ являлись въ личинахъ и шубахъ, вывороченныхъ на изнанку, вершались, ударили жезлами въ щипы и пѣли пѣсни подь музыку. Сии святочные игры слыли въ Царьградѣ *готическими* и продолжались до самаго разрушенія Византійской Имперіи (98). Въ лучшее равноденствіе (*Midsommersnat*, или *Sankt Hans Aften*) у Дашчанъ, вездѣ на сѣверѣ зажигались коспры, нѣкогда посвящавшіеся Балдеру и называемые въ Россіи *купальскимъ огнемъ*; намъ, подобно какъ у насъ, въ епоху день купающа для здоровья и собираемья правы (*Sank*

(96) Мейнихенъ въ своей *Съверной Мивологій*, изд. на Дашскомъ языкѣ въ Коппенгагенѣ, говоритъ, что *Luul* происходитъ отъ слова *Hjul* колесо; ибо годъ тогда поворачивается колесомъ.

(97) *Constantini porph. de serem. aulae Byzantinae. Lipsiae. 1754 f.*

(98) *Edda Saemundina, t. III. L. M.*

Hans Urt) почипаюцца цѣлипельными опъ порчей и недуговъ.

День Торовъ или Туровъ, чешвергъ, слы-
вущій у Далчанъ въ проспонародіи зеленымъ
и легкимъ для дѣлъ, изъ языческаго праздни-
ка 692 г. по Р. Х. превращенъ въ Хрістіан-
ское шоржеспво Римско - католической Цер-
кви подъ именемъ *dies viridium*, на осно-
ваніи псалма XXIII, 2., въ коемъ слово *viridis*
выражено на Слав. *злачный*. Издревле въ Ислан-
діи, при началѣ весны, праздновали въ чеш-
вергъ Тору и донынѣ празднуютъ, пакъ
какъ въ Россіи *Семицкій четвергъ*. Тогда, по
мнѣнію Скандинавовъ, Торъ, побѣдивъ Ти-
асса, зимняго гиганта, воспринималъ полное
владычеспво въ природѣ. Исландскому назва-
нію соопеѣпспвуеетъ Нѣмецкое: *der grüne, der
hohe Donnerstag*, Англійское *holy Thursday*,
ш. е. свящій Туровъ день, и Шведское *Helig
Thorsdag* (99), въ копорый просполоудины
въ Германіи имѣли обыкновепіе бспъ зе-
лень. Вѣрояпно, что къ міру Славяно -
Рускаго Язычеспва опноспща народная

(99) Въ Edda Saemundina. t. III: Specimen Calendarii
Borealium cum seriore ac recentissimo nostratum an-
nui spatii computo, variis cognatarum gentium festis
vel ceremoniis collatum.

поговорка о чемъ либо несбыточномъ: *Посль дождичка въ четвергъ*. Майскій праздникъ, по-Тевтонски *Meue-tag*, былъ радоспнѣйшимъ у Шведовъ, Дашчанъ, Германцевъ, Англовъ: онъ отправлялся и въ Германіи и Даніи, въ извѣстное время года, съ пѣснями и хороводами вокругъ Майскаго дерева. Какъ у насъ въ Семикъ, такъ у нихъ въ епопъ Майскій праздникъ поселяне увѣнчивающъ себя цвѣтами и носящъ въ рукахъ зеленыя древесныя вѣтви. Майскій праздникъ при Олаѣ великомъ торжественно совершался въ Швеціи самимъ Королемъ и его дворомъ, копорый вмѣшивался въ веселья толпы народа. То же бывало и въ Даніи. Какъ Персіане въ новыи свой годъ, при возвращеніи весны, имѣющъ обыкновеніе дарить друзей своихъ раскрашенными яицами, такъ Скандинавы и Рускіе въ продолженіи Пасхи хриспосующся и мѣняющся красными яицами. *Первое Апрелья* обманывающъ другъ друга не только на Руси, но и въ Даніи, Швеціи и Норвегіи, гдѣ также празднуется 23 Апрелья *Егорьевъ день* (*Jörgen* на Дашск., *Göran* на Швед.), когда въ Исландіи и Финляндіи торжественуется насупленіе весны, или лѣтней поры, съ различными языческими обрядами. Св. Георгію суевѣріе жипелей Скандинав-

скихъ придавало почши шакія же качества и дѣла, какія Тору или Одину. Крещенные Варяги прежде вѣровали въ Славяно-Русскаго Перуна и въ Тора. Между именами Руссовъ, заключившихъ договоръ, находящяся *Туръбидъ* и *Туръбернъ*, которые повидимому соотвѣстствуютъ Скандинавскимъ *Thorfrid*, *Thorfid* и *Thorbern* (100). Въ Коспромской губерніи доселѣ поюшь пѣсню въ честь Тура :

Ой Туръ молодець удалой!
 Туръ изъ города большаго,
 Вызываль красну дѣвицу
 Съ нимъ на правѣ побороться,
 Ой Дидъ Ладо, побороться и пр.

Когда, по низверженіи въ Скандинавіи кумировъ Тура, одержавшаго, по народному преданію, побѣду надъ дракономъ, пославлень былъ ликъ С. Михаила Архангела, низринувшаго сашану: суевѣріе народа спало смѣшивать лица и дѣйствія шего и другаго; день Архангела (*Mihiltag*) празднуется, особенно въ Даніи, весельями пиршествами, кои называются *осетими*, *жатвенными* (*Höst-Gilde*), а въ Борголмѣ *Михайловскими*; изображеніе его оспалось въ древнихъ храмахъ Скандинавіи.

(100) *Карамз.* И. Г. Р. I.—Также Турвуди, Турдовъ. см. Лѣтопись Нещорова по Лавренш. сп. М. 1824. 4.

Въ міръ Скандинавскомъ такъ же, какъ и въ Славянскомъ, естъ обрядъ *изгнанія зимы и встрыча лѣта*; въ Васильевъ вечеръ на Новѣй годъ шамъ дѣлающа гаданія о будущемъ, замѣчающа разныя примѣпы. У Исландцевъ погда просполодины шолпами ходяшъ ночью по улицамъ съ пѣснями и крикомъ, бьюшъ горшки у дверей домовъ; такъ же наряжающа мущины женщинами, а женщины мущинами, надѣвающъ на себя разныя личины, и ш. д.

При ближайшемъ сравненіи проспонародныхъ Мѣсяцослововъ Скандинавскихъ, вѣрояшно, опкроешъ еще бѣльшее сходство древняго ихъ богоученія и богослуженія съ Славяно-Рускимъ. Чшо жъ касается до Германской Мифологіи, шо она занимаетъ средину между Цельпическою и Сѣверною. Древнѣйшее сосѣдство и смѣшеніе Славянскихъ племенъ съ Нѣмцами, кошорыхъ они называли и *Фрягами*, разумѣя вообще подъ симъ именемъ западныхъ Европейцевъ (101), особливо въ сѣверной и восточной Германіи, сильно подѣйствовало на языкъ шѣхъ и другихъ, въ коемъ находилъся множество сходныхъ словъ, выражающихъ попребности жипейскія; шамъ число Славянскія названія

(101) Въ Пошребникѣ, изд. въ Москвѣ 1639 г. въ л. сказано: о Франзѣхъ: „Логговарди и Фрянзи, иже и Германи нарицающа.“

многихъ городовъ, селеній, горъ, долинъ, рѣкъ, лѣсовъ повпорились и въ сѣверо - воспочной, части Россіи, куда могла переселились Балтійская Русь съ береговъ Ельбы, Одера, Вислы. Изъ сего можно заключить, что они заимствуя одни отъ другихъ слова, заимствовали и многія повѣрья, обычаи и праздники, какъ выраженіе ихъ мѣстности, быта и духа; Русь заморская перенесла въ міръ Славянскій широкія преданія, поговорки и пословицы, кои у насъ обрусѣли. Какъ богоученіе, такъ и богослуженіе западныхъ Славянъ, жившихъ среди Нѣмцевъ, во многомъ было различно отъ сѣверо-воспочныхъ. Когда первые отъ единобожія перешли къ многобожію; то у нихъ расплодилось божество, неизвѣстныя послѣднимъ и общія съ Нѣмцами и даже сходныя съ Римскими, копорые оставили намъ слѣды свои колоніями и селами. Хопя Славяне, подобно Германцамъ, предпочтительно поклонялись своимъ божествамъ на горахъ и въ священныя дубравахъ (Heiden), отъ коихъ и получили свое названіе язычники, такъ какъ *поганые* (pagani) отъ pagi селы, гдѣ они укрывались; однако имѣли храмы, куда спекались въ праздники на богослуженіе съ женами и дѣтьми. Столицею Славянскаго Язычества и торговли былъ Рюгенъ, приютивъ Руси, смѣшавшейся съ

Славянскими племенами (102), кои иногда выдавались за Англо-Саксовъ. Нѣкопорыя божества у ней были общія съ Поруссами, или Пруссами, напр. Перунъ, копорый у нихъ назывался Perkun и обожаемъ былъ вмѣстѣ съ Попримпомъ юношею и Пиколомъ шарцемъ; символомъ перваго былъ огонь, другаго—змія, прешьяго—мершвая голова человѣческая. Sema, или Semina, была богиня земли. Венды Люнебургскіе, долго спустя по принятіи Хрістіанства, приносили у священнаго дерева въ жершву пѣпуха, копорый у Скандинавовъ былъ символомъ огня, что дало поводъ къ Датской поговоркѣ о пожарѣ: *der gøde Hane galter over Taget*, т. е. „красный пѣпухъ поетъ на кровль.“ Въ Германіи говорящъ просполодины: *den rothen Faß aufstehen*, вмѣсто: зажечь. Въ Самаріи пѣпухъ былъ символомъ бога огня (103). Какъ въ Германіи на Брокенѣ горѣ въ Валпургіеву ночь собирались колдуньи, такъ и въ Кіевѣ слезались на Ивановъ день вѣдьмы на Лысую гору: къ такому суевѣрному мнѣнію вѣроятно дали поводъ древнія сходбища язычниковъ, ихъ

(102) Опышъ Исторія Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, соч. Профессора *А. Рейца*, изд. Профессора *Ө. Морозкина*, М. 1836. 8.

(103) *Edda Saemundina*, t. III. L. M.

жертвоприношенія и совершеніе языческихъ обрядовъ на сихъ мѣстахъ (104).

Нѣмцы и Славяне, бывшіе въ близкихъ между собою отношеніяхъ по своей мѣстности и политическому вліянію, представляющъ разительное сходство во многихъ повѣрьяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и словахъ, такъ что трудно рѣшить, кто отъ кого прежде заимствованъ; но вѣроятнѣе — съ чѣмъ соглашаются Клуверій и другіе — первые отъ по слѣднихъ (105). Подобно Нѣмцамъ, Славяне поклонялись на горахъ и въ заповѣдныхъ рощахъ и дремучихъ лѣсахъ, гдѣ хоронились усопшіе, благоговѣли предъ водою и огнемъ, старыми деревьями, особливо дубами и липами, подъ коими у нихъ чинился судъ и расправа (106). Большіе камни (*Stützensteine, Altartische*) въ нижней Германіи, Скандинавіи и Целтическихъ странахъ были мѣстами жертвоприношеній и судопроизводства. Вендскій богъ вода (*Wodha*), коего особенно чтили въ Репрѣ, принимается за одно съ Нѣмецкимъ Воданомъ или Однимъ, такъ какъ Водяникъ или дѣдушка водяной съ *Wassermann*,

(104) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von Lfany. 2 Th. Znaim. 1827. 8.

(105) *Cluver. Germ. ant.* I. 1.

(106) *Deutsche Rechtsalterthümer*, von J. Grimm. Göttingen, 1828. 8.

Русалки съ Nixen, Undinen, и съ Нѣм. провинціальнымъ словомъ Nüßfelchen, родъ духовъ женскаго пола, а домовые съ Hausmänner, Gütgen, и п. д. Разныя племена Германскія имѣли различныхъ боговъ покровителей (Schutzgötter), даже всякое семейство — своего бога въ источникъ, деревъ и оружіи, коимъ они клялись. Другія божества, особливо у западныхъ Славянъ сходствуютъ съ древними Нѣмецкими и съ Англо - Сакскими; поже почти можно сказать и о праздникахъ.

Какъ у Славянъ, народа земледѣльческаго, и годъ назывался *лѣтомъ*: шо у Германскихъ племенъ, заимствовавшихъ земледѣліе отъ первыхъ, годы считались жашвами; на древнемъ Готическомъ языкѣ уеар, аар, Исландск. и Датск. аар (выгов: оръ) и ар, годъ, весна, лѣпо, жашва, попомъ Jaar, Jahr значило собственно жашву; ибо на Вендскомъ языкѣ *лѣто* именуется *яръ*, а лѣпній плодъ *ярина*, *ярица*: отсюда и наше *яровое*. У Нѣмцевъ *Mittelminter* середина зимы и *Mittelsommer* середина лѣта соотвѣтствовали Юлійскому празднику и Иванову дню.

Въ 742 году запрещалось законами первымъ Хрістіанамъ Германіи праздновать *первое Января* переодѣваніемъ мушницъ въ женскія плащья, а женщинъ въ мужскія, и маскиро-

ваніемъ пѣхъ и другихъ: тогда совершался въ Европѣ извѣстный праздникъ дураковъ (*das Narrenfest, festival of fools, la fête des foux*) до XVI вѣка. Донынѣ даже о Святкахъ (*Weihnachten*) въ Германіи дѣвицы льютъ олово и свинецъ въ воду, когда желаютъ узнать, какого ремесла будетъ у нихъ мужъ; въ полночь спускаются въ куряшникъ, съ особенными прибаутками; ежели въ это время запоетъ пѣснью: то онѣ вѣрятъ, что скоро будутъ за мужемъ и п. п. (107). Многія другія суевѣрія совершались въ 12 дней сего праздника. Какъ Богоявленіе нѣкогда было праздникомъ середины зимы у Готловъ, Германцевъ, Датчанъ и другихъ; опъ сего и различныя названія етому дню, напр: *das grosse neue Jahr, das Bohnenfest*, п. е. великій новый годъ, бобовый праздникъ. Сіе названіе опносятся къ обычаю подавать въ етопъ день большое блюдо съ однимъ бобомъ; кому бобъ доспанется, топъ и называется *Царь - бобъ* (*Bohnenkönig, Roi de la fève*), который вѣроятно перешель къ намъ подъ именемъ *Царя-гороха* (108). Въ етопъ день Датскія поселанки призываютъ прехъ Царей, (*heilige drei Könige*), которымъ и въ Костромской Губ.

(107) Вѣстникъ Европы, 1823, No 1, стр. 75.

(108) *Edda Saemundina*, t. III. Lex. Myth.

есть славенъе; а въ Пруссіи въ Гумбинненскомъ округѣ, опъ Р. X. до праздника шрехъ Царей, всякой вечеръ проводящъ въ забавахъ, переходя изъ дому въ домъ, на свѣшное Воскресенье обливающъ водою мущины женщины, а женщины мущинъ, шакъ какъ и въ Польшѣ и Россіи. О сходномъ обрядѣ изгнанія зимы (*Wid des Winters*) у Германскихъ Славянъ выше упомянушо нами. Дни С. Георгія весенняго, Хрістіанскаго выпязя, и Св. Михаила Архангела (*Zirgens-, или Georgienstag, Michelstag*) служили сроками работъ и наймовъ, праздновались съ разными языческими обрядами въ Даніи, Швеціи и Германіи, особенно первою встрѣчею весны, или лѣшняго періода (109).

Первое Апрѣля обманывать — было древнимъ обычаемъ сѣверныхъ народовъ; у Нѣмцевъ ешо называлось: *in den April schicken*, а у Французовъ *donner un poisson d'Avril*, провесши кого; опъ сего и произошла пословица: *Es ist der erste April, da man einen jeden Narren hinschickt, wohin man will*, ш. е. Первое Апрѣля всякаго дурака проводящъ, какъ хотящъ (110). *Первое Мая (Maientag)*, по Тев-

(109) D. J. F. Eisenhart's Grundsätze der deutsch. Rechte in Sprichwörtern. 3 Aufl. Leipzig. 1823. 8.

(110) Енциклопедич. Лексиконъ, ш. II.

понски Meue или Meuge-Tag, сопровождался и въ Германіи и въ Даніи веселыми пѣснями во-кругъ Майскаго дерева, березки (Maipole, Maieen), копорое замѣняешся Семицкою березкою въ Россіи: мы выше замѣнили о сходбищѣ вѣдьмъ на Брокенѣ (Bructerus) подь первое Мая, какъ на Лысой горѣ (Щекавицѣ) у Кіева на Ивановъ день. Въ Германіи, въ Тюрингенѣ, предъ Троицынымъ днемъ бываешъ сходный съ Рускимъ Семикомъ праздникъ вѣнковъ (das Kränzelfest) (111); нашъ Ивановъ день, или Купало, въ сущесствѣ своемъ одинаковъ съ Нѣмецкимъ Johannisstag, или der Mittelsommer, когда зажигается Ива-новъ огонь (Johannisfeuer). У Пруссовъ было бо-жесшво весны и веселья — Луго, близкій съ нашимъ Ладомъ. Въ честь его зажигался подь липою огонь на Ивановъ день и шамъ плясали во всю ночь съ пѣснями, кои оканчивались припѣвомъ: *Луго! Луго!* (112).

О Троицынѣ днѣ, называемомъ цвѣпною Пасхою, и въ Германіи во многихъ провинціяхъ донынѣ употребляются Pfingst-Maien и Pfingst = или Maien-Länze, ш. е. Троицкія

(111) Mythologie der alten Deutschen u. Slawen, von H. Sfanу. Znaim. 2 T. 1827. 8.

(112) Prutena, od. preussische Volkslieder, von L. Rhesa. Königs. 1809. 12.

деревья и пляски; церкви и колокольни украшаются березками (*Maien, betulae*). Ешопъ обычай, споль близкій съ обрядами Иудейскаго праздника кущей, многіе писашели выводящъ изъ Римскаго Язычества, почипая оный оспашкомъ игръ въ честь богини *Мам*, мапери проводника душъ, Меркурія, (*Мајума*). Въ Англіи бывающъ въ Гренвичскомъ паркѣ *Троуцкія* игры (*Whitsunday and holy day's stories*) (113).

Извѣстное въ Россіи *бабье лѣто* соопвѣшсвуешъ Нѣмецкому *alter Weiber Sommer*, ш. е. спарое женское лѣто, или *Marienfäden*, ниши паупинъ, бывающія въ Сентябрѣ (114). Въ началъ Ноября, когда горными Шопландцами возжитающя коспры въ память усопшихъ, называемые у нихъ *огнемъ мира и покоя*; тогда Нѣмцы пекушъ родъ хлѣба или блиновъ *die Seelenwecke*, или *Zucker-Seele*, сахарная душа: ешопъ день (2 Ноября) у Датчанъ извѣстенъ подъ именемъ *Sjaludagr*, день всѣхъ душъ, соопвѣшсвующій нашей осенней родипельской. У древнихъ Германцевъ, по свидѣтельству Та-

(113) *Die Feste der alten Christen*, von D. J. C. Augusti. Leipzig. II B. 1818. 8.

(114) *Die Gründung Prag's*, ein histor. romant. Drama, von E. Brentano. Pest. 1815. 8. — *Edda Saemundina* t. III.

циша (115), трупы знаменитыхъ мужей сожигались, а надъ прахомъ ихъ насыпаемы были курганы. У Естовъ, прибрежныхъ жителей Балтійскаго моря, въ IX вѣкѣ погребеніе именистыхъ мужей сопровождалось *тризною*, копорая состояла въ пиршествѣ и конскомъ риспаніи, на коемъ побѣдители по жребію получали имѣніе покойнаго (116). Праздники предъ сѣяніемъ полей и по окончаніи жатвы (*Erntefeste*), у Нѣмцевъ сходны съ Рускими, у копорыхъ *Авсень* одинаковъ съ *Arosten*, или *Müsßen* посѣвъ (117). см. стр. 12. У Нѣмцевъ бездѣльный понедѣльникъ (*blauer Montag*) Масляницы сопровождался обжорствомъ, пьянствомъ и разными пошѣхами: тогда ѣли блины (*Kringeln*), или оладьи, также качались на качеляхъ.

У Славянъ Рускихъ и у Нѣмецкихъ племень былъ *судъ Божій* (*Dei iudicium*, ехатен, *Gottes Gericht*), или Ордали, кои ведутъ свое начало отъ Язычества, изъ глубокой древности, и кои сполько укоренились въ вѣрованіи народа; онѣ долго шерпимы были въ самомъ

(115) *Taciti de mor. Germ. c. 27. Geschichte der Meinungen älter. u. neuerer Völker, von J. Lindemann. Stendal, 1784. 12.*

(116) *Исторія Рускія лѣтописи, ч. III. перев. Д. Языкова. СПб. 1819. 8.*

(117) *Plattdeutsches Wörterbuch, von J. Dähnert. Strals, 1781. 4.*

Хрістіанствѣ (118); упопрѣбительные у Нѣмцевъ и Славянъ Рускихъ Божіи суды были: *испытаніе огнемъ* (Feuerurtheil, iudicium ignis), *водою*, (Wasserurtheil, iudicium aquae, или aquaticum Dei iudicium) и *судебный поединокъ*, или *поле* (Kampfurtheil, iudicium pugnae, duellum, iudicium campi) (119). Первое у Рускихъ Славянъ *правда желъзо, на желъзо* (120), у Сербовъ *тазија*, или *испытаніе раскаленнымъ желъзомъ* упопрѣблялось въ важнѣйшихъ дѣлахъ, а другое (*на воду*) въ менѣ важныхъ, преимущественно въ судѣ колдуновъ, чародѣевъ и воровъ, коихъ бросали въ воду, подобно какъ и кумиры опроверженныхъ боговъ. Единоборствомъ, или *полемъ*, какъ способомъ славнѣйшимъ и благороднѣйшимъ, рѣшались шажбы (121). Нѣмцы и Скандинавы клялись *Одиномъ* и *Торомъ*, Славяне *Перуномъ*, а Липовцы *Перкуномъ* — божесшвами грома; онъ держалъ въ рукѣ кусокъ желъза, разжигаемаго при испытаніи огнемъ обвиняемыхъ. Можешъ бысть, и самое слово *право* происходитъ отъ *Прове, Правно, у*

(118) Deutsche Rechtsalterthümer von J. Grimm. Göttingen, 1828. 12.

(119) Опытъ Истории Росс. государственныхъ и гражданскихъ законовъ, Профессора А. Рейца, изд. Профессора О. Морошкина, М. 1836. 8.

(120) Карамз. И. Г. Р. III, прим. 248.

(121) Рускіе въ своихъ пословицахъ. М. 1831 — 34. IV ч. — Ewig's ältestes Recht der Russen. Dorp. 1824. 8.

Нѣмцевъ *Probe*, *Pröwe*, или даже наоборотъ. Вагры почитали Прове богомъ права, правосудія, одинакаго съ Перуномъ (122). У древнихъ Скандинавовъ шоржеспивенное принятіе кляшвы выражалось словомъ *taka*, сходнымъ съ нашимъ *такъ*; очиспительная присяга, или кляшва называлась *Låde*, на спаромъ Нѣм. *Leita*: опскуда и глаг. *такать* и *ладить* въ значеніи присягать и клясться, на пр. въ посл.: *Новгородцы такали, да Новгородъ и протакали*.

Между повѣрьями естъ довольно одинаковыхъ у Нѣмцевъ и Славяноруссовъ, напр: *сглазить*, или *изурочить*, *beschreien*, *einen bösen Blick haben*; у первыхъ естъ *Springwurz*, такъ какъ у другихъ *разрывъ-трава*, или *спрыгъ-трава*, копорая оппираетъ всѣ замки и опкрываетъ сокровища. Вѣра въ волшебницъ и колдуней (*Hexen, Wettermacherinnen*) сходна у Рускихъ Славянъ съ Нѣмцами (123), равно какъ и другія суевѣрія, кои у послѣднихъ не могла совершенно испребити и самая Реформація. Опъ Миеологіи древне-Нѣмецкой, споль сходной во многихъ черпахъ съ Славянскою, перейдемъ къ Финнскою и Липовскою,

(122) D. J. F. Eisenhart's Grundsätze der deutschen Rechte in Sprüchwörtern. Leipzig. 1823. 8.

(123) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von U. Klany. Znaim. 2 Th. 1827. 8.

Въ началѣ Исторіи нашей Финны и Чудь сушь развалины какихъ-шо огромныхъ народовъ, прешворившихся въ массу другихъ племень—Варяговъ и Славянъ: оспашки Финскихъ поколѣній находящся въ разныхъ Россійскихъ Губерніяхъ, особенно сѣверныхъ и воспочныхъ, подѣ разными названіями. Посему и самыхъ Россіянъ можно раздѣлять на Россіянъ Славенскаго и Финскаго происхожденія, хопя при такомъ превращеніи не возможно, чшобы у нихъ не сохранились коренныя и кровныя ихъ качесшва въ позднѣйшихъ ихъ поколѣніяхъ (124).

Сѣверные Славяне, поселясь между Финскими племенами и по сосѣдству съ оными, и; превышая ихъ своею образованносшью, болѣе сообщили имъ своихъ понятій и обычаевъ, чѣмъ сами опъ нихъ заимсшвовали. Последніе долѣ оспавались въ Язычесшвъ, чѣмъ первые: у нихъ глубже укоренились древнія суевѣрія, нежели у Рускихъ Славянъ. Въ именахъ мноологическихъ между Рускимъ и Финскимъ почти нѣшь сходсшва, кромѣ весьма малаго, напр: *Перунъ* въ Рігу, родш. Рігум (125). У Финновъ шакже празднуется Ивановъ день, въ который ночью зажи-

(124) Неспоръ Шлецеровъ, III, стр. 116.

(125) Ueber die Finnische Sprache u. ihre Literatur, von Dr. A. J. Sjögren, S. Petersb. 1821. 8.

гается косперъ хвороспу и сучьевъ, извѣстный подь именемъ *Kokko* (126), а въ Новгородской Губерніи, гдѣ есть и селеніе *Кокуй*, называется епомъ огонь *кокуемъ*, опть коего вѣроятно получила свое наименованіе *Кукуевой* Нѣмецкая слобода въ Москвѣ (127). Въ XVI вѣкѣ Чудь и Рускіе на Ивановъ день, 24 Іюня, собирали травы въ пустыняхъ и дубравахъ съ суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопляхъ и гудкахъ; молодежи и дѣвицы плясали, обнимались съ юношами, забывая спыдъ и цѣломудріе (128).

Абевега и Георги свидѣтельствуютъ, что Ижорцы, племя Финнское, на Ивановъ день подь дубомъ закаляютъ бѣлаго пѣшуха, который у Скандинавовъ былъ символомъ огня. *Колдовство, волшебство, коби и кудесы*, или *чудеса* господствовали между Финнскими племенами и Чудинцами, даже самые Новгородцы нерѣдко ходили къ Чудскимъ кудесникамъ, для гаданій. Сами Скандинавы почитали Фин-

(126) *Lexicon linguae Finnicae*, auct. G. Renvall. Aboae, 1823. 4.

(127) *Карамз. И. Г. Р. XI*, пр. 68. Въ Уставѣ В. К. Святослава Ольговича упоминается въ Обонежскомъ ряду *Кукуева гора*. см. Руск. Достопамястци, ч. I. М., 1815. 8.

(128) тамъ же, ш. VII, 193.

новъ величайшими колдунами и чародѣями, а землю ихъ — спраною чудесъ и превращеній. Въ средніе вѣки имя *Финнъ* поже значило, что колдунъ; даже и до сихъ поръ въ Финляндіи еспь колдуны (*Tietuät, Noijat*) (129). Какъ у Балтійскихъ Славянъ главный храмъ находился въ Репрѣ, такъ у Финновъ въ Біарміи и посвященъ былъ Юмалъ: въ Репрійскомъ Пантеонѣ находились вмѣстѣ съ Славянскими и Тевтонскими Финнскія божества.

Доспойно замѣчанія и изслѣдованія по, что суевѣрныя понятія почти одинаковы у всѣхъ жилищей глубокаго Сѣвера: Финнскіе колдуны; Тапарскіе шаманы, Гренландскіе антекокси сходны въ своихъ дѣйствіяхъ. У Шведовъ и Рускихъ Финны заимствовали многія повѣрья, обычаи и обряды. Они думаютъ, что въ лѣсахъ живеть пара страшныхъ лѣшихъ — одинъ мужескаго пола *Liekköper*, являющійся иногда въ видѣ птицы, собаки, челоуѣка; другой женскаго, *Ajattara*, сбивающій съ дороги прохожихъ и проѣзжихъ. У Шведовъ домовою, извѣстный подъ именемъ Мага, у Финновъ называется *рајпајаінен*, п. е. гнезущій, дающій — ходитъ въ

(129) Вѣспникъ Европы, 1828, No 13, статья И. Лагуса, Москов. Наблюдатель, 1856, Июль: Мысли о старобытности Славянъ въ Европѣ.

видѣ бѣлой кошки или бѣлой женщины, освѣщающей собою всю комнапу; какъ *постынь*, наваливаеця на спящаго и давишь грудь его шакъ, чпо онъ не можешь поворочипшься. Въ Карелии, недалеко отъ Выборга есть гора каменная, слывуцая у Финновъ *Turjån wuogi*, т. е. *гора Тура*, или *Тора*, прославляемаго въ вѣкопорыхъ Финскихъ и Рускихъ пѣсняхъ и споль извѣснаго въ Скандинавской Мифологiи. Какъ на югѣ Россiи вѣдьмы слепаются на Лысую гору подъ Ивановъ день: шакъ, по мнѣнiю Финновъ, въ ночь на Свѣтлое Воскресенье онъ уносятъ собранную ими шерсть и хвосты на высокую гору, называемую по-Фински *Bläkulla*, или *Blocksberget* — островокъ, находящiйся въ Кальмарскомъ проливѣ.

Въ праздничные дни у Финновъ совершаются разные суевѣрные обряды, часпiю оспашки отъ времени Каполицизма, напр: въ *Егорьевъ день* (23 Апрель), который празднуеця пѣснями, играми и попойками, въ *Екатериининъ* (25 Ноября), *всѣхъ Святыхъ*. Какъ у Велико-Россiянъ въ день Бориса и Глѣба, шакъ у Финновъ въ день с. Олова (29 Юля), не занимаютъ сельскими работами, чпобы не лишиться плода оныхъ. Христiанскiе праздники осправляются у Финновъ съ мно-

гими увеселеніями и играми; на Свяшюй они пригошовляюшъ прѣсныя лепешки изъ муки (пшамті), объ Рождесшвѣ Хрисповѣ въ честь грома пекушъ большой хлѣбъ, выславляемый на канунъ сего праздника и хранимый до весеняго поствя, во время коего онъ раздаешся всѣмъ домашнимъ. Рождесшво (Joulu) почишаешся величайшимъ въ году шоржесшвомъ; на шпрешій день онаго (27 Декабря, памяшь Св. Стефана) молодые мушны, ходя со двора на дворъ, спрашиваюшъ: *дома ли Стефанъ?* Опвшшомъ служипъ угощеніе пивомъ и виномъ. Въ Саволаксіи, особливо въ Кареліи и сѣверной Оспробошніи, день всѣхъ Свяшыхъ (Кеккі, или Кюугу) ешь большой праздникъ жашвы, совершаемый со многими суевѣрными обрядами и пѣснями. Во шпорникъ на Масляницѣ во всей Финляндіи ѣдяшъ блины и другія жирныя кушанья, кашаюшся на саняхъ и лыжахъ по горамъ, а на Свяшюй недѣль, подобно Рускимъ, качаюшся на качеляхъ. Въ весенніе и лѣшніе праздники бываюшъ *хороводы*, кои прежде важивали спарухи.

Какъ Липовская Мнѣологія и Еоршологія представляюшъ намъ многія черпты, общія съ Славяно-Рускими и древне-Прускими: то, преж-

де чѣмъ приступимъ къ сличенію оныхъ, скажемъ о самомъ значеніи *Литвы*. Подъ словомъ *Липвы* разумѣются два разныхъ племени, именно 1) *Липва* означаетъ Великое Княжество Липовское въ наибольшемъ его распроспраненіи. А какъ собственная *Липва*, говорящая своимъ особеннымъ языкомъ, составляла самую малую часть народонаселенія: то подъ *Липвою* разумѣли Россіяны, или Русинь Великаго Княжества Липовскаго; 2) *Липва* — народъ отличнаго отъ Славянъ племени, говорящій языкомъ недовѣдомаго происхожденія и извѣстный въ Виленской Г. подъ именемъ *Жмуди*. У Польскихъ писателей *Липва* часто употребляется вмѣсто Липовской Руси и вмѣсто *Жмуди* или *Самогити*. Въ отечественныхъ летописяхъ *Липва* называется *поганю*, вѣроятно, по приверженности оной къ поганскимъ, п. е. языческимъ, обычаямъ.

Липовская Мифологія подвергалась сильному вліянію Римскихъ переселенцевъ, Германцевъ и Славянъ. Между великими и малыми богами и богинями оной встрѣчаются сходные съ Римскими и Греческими (130). У

(130) *Dzieje starozytne narodu Litewskiego* р. Т. *Narbutta*, т. I. *Mitologia Litewska*. Wilno, 1835. 8.

Липовцевъ Perkunas, какъ у Славянъ Перунъ, почитался богомъ грома, копорымъ они клялись; самое слово на Липовскомъ значило громовой ударъ. Когда гремишь громъ; по и донинъ Липовцы говорящъ: *Перкунъ ѣдетъ на своей колесницѣ*. У Липовскаго города Ромове споялъ огромный вѣчнозеленый дубъ, посвященный Перкуну, предъ коимъ шеплился неугасаемый огонь. Въспъ съ городомъ испребленъ и дубъ Гедеминомъ въ XIV в. Къ имени Перунъ придавалось у первыхъ Dewas, или Div, пл. е. богъ см. выше Липовскій Gurko, извѣстный также подъ именемъ Ziemięnikas, по мнѣнію Бандке (131), соопвѣщспвоваъ Славянскому Горовиду, а можешъ бытъ, и горкль, преобразившейся въ уменьшительное опъ имени Георгія: Гурко былъ богомъ земнымъ урожая хлѣба, Богинею, маперью свяшаго огня, была у Липовцевъ Praugime, сходная съ Римскою Веспою. Ладо, какъ выше замъшили мы на спр. 18, извѣсна была у Липовцевъ, у копорыхъ, съ 25 Мая по 25 Юня, дни посвящались сему божеспву, коему приносили въ жертву бѣлыхъ пѣпуховъ, въ чеспъ его пѣвались дѣвицами на лугахъ пѣсни съ припѣвами, какіе и въ Рускихъ

(131) Ишорія Польскаго народа. С. П. 1836. 2. ч. 8.

есть пѣсняхъ: Lado, Lado, Lado, didie musu dewe, ш. е. Ладѣ! великая наша богиня. Простолюдины величали ее *золотою Ладѣю*, которая, повидимому, поже была, что у Обдорцевъ *Золотая баба*, имѣвшая храмъ свой на Оби. Мать перуновъ и молній именовалась *Perkunatele*, раздѣлявшая съ Перуномъ владычество на землѣ и на небѣ; въ Жмуди давалось сѣ прозваніе Пресвятой Богородицы: *Ronna Marya Perkunatele*, или *Perkunija*. Въ Виленской Губ. 2 Февраля празднуется Пресв. Богородицы *Маріѣ громницѣ* (*Gromniczey Najswietszey ranny Maryi*); во время богослуженія народъ стойшь въ церкви со свѣчами, кои называютъ *gromnicy*. (132) Руская Липва въ поговоркахъ и пѣсняхъ своихъ упоминаетъ богиню *Dola* и *Pilwis*, сходную съ Римскою *Fortuna* и Славянскими *Дажба*, *Дажьбогъ*. Извѣстная въ сказаніяхъ и поговоркахъ Рускаго народа *мать земля* соопшествоуетъ Липовской *Zemmes mahti*, подземной богинѣ, пребывавшей въ среднѣ земли. Что у Россіянъ на югѣ Русалки, то у Липовцевъ *Дикпа*, у Жмуди *Gudelka*, а на Украинѣ *Мавки* — особенный родъ Русалокъ. Свадебный божокъ *Lub-*

(132) Записки Профессора П. Н. Лобойки.

leńiczu и Lubicz, происходящій опъ Рускаго гл. *любить*, еспъ Липовскій Гименей. Посредники между людьми и богами, похожіе на Рускихъ *домовыхъ*, у Липовцевъ были *Siemi dewas, Koboli, posteny* — *Ajtwaros, zlydni* — *Zlydni*, кои всегда дѣлають пакосши и разореніе; гдѣ они водворяются, шамъ спорынью съѣдають (*oni srog zjadaja*) (133). Подобно Славянамъ Рускимъ, Липовцы благоговѣли къ камнямъ, кои назывались *Gamaheu, Gamaheus lapis, горамъ* (*katnar*), къ священному огню, *Зницю* (134), сходно съ Индѣйцами къ *рѣкамъ священнымъ, святымъ озерамъ*, и изъ *деревъ*, почитаемыхъ священными: *бузнь, дубу, липѣ, соснѣ, вербѣ, вязу*, подъ коими у нихъ совершались въ извѣстные дни года особые обряды языческаго происхожденія (135).

Въ Волынской лѣтописи упоминается о крещеніи Миндовга въ XIII в., что оно было „леспиво; жря бо богомъ своимъ впайнѣ: „пръвому Нонадѣви, Телявели и Деверикзу, „заечему богу, и Медѣину; егда же выѣхаше „на поле и выѣжаше заецъ на поле въ лѣ-

(153) *Dzieje storozytne narodu Litewskiego. t. I.*

(134) *Varuszewicz Hist. nar. Pol. t. I. str. 451.*

(135) de la poësie Lithaunienne. v. *Catholique*, à Paris, 1826, t. I. No 5.

„сорощеніа (рощи), не вхожаше в ну и не „смѣяше ни розги уломиши; и мершвыхъ пѣ- „леса жьжиташе (136).“ Примѣта сіа о пере- бѣжаніи зайцемъ дороги, существовавшая у древнихъ Римлянъ, общая у Липовцевъ съ Рускими. Извѣстно, что въ Липовѣ, долго по принятіи Хрістіанской вѣры, оспавались въ народѣ спарыа суевѣрія, съ коими онъ не хотѣлъ распахъся, какъ бы съ наслѣдствен- ной свящынѣй и часпо углублялся въ дрему- чіе лѣса совершашъ оныа.

Липовцы съ глубокой Древности дѣлили время на часы (валунда) денные и ночные, по 12ши въ каждой половинѣ; долгоша оныхъ въ разныа времена года намъ не извѣсна. Седмицу, или недѣлю нашу они называли *Sertiniū diem*, семидневіе, начиная счешъ съ пяшницы, кошорая была днемъ покоя, какъ наше воскресенъе, и почишалась праздникомъ Перкуна. Жрецы ихъ измѣряли время по ше- ченію свѣшилъ небесныхъ, знали зодіакъ, дѣлили годъ на мѣсяцы (*Ménuo*) съ одного новолунія до другаго; годы ихъ были лунные

(136) *Карамз.* II. Г. Р. ч. IV, прим. 102. — *Абе- вега Рускихъ суевѣрій идолопоклонническихъ*, соч. М. Ч. М. 1786. 8.

и, въ сравненіи съ солнечными, имѣли болѣе 12 мѣсяцевъ. Еще считали они время девятию періодами (крутами), заимствованными отъ Скандинавовъ. Мифологическій ихъ годъ начинался съ Апрѣля, голубинаго мѣсяца, посвященнаго Мильдѣ, богинѣ любви, оканчивался же Маршомъ (Кавасъ), который посвященъ былъ богу войны. Имена прибавочныхъ мѣсяцевъ намъ не извѣстны. Лапыши вѣрнѣе сохранили память мѣсяцевъ по численію отъ одного новолунія до другаго, и потому ихъ мѣсяцы не совпадаютъ съ нашими календарными. Изъ празднествъ Литовскихъ, коихъ память дошла до нашихъ временъ, извѣстны слѣдующія, болѣе или менѣе сходныя съ Славяно-Русскими (137).

1. *Новомѣсячія*. Каждая первая пятница по новолуніи праздновалась болѣе другихъ.

2. *Первый день* (Święto Wiosny) въ году торжественно праздновался въ честь богини Пергрубы, Литовской Флоры и весны: онъ приходился въ 1 день Апрѣля (по новому шпилю 22го), который донинѣ празднуютъ въ южной

(137) Dzieje starożytnie narodu Litewskiego, р. 1. Narbutta. t. I. Wilno. 1855. 8.

Липвъ по селамъ: дѣвушки босикомъ, въ легкой одеждѣ выбѣгають за село до восхода солнца и при первыхъ его лучахъ поютъ, что идутъ встрѣчать весну: такъ бываетъ и въ южной Россіи на Веснянкѣ (138). Прибѣжавъ къ концу села, возвращающіяся обратно скачутъ, и съ пѣснями и рукоплесканіемъ пробѣгають по всему селенію; попомъ въ одномъ домѣ находятъ гоповую пирушку, гдѣ собравшись молодежь, долго веселился. Спрыйковскій, очевидный свидѣтель оспашковъ сего праздника языческаго, описываетъ намъ, что въ это время приносили жершвы богамъ первоспепеннымъ, особливо Пергрубѣ. Нѣсколько сель, сдѣлавъ складку хлѣбомъ на пиво и кушанье, собирались въ одинъ обширный домъ, гдѣ Вуршайшъ (жрецъ) за кружкою пива, споявшаго на сполѣ, читалъ молитву, начинающуюся словами: „о госпоже наша бо-„гиня Пергруба, ты прогоняешь непріятную „зиму, возвращаешь любезную весну, зеленишь „рощи и лѣса! молимъ тебя, умножай щедро „хлѣбъ нашъ посянный, дабы онъ росъ коло-„систо, а весь куколь вышопчи.“ и ш. д. Послѣ молитвы, приносили жершвы одну

(138) см. въ Вѣстникѣ Европѣ, 1829, стр. Праздники, забавы и суевѣрія въ Новогрудскомъ повѣтѣ и пр.

за другою: Пергрубъ, попомъ Перкуну, чшобы „онъ опврапиль опъ земли Лишовской грады, молніи, громы, ливни, бури „и всякіи вредныя воздушныя перемѣны“, и наконецъ, ублажающъ Свайспикса, бога свѣта, чшобы „онъ яснымъ и милоспивымъ лицемъ озарялъ нивы, луга, огороды,“ и богиню Пильвиту, чшобы помогла наполнить житницы плодами.

3. Липовское *Секмине*, сходное съ Зелеными Святками, но неимѣющее никакой связи съ Хрістіанскимъ праздникомъ Троицынымъ и Духовымъ днемъ, явно языческое, мѣстическое, хошя и впадаетъ въ оный. Ешо праздникъ пасуховъ, кѣпорые воспоминающъ своего божка Гонигля, Липовскаго Велеса, богиню Ладу и Солнце (139). И шеперь еще сохранились ошашки онаго въ нѣкоторыхъ селахъ, а прочее въ преданіяхъ. Въ ешопъ день пасушки съ пасухами, наряжась въ праздничныя платья, съ вѣнками на головѣ, ушромъ ходящъ по всему селу, опъ одного дома къ другому, гдѣ ихъ дарящъ и подчуютъ; въ полдень на пасшбищѣ разводится большой огонь, вокругъ коего дѣлаещ-

(139) Prutena, oder preussische Volkslieder, von L. Rhesa. Koenigsb. 1809. 12.

ся пирушка; избранный спарикъ изъ паспуховъ, или за неимѣніемъ его, спаруха распорядяется оною. Между шѣмъ играютъ на свирѣлкахъ и шрубакъ, пляшутъ и поютъ, вспоминая Гонигля. Такъ паспухи коровъ поютъ: „Гонигле божекъ, паси мою коровку, паси моего бычка, не допускай вора волка!“ Хоръ паспуховъ овецъ: „Пасу, пасу овцы; шебя, волкъ, не боюсь; ибо солнцевласый богъ вѣрно не допуститъ шебя.“ Оба хора вмѣстѣ: „Ладо, Ладо, солнце“ и пр. Громада (міръ) или волость собравшись въ одну проспранную сподолу (ригу), приводили шуда козла и посреди оной раскладывали огонь, а женщины замѣшивали шѣсно изъ пшеничной мукѣ. Когда все было готово: тогда жрецъ (вейдалѣпа) садился на возвышенномъ мѣстѣ и, произнесеніи рѣчи, выводилъ козла на средину и, призвавъ боговъ, возлагалъ на него руки. Пошомъ поднималъ козла къверху, какъ очистишельную жершву, извѣстную у Евреевъ, пѣли св. пѣснь и наконецъ закадали его и кровью его окропляли народъ. Между шѣмъ, пока варилась пища, пекли калачи, перебрасывая черезъ огонь; начиналась пирушка, во всю ночь продолжавшаяся. Поушру рано выходили въ поле для жершвоприношенія подземнымъ богамъ, кошорое состояло въ зары-

ваніи въ землю коспей и всѣхъ оспанковъ
опъ сей шрапезы. — По наблюденіямъ оп-
крываеяся, что шоржешво сіе съ обрядами
и жершвоприношеніями, болѣе или менѣе
сходными, было общимъ не токмо по всей
Липвѣ, но и въ Липовской Руси (140). Въ
южной Россіи, по свидѣтельству Г. Срез-
невскаго (141), пѣли слѣдующую пѣсню,
которая изображаея жершвенный обрядъ,
похожій на Липовскій :

За рѣкою, за быспрою, ой калѣдка !

Лѣса спояшъ дремучіе, — —

Во шѣхъ лѣсахъ огни горяшъ —

Огни горяшъ великіе —

Вокругъ огней скамьи спояшъ —

Скамьи спояшъ дубовыя —

На шѣхъ скамьяхъ добры молодцы —

Добры молодцы, красны дѣвицы —

Поюшъ пѣсни калѣдушки. —

Въ срединѣ ихъ спарикъ сидишъ ; —

Онъ шочишъ свой булашный ножъ. —

Возлѣ его козелъ спойшъ. —

4. Наканунѣ С. Іоанна Предшечи, 23 го
Іюня (или Ивана Купала) въ Липвѣ оп-

(140) Dzieje staroż. narodu Litew. t. I.

141) Украинскій Вѣшникъ, Апрель, 1817 г.

правлялся *праздникъ росы* (Rassa), по сшаропруски *Кекирисъ*, въ честь Ладо. Начиная ошь праздника паспуховъ до праздника росы продолжались между работами сельскими пѣсни, игры, забавы: въ ешу пору и шеперь Липовскіе поселяне вообще веселятся. Изъ ешого, можеть спашься, лѣтописцы и заключили, чшо праздникъ Ладоны продолжался цѣлый мѣсяць; но онь въ самомъ дѣль начинался наканунѣ 24го Юня: еша ночь собспвенно называлась *Роса*, которую праздновали почши всѣ сѣверные народы; ибо почишаніе богини Ладо было у нихъ общее. Праздникъ Росы на Руси извѣстенъ подь именемъ *Купала*, въ Липшѣ *Купайла*, а въ Польшѣ — *Соботки* ошь г.г. *собить*, *собина*, *приспособить*, какъ бы день, пригшопвляющій къ полевымъ работамъ; ибо въ шепльшійшихъ сшранахъ праздникъ ешопшь почши сходшся съ сѣвокосомъ (142). Липовцы по селамъ и городамъ празднуютъ Ивановскую ночь, Поздно вечеромъ всегда собираются они на извѣстномъ мѣспѣ, избранномъ и освященномъ цзконными обычаями: шамъ на оболонь (полянѣ) спавяются палатки и шалашы; пѣсни, музыка, танцы и разведенные огни

(142) Gry i zababony kóźnych stanów. p. L. Gołębiowskiego, w. Warszawie, 1851. 8.

продолжающагося во всю ешу ночь. Довнынъ въ Вильнѣ, 24 Іюня, народъ вечеромъ сошлись въ лѣсъ за городъ пишь, ѣшь и веселишься; ешо называешся у нихъ: *итти на росу*. Въ Ивановскую ночь, по мнѣнію народному, цвѣшеть для счастливецѣвъ папоротъ (paproć), копорой извѣспень во всей Бѣлоспокской области, на Волянѣ. Сходбище на одномъ мѣшѣ народа называешся *стадомъ* (stado), а пляска — *коркодономъ*. Въ Липовскомъ язычешвѣ ешомъ праздникъ имѣль свои религіозные обряды, до насъ не дошедшіе, кромѣ перескакиванія черезъ огонь и ношенія факеловъ и фонарей. Слѣдующій день почишался свящымъ; тогда собирались шравы для врачеванія скоша, шакже для чарованія или колдовешва: чшдѣ дѣлалось и на Руси. Мнѣологи замѣчаютъ, чшо сей праздникъ, у Славянъ слывущій *Купалою*, соединяемъ былъ съ молишвами рѣкамъ и испочникамъ. Вѣрояшно, и Липовцы, копорые свяшили свои воды шекучія и спощія, въ ешомъ день приносили имъ жершвы, бросаю ихъ въ воду. Даже, можешъ бышь, названъ онъ *праздникомъ росы* въ слѣдшвіе мнѣнія Древнихъ, чшо рѣки сушь дѣши моря, родящіяся опъ испареній морскихъ, опъ койхъ бываешъ и роса. Замѣчашельно, чшо оный шѣмъ опшичень

онъ другихъ , что не оканчивался поминове-
ніемъ усопшихъ.

5. Когда солнце всходитъ въ знакъ Льва, тогда, при началѣ жатвы, совершается у Липовцевъ праздникъ *Зажинокъ* (Parimene). По описанію Ласницкаго, самъ хозяинъ, сжавъ первый снопокъ ржи, приносилъ его въ домъ и ставилъ въ переднемъ углу; на другой день начиналась жатва. Во время Язычества, вѣроятно, епомъ снопокъ нуженъ былъ для какихъ нибудь религіозныхъ обрядовъ, опправлявшихся въ домѣ. Прусскіе липовицы основываютъ весь епомъ торжественный обрядъ на общемъ пирѣ всего селѣ , гдѣ вкушали новый хлѣбъ. Нынѣ въ Липвѣ при епомъ случаѣ оспались только слѣдующіе обряды: 1) жница , при самомъ началѣ жатвы , какъ скоро захватишь и опрѣжешь серпомъ первую горсть ржи , опкладываетъ ее въ споруку ; между тѣмъ работа продолжается съ особенными пѣснями , поющія жницы смѣняются одна другими. По окончаніи дневной работы , первая жница , украшенная цвѣтами , несетъ первенца жатвы впереди всѣхъ жницъ на барскій дворъ , гдѣ угощаютъ ее съ сотрудницами. Все время жатвы въ Липвѣ услаждается пѣніемъ и весельемъ: оно дѣлается непрерывнымъ празд-

несповомъ. У древнихъ ешошь праздникъ назывался Pгаogsiæ, а у просполоудиновъ Pгаe-astugiae, и опправляемъ былъ съ нѣкопорыми духовными обрядами. — Толока (Тюка) извѣстна вездѣ въ Литвѣ, гдѣ шакъ какъ и Кіевской и другихъ Губерніяхъ, на полевою работу приглашающа охопники за хорошее угощеніе, сопровождаемое пѣснями и увеселеніями.

6. *Послѣдній день жатвы*, празднуемый въ Литвѣ каждымъ земледѣльцемъ, называется Даришено, коего слѣды ешь въ великой, малой и бѣлой Россіи. Изъ послѣдней горсти сжапаго хлѣба жнецы сплепають вѣнокъ, украшенный цвѣтами и шравами. Изъ среды своей они выбираютъ молодую вѣщательницу, и по окончаніи работы, идушь на барскій дворъ. Избранная предшвуетъ имъ съ онымъ вѣнкомъ на головѣ: шесшвіе сопровождается громкимъ пѣніемъ; хозяинъ вспрѣчаетъ вѣнокъ, съ хлѣбомъ и спаканомъ пива на блюдо, и въ горницѣ принимаетъ опъ жницы вѣнокъ, какъ Божій даръ. Въ старыя времена, кромѣ такого частнаго празднованія, у всякаго хозяина бывало общее шоржештво для всего селенія и жершвоприношеніе богамъ, какія описываетъ Груновій, свидѣтель оныхъ въ XVI вѣкѣ.

7. Въ Сентябрь, по окончаніи полевыхъ работъ, когда въ Великой Россіи празднуются *Семень день, Семина недѣля, бабье лѣто, Аспосовъ день; съ Литвы* отправлялся великій праздникъ, который называется Спрыйковскій главныйшимъ, въ честь *Земника*. Въ это время приносили на жертву множество домашнихъ животноныхъ самцовъ и самокъ, вѣроятно, въ честь отечественныхъ боговъ и богинь. По свидѣтельству позднѣйшихъ летописцевъ и по преданію народному, на это празднیکъ собирался народъ изъ всей общины въ одно мѣсто, принося каждый по достатку свою часть въ складчину. Въ обширнѣйшемъ зданіи по срединѣ накрывался столъ спелешьянками или скапершьями; на четырехъ углахъ онаго ставили большія чаши (цебры) съ пивомъ, приносили туда связанныхъ парно пельца и пельцу, бараца и овцу, козла и козу, борова и свинью, пѣшуха и курицу, гуся и гусыню и ш. д. Жрецъ, прочитавши молитву надъ сими животноными, начиналъ бить ихъ палкою, а присутствовавшіе добивали съ такими словами: „Ешо пельцъ, „о Земленикъ, боже нашъ, жертвуемъ и кла- „няемся, что въ минувшее лѣто ты насъ „сохранилъ въ здравіи, обиди всякаго добра „и въ достаткѣ, соблюдалъ отъ огня, меча,

„моровой язвы и отъ всѣхъ враговъ.“ — Такимъ образомъ, побить звѣрей и птицъ безъ проливія крови, варящъ, жарящъ мясо, приготовляя кушанья для пирушки, которая сопровождалась игрою на трубахъ. Сей праздникъ у Пруссовъ оканчивался при храмѣ Швентъ (святыни, нынѣ *святая стѣкира*), гдѣ находился кумиръ бога Курко, или Сѣменника, обрядомъ сокрушенія онаго и приготовленіемъ новаго.

8. Торжественныя поминки, или Родительская въ Липвѣ извѣстна подъ именемъ *Хитурей* (*Chauturas*) отъ *Шау*, *хоеъ*, смерть: отсюда *showai* хоронящъ, погребашъ: она представляла посмертные дары и подчиваніе покойниковъ. Поминки сіи *Дѣдны*, *Осенины*, (*Обза?*) отправлялись въ Октябрѣ почти въ то же время, какъ у насъ бываетъ *Дмитріевская суббота*, въ память усопшихъ родителей, родственниковъ, друзей и благодѣтелей. У Латышей день сего благоговѣйнаго обряда назывался *Deewa deenos*, т. е. *Божій день*, или *Welli*, т. е. праздникъ богини вѣчности *Веллоны*; въ Древности, обряды въ честь ея напоминали будущую жизнь и трудный путь въ вѣчность. Древнѣйшій епомъ обычай, общій съ Липовскою Русью, въ западной Руси слышится *Dziady* дѣды, нищце, которыми въ

епю время раздаеся щедрая милоспыня, или по объясненію Мухлинскаго, епо шоржество совершалось въ память душъ усопшихъ предковъ, которое прежде называлось *пиромъ козля*, гдѣ первенствоваель *козляръ*, *гусляръ*, жрецъ и пѣснопѣвецъ (143). Тогда пекли лепешки, (*Sikies wellonia ramixlos*): епо были родъ Рускихъ блиновъ, печеныхъ на сковородѣ, на конхъ изображался знакъ *пемикеліосъ*, ш. е. кружокъ, а надъ нимъ подобіе креста, или ключъ мнѣщескій (⊕). Такіе блины упопреляющся еще при поминкахъ у Гапаръ Липовскихъ подъ названіемъ *Джамы*, кои на Персидскомъ значащъ образки. Подобный праздникъ у Римлянъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *сігсипротатіо*, крутовая чаша, а у древнихъ Славянъ *стыла*, или *страва*; на Польскомъ и донынѣ *стура* значащъ похороны, а *страва* харчъ, кормъ. Радунца, празднуемая въ великой и бѣлой Россіи во вшорникъ на Оминой недѣль, въ Рязанской Г. называея *наскдй* и *навій день*: что сходно съ Липовскимъ словомъ *павіе* мершвецъ (144); ибо въ епошь день собирающся на могилки на кладбище помянащъ родителей.

(143) *Huslarz* Польск., а Богемское *Hozlar* знач. чародѣй, кудесникъ: епо сходно съ происхожденіемъ Греческой трагедіи.

(144) Ср. *Карамз.* II. Г. Р. ш. II, прим. 189.

Мѣспомъ заупокойнаго пира у Липовцевъ бываетъ или кладбище, или домъ близъ онаго. При погребеніи усопшихъ Липовцы употребляли *причитанія*, сходныя съ Рускими простонародными, напр.: „Для чего ты умеръ? развѣ у тебя не было пищи и пивья?“ „Для чего ты умеръ? развѣ у тебя не было „красной молодицы?“ и пр. У нихъ также въ шрепны, девяпины, сорочины дѣлались поминки пиршествами (145). Досшойно примѣчанія, что обыкновеніе дѣлать пиршества въ честь усопшихъ, было почти общимъ у всѣхъ языческихъ племенъ, даже и у народа *Божія*, какъ видно изъ Пророка *Гереміи* (XVI, 6, 7) и другихъ.

9. *Ильги* (*Ilgi*), долгій праздникъ въ началѣ Ноября, неизвѣстный въ Россіи, продолжался двѣ недѣли; по свидѣтельству лѣтописцевъ, состоялъ изъ великихъ жертвоприношеній *Перкуну*, бѣсъдъ, игръ (гуслярствъ). Липовскій лѣтописецъ говоритъ, что Самогитяне учредили долгій праздникъ по такому именно случаю: когда *Крыжаки* (рыцари креста), овладѣвъ всею Самогитіей, вездѣ имѣли свои усадьбы и долго

(145) Сѣверный Архивъ, 1824, No 3 и 4, статья о Липов. Мисіологіи.

державъ природныхъ жипелей въ неволѣ и угнѣ-
щеніи , вывели ихъ изъ терпѣнія грабежами
и насиліемъ: тогда Самогитяне, стоворившись
тайно, 3 Ноября, 1281 года, вырзали всѣхъ
своихъ угнѣснителей и попомъ , пируя двѣ
недѣли сряду , приносили благодарственныя
жертвы богамъ , и въ воспоминаніе ешого
событія учредили *долгій праздникъ*.

10. На прешій день послѣ предыдущаго
отправлялся праздникъ *Вайжганта*; для онаго
избиралась въ селеніи прекрасная , дородная
и ловкая дѣвица, кошорая съ вѣнкомъ на головѣ,
въ бѣломъ плащѣ и съ передникомъ , напол-
ненномъ блинами и аладьями (*sikiés*), вводи-
лась въ ~~въ~~ *опѣдогу*, или обширное зданіе , гдѣ
приготовлялось пиршество , соединенное съ
особливymi обрядами. Стоя на одной ногѣ
на скамьѣ , а другую нѣсколько приподнявъ ,
съ лицемъ , обращеннымъ къ дверямъ , она
держала въ лѣвой рукѣ длинную ленту , а
въ правой стаканъ пива , и пропозносила слѣ-
дующія слова : „Божокъ Вайжганшось, уроди
„намъ лень шакой долгій , какъ я ; не допу-
„спи , чшобы мы нагіе ходили!“ Троекрасно
повторивъ сіе , она сперва вышвала разомъ
пиво , попомъ лила его на лѣвую сторону
скамьи своей, а наконецъ бросала стаканъ на

правую спорону. Наконецъ бросала изъ фаршука вѣ блины вверхъ; упавшіе направо съѣдались присутствовавшими при епомъ обрядѣ, упавшіе налѣво обращались въ собспвенность земли и боговъ подземныхъ, а пошому и глубоко зарываемы были въ землю. Ежели сія дѣвица, родъ жрицы, не могла успояшь во все продолженіе обряда на одной ногѣ, шперяла равновѣсіе, или падала со скамьи: изъ сего заключали о неурожаѣ льна. За шѣмъ слѣдовали пляски вокругъ скамьи; дѣвушки взявшись за руки, скакали, прицѣвая: „Возьмемъ верешены, сдѣлаемъ ку-„дели, ушавимъ красны! Ванджаншось бу-„дешъ милоспивъ до насъ; ибо банюта, пре-„краснѣйшая дѣвушка нашего села, исправно „проспояла на одной ножкѣ!“

11. Въ Февраль м. совершается *праздникъ Рагута* попойкою. Въ определенное на ешо время, черезъ восемь дней, народъ въ Липвѣ предавался разнымъ увеселеніямъ и пьянспву въ честь сѣвернаго Бахуса, когого болванъ, или нѣчто похожее на него, возили на саняхъ, запряженныхъ песпрыми быками, изъ деревни въ деревню, шакъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи объ Масляницѣ. Поѣздъ сопровождался маскамаи и шолпою на-

рода. У древних Липвиноѣ епопѣ праздникъ названъ : Kurzeemí , или Kurzumí.

12. Коледою (Okkaat-gimimas) у нихъ оканчивался старой годъ, копорый, по новому Римскому календарю , приходился почти въ половинѣ Марша , т. е. на исходъ луны сего мѣсяца. Въ послѣдствіи времени, при перемѣнѣ календаря, сей праздникъ впадалъ уже въ 25 Декабря и отправлялся въ честь бога Оккапирмоса, съ ворожбою и загадываніемъ , примиреніемъ со врагами и пригопвленіемъ себя къ жизни добродѣтельной въ новомъ году : для сего соединены были съ епимъ празднествомъ угощенія, навѣщанія и поздравленія. Такой праздникъ извѣстенъ былъ почти всѣмъ древнимъ народамъ. У Липовцевъ на-канунъ Коледы бывалъ *вечеръ колодокъ* , копорый они паскали изъ селенія въ селеніе , перескакивали черезъ оный и попомъ сжигали его съ разными спранными обрядами и пѣснями. Лапыши до сихъ поръ помнятъ *Блокковой*, или *вечеръ колодокъ* , копорый бывалъ о Рождественскихъ Свяшкахъ. Въ Кіевѣ и даже во всей почти Малороссіи донынѣ женатые привязываютъ къ ногамъ холоспыхъ колодку, оцъ коей послѣдніе откупаются угощеніемъ и деньгами. Епо на Масляницѣ называется : *солочить ко-*

лодку. По наблюденьямъ Нарбушпа, въ окрестностяхъ Бовска, по сожженіи старой колоды, показывали новый болванъ изъ дерева, украшенный лентами, который вырывали женщины и куда прыгали съ пѣснями и криками. Повидимому, это долженъ быть символъ возрожденія Окацирмоса, Липовскаго Сашурна. На-канунъ Рождества Христова былъ у нихъ родъ земледѣльческаго прршества, на коемъ были варива изъ разныхъ хлѣбныхъ зеренъ и овощей (кромя бобовъ), приправленные медомъ: это вариво и пеперь въ Липвѣ называется *кутьсю* (кусуа). Въ Украинѣ въ эпоже время готовится подобная купья, или кушя, и ставится на покупи, ш. е. въ углу подъ образами: въ одномъ горшкѣ пшеница, въ другомъ яблоки, сливы, груша, варенныя въ меду: оба горшка ставятся въ сочевники. Въ ночь на новый годъ, по вѣрованію Липовцевъ, являлись духи; они гадаютъ о будущемъ липвемъ воска и олова, шакъ какъ у насъ въ Васильевъ вечеръ. О чертяхъ, упыряхъ, вулколакахъ и оборотняхъ въ Липвѣ утвердилось вѣрованіе изъ старинныхъ преданій (146).

(146) Lud Polski jego zwyczaje, p. Ł. Gołębiewskiego, Warszawa, 1830. 8.

Между свадебными обрядами у Липовцевъ вечеръ передъ вѣнчаніемъ начинается обрядомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *кунигованія*, кошорый состояющъ въ томъ, что невеста сопровождается съ пѣснями къ господскому дому, гдѣ минувъ первую дверь, бросаетъ подарокъ въ уголокъ каждой комнашы. Подарки сіи состоятъ изъ шерстяныхъ поясовъ, ею окрашенныхъ, изъ плащениць, или кусковъ холста. Нѣсколько разъ поклонясь господину въ ноги, она возвращается домой съ пѣснями въ сопровожденіи взрослого парня, называемаго ея брашомъ. Въ епомъ обрядѣ видѣвъ родъ окупа за дѣвицу, выходящую за мужъ; онъ извѣстенъ былъ во всей Европѣ подъ названіемъ: *Супаgium, Раниенскіе*, или *Купіса*, дѣвичье, а на Руси: *куничное, свадебная, вѣнечная кунца* (147). Въ Костромской губ. доселѣ поющъ въ свадебныхъ пѣсняхъ:

А попу по куницу, куницу,

А попадѣ по лисицу, лисицу;

А попову по сынку

Бумажечку синю.

(147) см. Собраніе Госуд. грамотъ, ч. 1. стр. 411.
„А мировая кунца и свадебное имали по шести грошей, а со вдовы имали по тому жъ, кошорая пойдеть за мужъ.“

Славяне въ танцахъ своихъ вѣрно имѣли что нибудь поржешественное и религіозное. Когда собиравось *стадо Господне*: тогда съ дѣвчѣй горы сходили будущія невѣсты рыцарей, пригожіе молодцы, замужніе и женатые, спарики и дѣши, хлопая въ ладоши и крича *Ладо Ладо!* среди танцевъ и пѣсень шли къ городищу, гдѣ приносились жертвы и совершались обряды (148). Какъ въ Сѣверовосточной Россіи вожденіе танцовъ или понокѣвъ именуется *короводомъ* (см. стр. 68): такъ Русь и Ливва танцы свои прозываютъ *короходомъ* (*korohod*), говорятъ *Гвагнинь*, вѣрно *скороходомъ*, при коемъ хлопаютъ въ ладоши и поютъ *Ладо*. — Соборки предспавляють поже древніе танцы, а слѣды спада Господняго (*stado boże*) едва уже нашель *Ходаковскій*.

Ливва почищается гнѣздомъ повѣрьевъ Славяно - Рускаго Язычештва; нынѣшняя Самогичія носила имя *Святой земли*. При сличеніи же Мифологіи и Еортологіи Ливовцевъ съ Славянскими, открывається, что онѣ ближе къ Римскимъ и Греческимъ, чѣмъ Славянскія и что онѣ мало имѣли связи съ Польскими мифами и праздниками, исклю-

(148). Длугошь говоритъ, что въ Духовъ и ^{вѣру} роицннь день еще на его памяти народъ именно въ Ливвѣ

чая тѣ обряды, кои были общими почти всѣмъ языческимъ народамъ (149). Въ чемъ же сходствуютъ божества, повѣрья и обряды Славяно-русскіе съ Индѣйскими, Греко-Римскими, въ томъ и Литовскіе съ ними почти пождественны, напр: вѣчный огонь, благоговѣніе къ водамъ, превращенія, прорицанія, колдовства, жертвы и даже самыя названія боговъ и духовъ.

Какъ о Язычествѣ Россіянъ и Чеховъ, такъ равно и Поляковъ въ IX и X вѣкахъ, дошло до насъ мало свѣдѣній, какія сохранились у Длугоша, М. Мѣховскаго и Бѣльскаго; но свѣдѣнія сіи, замѣчаетъ Бандтке (150), такъ перепутаны съ Римскими мифами, что трудно отдѣлить одни отъ другихъ; ибо, сіи испоричи нерѣдко называли Польскія и Славянскія божества именами Греческихъ и Римскихъ. Кромѣ господствовавшей мы-

и Руси подъ симъ именемъ проводилъ идолопоклонническія игрыща. — *Dzieje star. narodu Litewskiego.* р. *T. Narbutta.* t. I. Wilno. 1835. 8.

(149) Исторія Государства Польскаго, соч. Г. С. Бандтке. т. I. Спб. 1830. 8. Библиотека для чтенія, 1835, т. XIII, стр. 25, *Свитригайло.*

(150) Исторія Государства Польскаго, соч. Г. С. Бандтке; перев. съ Польск. т. I. Спб. 1830. 8.

сли о единомъ Творцѣ неба и земли, приводимыя Длугошемъ и его послѣдователями божества встрѣчаются сходныя съ божествами народовъ, соплеменныхъ Полякамъ, на пр: *Перунъ* (ріогун громъ), *Бѣлый* и *Черный* богъ, *Дажьдбогъ*, или *Дашуба*, *Чуръ*, богъ предѣловъ, *Коляда*, *Купало*, *Ладо*, или *Лада*, *Хорсъ*, или *Горша*, одинъ изъ Кіевскихъ боговъ, также *Макошь*, или *Мокошь*, *Волосъ*, *Прове*, или *Прово*, *Стриба*, или *Стрибогъ*, *Посвицъ*, или *Похвицъ* и пр. Въ преданіяхъ, сказкахъ, поговоркахъ и пѣсняхъ у Поляковъ и Рускихъ упоминаюцца *Кикиморы*, *Дубыни*, *Горыни*, *Полканы*, *Волоты*, *Кащен*. *Русалки* въ Польшѣ называюцца по Нѣмню и Свинезю, то *Нѣмнянками*, то *Свинезянками*, см. стр. 12. Мѣховица замѣчаетъ, что какъ въ Россіи припѣваюць *Лада*, *Лада*: такъ Мазуры восклицаюць *Дана Дана*, *Дада Дада*. Гванинь говоритъ, что Поляки развѣсаясь, восклицали: *Lelum polelum*, сходное съ Рускимъ: *Ай моли моли!* Опъ епого и поговорка: *Lelum polelum, swistum poświstum*. *Лея* и *Позвиспа* Войцицкій почиаетъ за языческія божества въ Польшѣ.

Длугошь утверждаетъ, что божества сіи имѣли капища и шребища; вѣроятно что онѣ, такъ какъ велось у Славянъ, чпи-

мы были въ заповѣдныхъ дубравахъ и на холмахъ, гдѣ совершались поржеспвенные обряды и праздники, на кои, по свидѣтельству Длугоша, въ опредѣленные дни сходились муцины и женщины съ дѣтьми для принесенія жерпвъ и исполненія обѣщанъ. Въ честь божеспвъ учреждались игры, сопровождаемыя соблазнительными пѣснями, плясками, скачками и рукоплесканіями, о коихъ упоминають и домашніе наши писатели. „Оспашки сихъ игрищъ и обычаевъ у Поляковъ — продолжаетъ Длугошъ — существуютъ донынѣ и по испеченіи пшеницы въковъ ихъ Хрістіанства; такъ на прим: ежегодно въ дни Пятидесятницы повсюду играется игрище древнихъ языческихъ суевѣрій, которое называется у нихъ *Стадомъ* (*Stado*); ибо народъ раздѣляется на толпы, празднуется попойками, крикомъ и невысказанными плясками.“ *Стадо* это сходно съ нашею *Тюльною* или *толпою* (*turba?*), какая бываетъ на Семицкой, или Троицкой недѣль (151).

Праздникъ смерти зимы и возобновленія весны (*Umorzona zima*) сопровождается въ

(151) *Ioannis Dlugossii Historiae Polonicae libri XII, ed. Gabrielis Grodeckii. Lipsiae. 1711. f.*

Великой Польшѣ и Силезіи шѣмъ, что по-
 пьшъ въ водѣ *Маржану*, убравши чучело въ
 видѣ женщины. Епошъ обрядъ совершается
 въ Маршѣ мѣсяцъ, о коемъ и пословица
 гласитъ, что *Miesiąc Marzec zwykł starych
 straszycь marami*, т. е. мѣсяцъ Маршѣ привыкъ
 морочить (стращать марами, мечшами) ста-
 рыхъ. Въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, извѣстно
Márcowe piwo, *Мартовское пиво*, которое ва-
 рится къ етому празднеству. Нарушевичъ
 говоритъ, что Маржана, или Марана у По-
 ляковъ, Силезцовъ, Лузашиновъ, Соравовъ, и
 даже Семиградцевъ, имѣла божескія почести,
 какъ богиня смерти; ибо и въ Индіи *Марана*
 значитъ смерть (152). Марпынь Бѣльскій въ
 Хроникѣ своей говоритъ слѣдующее о проис-
 хожденіи сего поржеспвеннаго обычая: „Мѣшъ-
 „ко слѣпорожденный, послѣ отца своего изъ-
 „бранъ на царство. У него было семь любов-
 „ницъ, отъ коихъ не имѣлъ дѣшей: что и
 „печалило его; и попому уговаривали его нѣ-
 „которыя хрістіане, чтобы онъ крестился,
 „если хочешь имѣть попомковъ. Онъ
 „послалъ къ Чехамъ за дочерью Короля

(152) Въ Малороссіи ругаюшся: *Мара свитова*, т. е.
 Ека ты сашана! разумья душегубнаго злаго духа.

„Болеслава, что убилъ брата Вацлава, име-
 „немъ Домбровку. Король Чешскій на епо
 „согласился съ нѣмъ, если приметъ св.
 „крещеніе. Мѣшко принялъ епо условіе и
 „крестился въ лѣто оупъ Р. X. 965 въ
 „Гнѣзнѣ: шамъ назвали его *Мечиславомъ* оупъ
 „славы доброй, а прежде именовался *Мѣшко*
 „оупъ *замышательства* въ Государствѣ и оупъ
 „шого, что родился слѣпымъ. Онъ приказалъ
 „богатымъ и бѣднымъ креститься 7 Марта,
 „звергнувъ въ огонь деревянныхъ болвановъ и
 „побросавъ въ воду каменныхъ. Оупъ того и
 „нынѣ еще шопъ обычай въ Великой Польшѣ
 „и Силезіи, что седьмого Марта шопяшъ
 „Маржану, нарядивъ ее женщиною, и выпед-
 „ши изъ деревни, припѣвають: „*Смерть светя*
 „*по заборамъ, шца хлопотъ.*“ Ибо не задолго
 „предъ шѣмъ они почитали планешы, *Погоду,*
 „*Погизда, Гелу, Ладу, Дзѣвану,* т. е. *Діану,*
 „*Маржану* и многихъ другихъ.“ Въ продолже-
 ніи Хроники М. Бѣльскаго, изданномъ его сы-
 номъ Іоакимомъ въ 1597 г., подтверждается
 епо слѣдующимъ свидѣтельствомъ: „Поляки,
 „принявъ Хрістіанство, перебили изображенія
 „болвановъ, въ конхъ почитали чершей за бо-
 „говъ, вездѣ по городамъ и деревнямъ, а другихъ
 „сожгли: шакже уничтожили всѣ языческія
 „мольбища, назначивъ для сего извѣстный день,

„п. с. седьмое Марша. Таковые болваны видѣль Мѣховиша позолоченные въ церкви С. „Троицы въ Краковѣ, гдѣ они долго валялись „на землѣ. Во время погоже Мѣшка, въ Краковѣ надѣ Вислою, гдѣ нынѣ женскій монашескырь Св. Агнешки, было Греческое капище, изъ коего шакже Мѣшко повелѣль выбросишь чершовскіе болваны и на мѣсто оныхъ поставишь изваянія спраспей Хриспovýchъ. На моей еще памяши, велся у насъ по деревнямъ пошъ обычай, что въ бѣлую недѣлю послѣ поста попили болвановъ, сдѣлавъ изъ снопа или конопли подобіе челоуѣка и нарядивъ его въ одежду, провожали до озера или лужи, куда бросали его, снявъ одежду съ жалобными припѣвами.“ Ешотъ обычай, существующій въ Славянскихъ земляхъ, совершается и въ Сарашовской Г., гдѣ при *провожаши весны* дѣлають шакже соломенное чучело, нарядженное въ кумачный сарафанъ и убранный цвѣтами, съ чуплюкомъ (кокошникомъ) на головѣ, съ ожерельемъ на шеѣ; наканунѣ Пешрова дни носятъ оное по всему селенію, пошомъ раздѣвъ, бросають въ рѣку.

Первые дни Мая у Поляковъ (Maj, та-
jówki), шакъ какъ и Славянъ, посвящались ве-

селости и гулянью. Голембовскій говоритъ, будто у древнихъ Поляковъ была богиня *Мая*, покровительница сего мѣсяца, которую прославляли въ пѣсняхъ и пляскахъ. Она сходствуетъ съ Финскимъ *Ма* земля; самъ Туръ или Торъ, по свидѣтельству Сагъ Исландъ, былъ сынъ земли (*Маја*) (153), обновляющейся въ *Маѣ* мѣсяцъ, который находится въ созвѣздіи Тура (Тельца). Въ Липвѣ, 1 го Мая, на лугу прежде вкапывали дерево, украшенное разноцвѣтными лоскутками, и вокругъ его плясали въ зеленыхъ вѣнкахъ, припѣвая:

Kolo toho da zielonoho kusta
 Posijano soczyweczku z husta,
 Kto tuju soczyweczku porwe,
 To tuju dzieweczku za muž wozme.

Какъ въ Липвѣ и Россіи, Великой и Малой, такъ и въ Польшѣ празднуется почти съ одинаковыми обрядами *Ивановская ночь*, или *Купала* (*Kupalna noc*), въ последней подъ названіемъ *Sobótka* (154), а у Волоховъ и Ища-

(155) *Maia* также мать Меркуріа.

(154) Гора есть въ 5 мил. отъ Брацлава *Sobotka* Собошка, описываемая Кохановскимъ; опирающаяся въ воеводствѣ Сендомирскомъ; гора *Zobten* есть по Нѣмецкому произношенію названіе города и горы въ Силезіи, и по Польски, Собошка.

ліанцевъ подь именемъ Sabatina : зажигаемые на горахъ сего имени огни въ епопъ день могли имъ сообщить сіе названіе. „Какъ у насъ на „канунъ Иванова дня женщины зажигали огни, „также плясали вокругъ ихъ, пѣли, возда- „вая поклоненіе діаволу (говорить Маршинъ, „писатель XVI вѣка) : такъ и донинѣ въ „Польшѣ не оставляютъ сего обычая, принося „жертвы изъ чернобыльника (bielicy, artemisia), „копорый вѣшаютъ по домамъ и опоясыва- „ются имъ, отправляютъ Собошки, зажигая „огни, кои добываются преніемъ дерева объ „дерево“ (155). Въ день Святаго Ивана у Поля- ковъ сельскіе жители имѣють обыкновеніе опоясываться чернобыльникомъ и цѣлую ночь возлѣ огня прыгаютъ, говорятъ *Голембовскій*. Краковскія Собошки праздновались на Кре- міонкахъ и звѣринцѣ, Варшавскія на берегу Вислы и на островѣ, нынѣ называемомъ *Саксонскимъ*; въ цѣломъ краю зажигали Со- бошку, на площадяхъ и близъ лѣсовъ : вездѣ можно было видѣть по домамъ цѣпсы и sprawy, говорятъ въ своемъ путешествіи по Польшѣ *Огіеръ* 1635 въ 3 томѣ Памятниковъ Нѣмцевича. Ивановскій огонь назывался *Kręsz*.

Янъ Кохановскій въ изданныхъ имъ 1639 г. пѣсняхъ Свято-Собошскихъ пакъ изображаешъ епопъ обрядъ: „Когда солнце согрѣваешъ „рака, а соловей болѣе не поешъ: Субошка, „какъ было вспарь, запалена въ Черномъ „лѣсь. Такъ намъ передали машери, сами „пакже занявъ опъ другихъ, чпобъ на день „С. Юанна завсегда горѣла Субошка.“ Ета Субошка зажигаалась или на лугу, или при лѣсь.

Бабье лѣто (Babie lato) извѣстно у Поляковъ, копорые подъ симъ именемъ разумѣюшъ ясную, продолжительную осеннюю погоду. Линде объясняешъ епо lato swięto - Marciniĳskie : можешъ спашься, попому, чпо осень продолжается до 11 Ноября, до Marcina Biskupa. Народъ празднуешъ епопъ день; въ Вильнѣ во всякомъ домѣ жаряшъ для служилелѣй гуся, копорый называешъ *Мартынскимъ*. Канунъ новаго года (Wilnia nowego roku, kolenda) сопровождался угощеніями, поздравленіями и наблюденіемъ примѣшъ: чпо и донынѣ продолжается (156). Какъ у насъ на Новый годъ въ Васильевъ вечеръ, пакъ во всей Польшѣ въ Андреевъ день (30 Ноября) дѣвушки

пайно гадаюшь о будущей судьбѣ своей липьемъ воска и олова въ воду и кашышками хлѣба.

У Поляковъ и Русиновъ въ Древности совершался праздникъ *Kołeđa, ko Lado*, коего обряды съ нѣкоплыми перемѣнами донынѣ повпоряюшся. Во время Коледы, въ Польшѣ гадали и игрывали Нѣмецкія комедіи. Въ Прусской Польшѣ, въ Гумбингенскомъ округѣ, ошъ Рождества Хриспова по Богоявленіе съ дѣвцами съ цѣлой деревни собираюшся въ одну какую нибудь избу забавляшся разными играми и плясками до самаго пѣнія пѣпуха. Какъ *Юрьесъ день весенній*, такъ и *Михайловъ осенній* бываюшъ въ Литвѣ и Польшѣ предѣлами сроковъ и сдѣлокъ; съ нихъ начинаюшся и оканчиваюшся ими хозяйспвенныя условія.

Въ праздникѣ *трехъ Царей* (*trzech kró-lów*), о коемъ мы выше упоминали, въ Литвѣ и даже въ нѣкоплой части Польши наряжаюшся въ маски и ѣздящъ одинъ къ другому въ госпи. Масляница, у Поляковъ *Zapusty*, бывала временемъ забавъ и веселоспей, кои соспоали въ маскированіи и наряжаніи въ разные образы, пляскахъ, пѣніи, въ кашанѣхъ и пиршествахъ. Въ Россіенскомъ повѣшѣ Виленской г. привязываюшъ чучело, похожее на челоуѣка, къ колесу, съ конемъ оно вершишся. Что бываетъ, какъ

увидимъ, и въ нѣкопорыхъ губерніяхъ Великой Россіи. Запустные дни были въ великомъ уваженіи у старобышнихъ Поляковъ (157).

Какъ на Рождество Хріспово, Новый годъ, на Свѣшлый праздникъ, въ Троицынъ и Духовъ дни, шакъ особенно опъ маслянаго чешвершка до пепельной среды первой недѣли Великаго поста бывали въ Польшѣ по разнымъ домамъ пляски и пированья, кои оканчивались въ чешвершокъ *полосканьемъ* рша, какъ у Рускихъ простолюдиновъ чистымъ понедѣльникомъ.

При похоронахъ у Славянъ Польскихъ отправляемы были респалища съ пиршесствами, кои извѣсны и въ Россіи подъ именемъ *Тризны*, а у западныхъ Славянъ — *Стравы*: *strawa* значить на Польскомъ кушанье, пригоповленное на огонь; отсюда *trawić* огнемъ, сожигать огнемъ. Другое свидѣльствуетъ, что подобныя респалища и пиры языческіе при похоронахъ опмѣнены были владѣтельными Князьями. Надъ прахомъ усопшихъ насыпались могилы, называемыя въ Россіи *курганами*; оныя насыпи въ Великой Польшѣ, въ землѣ

(157) Gry i zabawy różnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach. p. L. Gołębiowskiego. Warszawa, 1851. 8.

Добръшской, въ Куявахъ и въ землѣ Хельминской въ Пруссіи извѣстны подь именемъ *жалей*, а въ Новгородской г. подь именемъ *жальниковъ*:

При сравненіи свадебныхъ обрядовъ, именинныхъ и родинныхъ пировъ, игръ и забавъ Польскаго народа съ Рускими, найдется много сходнаго; общаго или заимствованнаго однимъ у другаго. Не останавливаясь на епихъ предметахъ, о коихъ подробно пишеть Голембовскій въ приведенныхъ нами сочиненіяхъ, пойдёмъ далѣе. О древнемъ обычаѣ Славянъ, въроятно, языческомъ свидѣльствуетъ поговорка у Поляковъ *Jak kamén w wodę*, сходная съ Рускою: *Какъ камень въ воду* — копорая означала вѣчное забвеніе гнѣва и оскорбленія. Епощъ обрядъ совершался при заключеніи мира съ врагами (158).

Съ водвореніемъ Каполичества въ Польшѣ водворились и распроспранились въ ней разныя сценическія представленія и обряды, смежныя съ Римскимъ Язычеспвомъ, кои допустила къ себѣ Римско - Каполическая цер-

(158) *Вѣстникъ Европы*, 1827, No 16 ст. „о происхожденіи нѣкоторыхъ пословиць Польскихъ.“

ковъ: Оно выпѣснило многіе древніе Польскіе обычаи, шакъ что въ нихъ осталось мало народности, хотя Мазуры и швердятъ объ оной. Безпрерывныя сношенія Россіи съ Поляками и владычество ихъ въ югозападной части оной запечатлѣли слѣды свои въ повѣрьяхъ, обычаяхъ и языкѣ Русскаго народа.

Ближайшее и почтѣйшее сравненіе Мифологіи и Еорпологиіи Славянъ Закарпатскихъ и Задунайскихъ съ вѣрованіями и празднествами Славянъ Русскихъ могло бы открыть: что у тѣхъ и другихъ сохранилось общаго, характеристическаго и въ чемъ именно они различались по мѣстности; духу своему и образу жизни на Западъ и Югъ. Но какъ не у всѣхъ народовъ Славянскаго племени описана съ почтосію и полнотою Мифологія и Еорпология и не всѣ существующіе источники у насъ подъ руками: то мы и ограничимся здѣсь нѣкоплыми только извѣстными, болѣе общими чертами; а другія присоединимъ къ частнымъ описаніямъ праздничное народныхъ (159). Такъ называемая Славянская Мифо-

(159) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von A. Kany. *Spainn.* 2 B. 1827. in 8.

логія и Еорпологи́я не можеть ограничипсья одними Рускими, но должна бышь изслѣдована у всѣхъ прочихъ народовъ Славянскаго племени, живущихъ около Вислы къ Западу до Ельбы и Везера, а къ Югу до Адриатическаго моря; ибо у нихъ болѣе оспалось древнихъ памятниконъ Язычеспва; а миобы и обряды ихъ служатъ къ дополненію и исполкованію первыхъ.

Ни у какихъ народовъ, замѣчаешь Тунманнъ, не было сполько мѣспныхъ боговъ, сколько у Славянъ, копорые издревле слыли набожнѣйшими (160). Какъ сами Славяне являюпсья въ мірѣ полиспическомъ подъ разными именами: такъ нерѣдко одни и тѣ же божеспва у нихъ носящъ различныя наименованія, опѣ коихъ размножилось число оныхъ у позднѣйшихъ Миеографовъ. Гельмольдъ, Кромерь, Длугошъ, Маршинъ Бѣльскій и другіе, слѣдуя обычаю Грековъ и Римлянъ, сравнивали испинныя и мнимыя божеспва Славянъ съ Римскими и Греческими, и наоборотъ, сіи послѣдніе обьясняли Славянскими. Въ Словарѣ Лашино - Чешскомъ, Соломона, IX вѣка, опысканномъ Ганкою въ Пражской библіотекѣ, находимъ слѣдующія обьясненія миеологическихъ именъ: Лѣпо Siva, Вааль bel

(160) *Helmoldi Chronica Slavorum*, l. I. 2 — 10.

boh, Диана Déwana, Дриады Poludnice, Лапоня Letnice, Марсъ Zuatovit, Панъ Veless, Пенаты Screti, Пикъ сынъ Самурновъ Ztraces Sitivratow zin, Самурнь Sytivrát; Сирена Lichoplesi, Тифоны Sani, Венера Lada, Церера Siva, Юпитерьъ Pegun; Меркурій Radigost wpukk Kirtow, Прозерпина Poritata и т. д. (161): Цесарь и Тацитъ также объясняли именами Римскими Германскія. Хотя мнѳографы и испорикн причисляють большую часть приведенныхъ здѣсь божествъ и духовъ къ Мифологіи Славянъ Рускихъ; но оныя болѣе принадлежатъ къ Задунайскимъ и Закарпатскимъ Славянамъ, которые имѣли свои вѣрованія и свою систему Мифологіи: Рюгенъ и Ренра были столицами богоученія; богослуженія и торговли Славянъ (162); изъ епихъ разсадниковъ Языческаго могли распространяться повѣрья и на Югъ и на Сѣверо-востокъ. Какъ въ единоплеменныхъ и соплеменныхъ народахъ господствуетъ одинъ общій духъ; не смотря на случайныя уклоненія: по и у Славянъ, говорившихъ нарѣчїями одного слова, могли

(161) Москов. Вѣстникъ, 1828, No 2.

(162) Wyklad čili přjĕmĕtky a Wyswĕtlitwky kn Slávy Dceře. od I. Kollára. w Pesti. 1882. 8.

рыпѣ общія, коренныя и взаимно сходныя понятія. Византіецъ Прѣкопій говоритъ объ Иллирійскихъ Славянахъ, что „они признавали Творца молніи за единого Бога.“ Вѣроятно, что Славяне на Одерѣ смѣшавшись съ шаманскими Нѣмцами, утратили чистое познаніе о единствѣ Бога, поклонялись ему подѣ видомъ многообразныхъ и многочисленныхъ предметовъ и явленій природы. *Перунъ* былъ общимъ божествомъ у племенъ Славянскихъ. У Люненбургскихъ Вендовъ и день Юпитера громовержца, четвертъ (dies Iovis), назывался *regen dan*, т. е. Перуновъ день. На Виндійскомъ нарѣчій растѣніе *Reginica* знач. *igis Germanica*. *Reginova dubrava* и *Serneborg* находится въ Сербіи; въ Далмаціи есть лѣсъ *Rigin Dabrava* (163). Тунманнъ и Славянскаго Прона почитаетъ за одно съ Перуномъ (164). По мнѣнію Карпапо-Россовъ, (165) Перунъ владычествуетъ надъ *веснянками*, *осенянками*, *зимилками* и *упырями*: Славянскій Панъ *Велесъ*, *Волосъ*, о сходствѣ коего съ Скандинавскимъ

(163) *Карамз. И. Г. Р. ч. I, примѣч. 185, 203.*

(164) *Ученыя Записки И. М. У. 1835. No IV: о Руской Правдѣ.*

(165) *Въ Жупанствахъ (Графствахъ) Венгр. Мараморошскомъ, Угочьскомъ, Бергскомъ и Унгварскомъ.*

Vali-ass выше замѣчено, былъ божествомъ общимъ, особенно у Славянъ, занимавшихся скоповодствомъ. *Ладо* воспѣвалась и донынѣ воспѣвается не только у Рускихъ, но и у Сербовъ, Болгаръ, Словаковъ, Славонцевъ, Хорватовъ (166). У южныхъ Славянъ воспоминается *Ладо* въ слѣд. пѣснѣ:

Лепи Иве вперга роже,
Теби Ладо свепи боже,
Ладо, слушай насъ Ладо!
Пѣвкъ Ладо пева мопи
Сердце наша вскланямопи,
Ладо, слушай насъ, Ладо! (167)

У Адербургцевъ (Спарогородцевъ) главнымъ божествомъ былъ *Проне*, у Полабовъ богиня *Сива*, у Оботришовъ *Радигастъ*, коимъ праздновали въ извѣстные дни года съ великимъ шумомъ. Въ Моравиѣ есть гора *Radgost*, а *Ргово* гора на Ругенѣ. Покровителемъ зем-

(166) Въ Болгаріи также въ разныхъ пѣсняхъ есть припѣвъ:

Ой Ладо, Ладо;
Момиче Ладо, т. е. дѣвица Ладо.

(167) *Ditmar Merseb. str. 181*: Est urbs in pago Riedererum Riedigost nomine, in eadem est fanum de ligno artificiose compositum. Huius parietes variae deorum dearumque imagines mirifice insculptae.

ли Ругенской былъ Свъповидъ (Zwantewitz), которому въ Ругенѣ поклонялись подъ именемъ *Благо* и *Чернаго бога* (Belbog, Zegnebog), по свидѣтельству П. Шпёкмана. Ему воздвигнуть былъ великолѣпный храмъ, коему Балтійскіе Славяне платили десятину (168). Какъ въ Ругенскомъ, такъ и въ Шпешинскомъ храмъ были вѣщатели и совершались гаданія (169). У Западныхъ Славянъ въ особенномъ почтеніи былъ *Кродо* (отъ *краду?*), игравшій роль Меркурія, которому поклонялись на горахъ, особливо на Брокенѣ, подъ видомъ старца, державшаго въ одной рукѣ колесо, а въ другой сосудъ съ цвѣтами и плодами: отсюда преданіе о чествованіи діавола на епой горѣ, особливо въ первомайскую ночь. Въ Помераніи на островѣ Волинѣ (Юлинѣ) главнымъ покровительствующимъ божествомъ почитался *Триглавъ*, получившій названіе отъ владычества своего надъ воздухомъ, водою и землею, или отъ трехъ пристаней острова: его признають за одно съ *Свътовидомъ*. см. спр. 18.

(168) Опытъ Исторіи Росс. Госуд. и Гражд. Законовъ, соч. А. Рейца, перев. О. Морозкина. Москва. 1836. 8.

(169) А. Krantzii Saxonia. Francof. 1621. in f.

О существованіи *Триглава* напоминають оспатки города *Trojeglava* въ Славоніи и гора *Treglau* въ Краинѣ. Голову оупъ кумира *Триглава* С. Опшонъ изъ Шпешина послалъ въ Римъ къ Папѣ Гонорію. — Чпо у Карпатно-Россовъ *Русалки*, шо у Виндійцевъ и Сербовъ *Вилы*, кои, по ихъ мнѣнію, живутъ на горахъ и на прибережныхъ скалахъ, изображаются молодыми, въ бѣломъ плащѣ, съ долгими распущенными по плечамъ и по груди волосами изъ осоки. У древнихъ Чеховъ *Mogusi* шуже ролю играли, чпо у Римлянъ *incubi*. Булгары вѣрятъ, чпо *Варколаки*, или *Полтеники* могутъ входить въ дома и вредить. Мы выше замѣтили, чпо поклоненіе источникамъ и спарымъ дуцлистымъ деревьямъ, особливо дубамъ, было общимъ не только у Славянскихъ, но и у Германскихъ племень (170). Наши льпописи свидѣтельствуютъ, чпо Рускіе Славяне клали *требы* озерамъ, рѣкамъ и кладезямъ. см. стр. 23. Изъ пѣсень и обычаевъ на Руси видно, чпо у воды дѣлались гаданія, какъ напр. въ Семицкѣ; въ одной старой пѣснѣ, какую поютъ въ Подольской Г. подъ Межибожьемъ, замужняя жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ криницу (ручей), копорый дѣлаеть имъ опвѣшы,

(170) *Карамз.* II. Г. Р. ш. I. прим. 212. 214.

какъ оракуль. Въ рукописномъ житіи XVI в. Князя Константина Муромскаго сказано, что Рускіе язычники „отъ очныхъ немощи умыва-
лись въ кладезяхъ и бросали въ нихъ сереб-
ряники“; что и донынѣ дѣлають на святыхъ
колодезяхъ, ключахъ, родникахъ, озерахъ. По-
добныя обыкновенія встрѣчаются у Сербовъ.
Въ упомянутомъ житіи пишется, что ду-
плинамъ деревянымъ вѣтви убрисцемъ обвѣ-
шивающе, и симъ поклоняющеся.“

Хотя Длугошъ приписываетъ фешицизмъ
только Пруссамъ и Липвѣ языческой; однако
онъ, по мнѣнію Бандшке, господствовалъ въ
помѣ или другомъ племени Славянъ. Гроды,
городки, огородки, городища, лысыя, красныя
(черныя, червонныя), поклонныя горы и роши,
дубравы заповѣдныя, какъ-то: Swaty bog близъ
Салы въ Мерзебургъ и Wranibog въ Брандбургъ,
были мѣстами священными, гдѣ соверша-
лись жертвоприношенія и другіе обряды въ
честь боговъ, умилостивительныя или благо-
дарственные, общныя, обычныя или чрез-
вычайныя (171).

Время опредѣленное и неопредѣленное у
Славянъ называлось *годомъ, рокомъ, лтомъ*: у Вин-

(171) *M. Frenzelii dissertationes historicae de idolis Sla-
vorum. Vitebergae. 1688. 4. — Lausitzische Merkwürdige
feiten von Sam. Grosser. Leipz. 1714. 2 t. f.*

дѣйцевъ и Чеховъ *годъ* (Hod) по же значить, что *prásdnik, svétik*. Собственно годъ дѣлился у однихъ племень на двѣ половины: *лѣто* и *зиму* (см. стр. 45); у другихъ на три или на четыре, и на XII мѣсяцевъ, кои имѣли особенныя названія, различныя по мѣстности; по нимъ считались *праздники весенніе, лѣтніе, осеніе* и *зимніе*, распределялись работы, сроки и отдыхи. Какъ у Закарпатскихъ и Задунайскихъ, такъ равно у Предкарпатскихъ Славянъ, п. е. Поляковъ, Рускихъ и Малороссіянъ, одни и тѣже древніе народныя праздники нерѣдко впадаютъ въ различныя времена года по различію мѣстности и климата, бывающъ то позже, то раньше другихъ, носятъ на себѣ по етому различныя названія, сопровождаясь особенными обрядами. Мѣстные праздники, произшедши отъ свойствъ мѣстности, духа и вѣрованія жителей, извѣстны только опредѣленнымъ племенамъ Славянскимъ.

Коледа и *Купало*, какъ выше замѣчено нами, составляли два главныя празднества въ году, къ коимъ примыкающъ другія. Въ Силезіи и Богеміи Рождественскія Святки называются *Вопосе, Wáпосе* и *Январь Вопоснік*; у Румыновъ *Кречуномъ*; у Карпато-Россовъ канунъ Рождества Христова извѣстенъ подъ именемъ *Кречуны-вечеръ*,

а въ Венгрии Karátson. Въ Рускихъ льпописяхъ и Рождественскій постъ наименованъ *Короучуномъ* (172) опть короткихъ дней, по мвѣнію Карамзина. Въ Валахіи и Болгаріи родившійся 25 Декабря обыкновенно называется *Крачунонь* (173). *Короучуноеъ камень* упоминается въ началѣ Воскресенской Льпописи. Въ Шелонской папинѣ упоминается въ XVII вѣкѣ *Карачуницкій* погостъ. У Карпашо-Россовъ *Крачунонь* (Хорсъ?) причисляется къ языческимъ божествамъ. Руская поговорка *дать Корочунонь* поже имѣетъ значеніе, что къ *Ляду*, т. е. погубить. — Чехи подъ именемъ *Коледы* разумѣютъ бываемое у нихъ около праздника трехъ Царей благословеніе домовъ: опсюда *Kóledovat*, благословлять дома. У Виндійцевъ *Koléda* нѣкогда было божествомъ празднествъ, или нѣкоторыя религіозныя обряды; а теперь только крестьянскіе мальчишки ходятъ изъ дома въ домъ съ пѣснями и плясками: епо называется у нихъ *kolédovati* (174). Описанное Конспаншиномъ Багрянороднымъ празднество, или

(172) *Новгор. Льпот. л.* 1143. „Сстояла вся осенина „дождева опть Госпожина до Корочуна.“

(173) *Библиогр. листы. П. И. Кеппена*, 1825. No 12. въ 4.

(174) *Slovénsko-Némshki in Némshko-Slovénsky Kózhní Besédnik. sloshil A. I. Murko. v Grádzi. 1853. 2 t. 8.*

игрище, о коемъ выше сказано, подъ именемъ *тò Готдикòу*, бывшее на девятый день Рождества Христова, при вечерней прапезь Императора, принадлежить къ Славянской Еорпологи; ибо подъ именемъ Готеевъ Византийцы разумѣли иногда народы Славянскаго племени, и оно сходствуеть съ Коледованьемъ и Свяшочными играми. см. выше. На стр. 52 мы привели изъ Кранпца бывшiе, при Болеславъ Храбромъ и Генрихъ II, въ нижней Саксонiи хороводы и пѣсни безчинныя въ навечерiе Рождества Хр. на погоспѣ С. Магна, сходныя съ описанiемъ въ Стоглавъ празднованiя навечерiя Р. Х. и въ Никон. Лѣтоп. подъ 1068 г. Когда за епо безчинiе и буйство прокляты были Галбершпадскiе жипели священникомъ: „погда они, пишеть Кранпць, безпреспанно кружась, вертѣлись (*gigabantur жировали?*) день и ночь.“ Богемскiй Испорикъ Дубравiй свидѣтельствуетъ, что Чешскiй Князь Брячиславъ (Брепиславъ II), по вступленiи своемъ на престоль, 1093 г., немедленно изгналъ всѣхъ колдуновъ, предсказателей и оборотней изъ своихъ владѣнiй; уничтожилъ всѣ суевѣрные обряды и злоупотребленiя, кои еще оставались отъ временъ Язычества; наконецъ повелѣлъ Пражскому Епископу такъ распорядиться, чтобы каждый

священникъ въ праздникъ Рождества Христова посѣщалъ своихъ прихожанъ съ св. крестомъ и св. мощами; давая знать Правительству о пѣхъ, которые не спанушъ лобзати сію святыню. Набожный обычай епископъ, говоришъ Дубравій; сохранился до нашихъ временъ въ Богеміи; гдѣ сывешъ *Коледою*. Епископно сходно съ Малороссійскою *Колядкою* и *Колядованьемъ* (175). — Зеленя Святки, или Духовъ день, у Слованцевъ и Чеховъ называются *Turice* отъ Тура, въ честь коего онъ праздновались, у Словаковъ *Letnice*; а у Чеховъ *Swatodusné Swatki*. Карпато-Россы именуютъ Купало *Русальемъ*, которое празднуешя больше въ рощахъ. Тотъ же Чешскій Князь Брячиславъ II велѣлъ вырубитъ все заповѣдныя дубравы; въ кои Чехи собирались по старому обычаю совершати языческіе обряды: Купало, или Ивановъ день подъ собственнымъ, или подъ другими именами, извѣстенъ во всемъ Славянскомъ мѣрѣ. Сербы говорятъ досель; что *Ivaní dan* столь великій праздникъ въ году, что на оный и солнце при крашѣ отъ страха останавливаешя на небѣ (176).

(175) Вѣстникъ Европы, 1827, No 21, стр. 75.

(176) Српски рѣчникъ *Вука Стефановича*. Вѣна, 1818, въ 8. *Bernolák Lexicon Slavicum*, VI t. Budae, 1827—27. въ 8.

Купальскіе огни, зажигаемые въ Иванову ночь на Карпахахъ, Судепахъ и Корконосныхъ, между Силезіею и Чехами, представляють великолѣпное и порожественное зрѣлище на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ.

У Чеховъ первый день Марша называется Letnice, вѣроятно отъ *Летницы*, Славянской Лапыны, или Леты (*Letno*), *Zenske Letn'icki* — нашъ древній *пролѣтній мѣсяць*. Въ Маршѣ праздникъ замороженной зимы и возобновляющейся весны, или изгнанія зимы и встрѣчи лѣта, извѣстный у южныхъ Шведовъ и Готтеовъ (177), повторяется въ Силезіи и Богеміи, гдѣ Магана значить весну. Виндйцы именуютъ дни Пасхи: *Letnizchki Světki*, а Свѣтлое Воскресенье — *Létnice*, Въ Богеміи поютъ тогда:

Gíž nesm smret ze wsy,
Nové léto do wsi.

(177) По переводу Исторіографа: „Уже несемъ смерть изъ веси, а новое лѣто въ весь. Здравствуй, любезная весна и зелень!“ Вѣрнѣе здѣсь: обиліе зеленое.
Карамз. И. Г. Р. ш. I. прим. 232.

Wjtey léto líbezne,
Obiljčko zelene (178).

Семень день и Бабье лето (Babj léto, Раусу) известны у Чеховъ и Сербовъ; у первыхъ Рождество Богородицы называется Semenná Raппа Maгiа, у другихъ *Бабинь дни* значить сѣвъ, идущій въ Мартъ мѣсяць. У Карпатской Руси названіе *Бабинь морозъ* основывается на сказаніи, что Маропъ, Мартъ, заморозилъ (окаменилъ) на Полонинъ (Альпъ) чародѣйку бабу. Намѣкъ на происхожденіе каменныхъ бабъ на Карпатскихъ Альпахъ.

Въ *Юрьевъ день* (праздникъ Св. Георгія) у Сербовъ рано поушру; до солнечнаго восхода начинаютъ купаться. Епощъ день Спашушомъ Маріи Терезіи (Urbaгiщ, 1791) креспьянину назначень срокомъ для перехода отъ одного господина къ другому, какъ бывало на Руси до XVII в., а день С. Михаила — срокомъ для предварительнаго съ обѣихъ сторонъ объявленія (179). Сербы, Илли-

(178) Historia de gentibus septentrionalibus, auth. Oлао magno, Gotho. Antverpiae. 1608. 12.

(179) Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга. изд. В. Броневскаго, 2 ч. Москва. 1828. 8.

рійцы, Далмашы и Черногорцы въ епопѣ день поюць молебень на колодцахъ, и, окропивъ скопъ св. водою, гоняць его вербою въ поле, такъ какъ бываешъ въ Россіи (180). У Карпатской Руси въ Берегскомъ, Угочьскомъ и Унгварскомъ Жупанствахъ въ Венгріи выгоняешся скопъ въ ночь Юрьева дни на самой зарѣ; съ коего, по ихъ мнѣнію; прекращаешся власъ вѣдьмъ надъ рогатымъ скопомъ. Опъ Юрьева до Дмипріева дни; полгода, срокъ у Булгарь, Сербовъ и Турковъ. Въ Булгаріи, въ дни С. *Георгія*, С. *Параскевы* и С. *Архангела Михаила* приносять симъ святымъ въ жертву агнца, коему къ рогамъ прильпивъ по свѣчкѣ и окуривъ его ладаномъ, рѣжущъ его надъ сосудомъ пакъ; чшобы ни капли крови не попало на землю; кровью епой крестообразно мажущъ дѣшей на лбу, щекахъ и бородѣ; попомъ зажаривъ его, съ молишвою съѣдающъ, а кости зарывающъ въ землю. Тоже самое дѣлаешся съ нѣкопорыми перемѣнами въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ.

(180) Съверн. Архивъ, 1825, Но 14, стр. 114, Но 15, стр. 221.

По собраніи хлѣба, у Славянъ языческихъ было главное торжество. Въ Арконѣ, первосвященникъ вымеша наканунѣ праздника свяпилице храма, въ самый день торжества взявъ изъ руки у Свяповидова кумира рогъ, смопрѣлъ, полонъ ли онъ виномъ, и по етому предсказывалъ будущій урожай хлѣба, и ш. д. Другіе Славяне праздновали собраніе хлѣба обреченіемъ пѣшуха въ даръ богамъ и обливаніемъ скоша пивомъ, освященнымъ для предохраненія спадъ ошъ болѣзней. Въ Богеміи славился *Майскій праздникъ источниковъ*. Въ Вагріи дни на роднаго суда были порою общаго веселія: тогда старѣйшины, подъ сѣнію священныхъ дубовъ, въ присутствіи бога Прове, рѣшали судьбу согражданъ (181).

У Западныхъ Славянъ погребальные обряды весьма сходны съ Римскими, въ коихъ проявлялось глубокое благоговѣніе къ усопшимъ и вмѣстѣ нравственное чувствіе, какъ источники оныхъ. Сербская *Zadusnice* соотвѣтствуетъ нашей Родительской и Радуницѣ: у Виндійцевъ поминки называются *Zádusní Obed*. Слово *Strawa* встрѣ-

(181) *Карамз. II. Г. Р. I. стр. 100. — Pommerische Kirchenchronik, d. D. Cramerum. zu alt. Stettin. 1603. 4.*

чаеиша во многихъ Славянскихъ нарѣчїяхъ ; на Чешскомъ *Stráwa* значилъ: пища, шрапа, напушшвіе. У Карпапо-Россовъ во всѣхъ Рускихъ Графстввахъ Венгрии *сравою* называется кушанье на заупокойномъ пиру или поминкахъ (*parastax* опъ *parásabis*). *Strawa*, по словамъ Иорнанда, соспояла въ великолѣпномъ надѣ гробномъ пиршесствѣ, на коемъ плачь и сѣпованіе смѣшивались съ веселіемъ: Карль Аквинскій производилъ *Strawa*, или *Sdrawa*, опъ Шлирийскаго слова *sdrav*, опсюда *sdraviza*, по же чшо здравіе (182). Чпюжь касается до *Тризны*, то слово сіе происходилъ, какъ и выше замѣчено на сшр. 27, опъ *терзанія*, какое бывало у Евреевъ и Грековъ (183), или опъ гл. *trízō* шумлю, крушусь, близкаго съ Чешскимъ *Тгузеі* шрудъ, жалосшь. Она соспояла у сѣверныхъ Славянъ въ плачь надъ гробомъ, въ насыпаніи земли надъ могилою и въ пипшь меда. Менкенъ изображаетъ *Тризну* Нѣмцевъ сходною съ *Тризною* Славянъ: „по совершеніи погребенія въ лѣсахъ и поляхъ, „они по языческому обычаю, дѣлали сцениче-

(182) *Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis*. Halae. 1784. t. I—VI. 8.

(183) *Archaeologia biblica*, red. a *I. Jahn*. ed. 2. Viennae. 1814. 8.

„скія представленія на распушіяхъ и перекресткахъ для упокоенія душъ усопшихъ, на дѣвѣ на себя разныхъ личины, играли и пошались.“ О призмѣ въ XVI вѣкѣ упоминается въ Споглавѣ, изъ коего выше приведено нами свидѣтельство. И пакъ, по дѣйствію *Тризу* можно производить отъ *терзанія*, по времени отъ *трехдневнаго* празднованія, а по мѣсту самому сходствуетъ она съ *trivium* распушіемъ, на коемъ и у Римлянъ совершались религиозные обряды (184). Какъ нѣкоторыя племена Славянскія сжигали своихъ усопшихъ, по обычаю Индѣйцевъ, Римлянъ и Скандинавовъ: по, вѣроятно, у нихъ слова *Тризна*, *Тризнище* ведутъ свое начало отъ *Зинча*, представляющаго огня, обоготворенной, у нихъ стихіи, все очищающей и царствующей надъ стихіями; посему слова *три-Зинча* сопоставляютъ и *Тризу* и *Тризнище*. Священный же огонь, на пр. купальской, пакъ вѣроятно и *тризнищный*, добывался *трениемъ* дерева объ дерево. Такое созвучіе въ вѣпвахъ корня *Тризна*, выражающаго сходныя идеи, роднитъ народы, у коихъ существовали ещо слово и ещотъ обрядъ въ разныхъ видахъ: по сжиганія усопшихъ, по

(184) *Mencken S. Reg. Germ. t. I. p. 2071. ср. Карамз. И. Г. Р. т. I. прим. 232, 236.*

гь борбахъ на могилахъ, по въ попойкахъ, по въ сценическихъ представленіяхъ и играхъ въ память усопшихъ. *Тризнище* и *Тризна* по знаменованію своему пождеспивенны съ *игрищемъ*, съ Греческими *Ἀγῶνες*, съ Римскими *certamina*, по изъясненію Лексикона Памвы Берынды: „борбище, мѣспце, гдѣ бываюупъ поединки, воіованіе.“ Такой же смыслъ имѣетъ слово сіе въ Славянской Библии (185). —

У Сербовъ сущесствуетъ *отмица*, или похищеніе дѣвиць; о подобномъ обычаѣ на Руси Неспоръ говоритъ слѣдующее: Радимичи, Вяпичи и Сѣверяе „схожахуся на игрици, „и шу умыкаху жены собѣ, с нею же кпо „свѣщаваше.“ (186).

Въ пѣсни Чешской *Забой, Славой и Людов* (Извѣсп. Росс. Акад. 1820,) упоминаешся объ *укладахъ* (вкладахъ) на города, кои соспавляли духовный сборъ или дань, *божничье*, собиравшееся и въ Новгородѣ Князьями, подобно воспочной десятиинѣ у Славенъ въ Щепинѣ (Штепинѣ) на Одрѣ, добычамъ храмовъ въ Арконѣ у Раповцевъ, въ Радогущѣ у Сырбовъ; памъ поюупъ, по свидѣтельству Ходаковского:

(185) *Макк.* II, 13: Бывши же пятольпнему *Тризнищу* въ Турѣ и пр. *Nase Griech. Alterth.* — 1818. г.

(186) Лѣтопись Неспорова, по Лаврентьевскому списку. Москва. 1824, въ 4.

И дашь покормь боговомъ ,
 И шамо боговомъ спасаемъ ,
 Дашь множеспиво обѣши :
 Ай имь глашашь милыхъ словь
 И имь оружье побипыхъ враговь.

Наши хороводы, называемые по Славянски *колами*, т. е. кругами, въ упошребленіи у Морлаковъ и Далмаповъ (187): пакія шочно пляски изображены рѣзьбою на гробницахъ въ Захлумской землѣ (въ Герцеговинѣ). Въ Богеміи, между прочими играми, вспрѣчается совершенно сходная съ нашими *Жмурками* *Z'múrka*, *Zmúrki*, или *slera* *Baba*: отсюда и выраженіе: *Na sleru Babu* (на *Zmúrki*,) *sa hrat*, играшь въ Жмурки, пряташься въ игрѣ. Изъ сравненія старинныхъ пѣсень Закарпатскихъ и Задунайскихъ Славянь съ Рускими можно вывести общія имь коренныя идеи, подъ разнообразнымъ покроемъ. Въ свадебныхъ обрядахъ и жищейскихъ праздникахъ у Закарпатскихъ и Задунайскихъ Славянь проявляющяся слѣды Язычества, во многомъ сходные съ Рускими, кромѣ различій, произшедшихъ отъ мѣстности,

(187) *Podróże w Krajach Sławiańskich odbywane w latach 1802 i 3 roku przez X. S. (Cantra). Warszawa, 1811. вѣ 8.*

духа ихъ и вліянія сосѣдственныхъ , разно-племенныхъ съ ними народовъ. Съ ихъ вѣрованіями и нравами соединено было господствующее , какъ отличительная черта , проведенная въ ихъ характерѣ папирархальными временами. У нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ , какъ-то у Морлаковъ , дружба между особами того и другаго пола освящается вѣрою и обычаемъ подъ именемъ *побратимовъ* и *посестримъ*. Кровавое право мести у Морлаковъ произвело пословицу : *Кѣ се не освяти , онъ се не посвятитъ* , т. е. кто за себя не отмститъ , тотъ не посвятится (188).

Издревле Славяне , живши среди Германскихъ племенъ , и тогда превышая ихъ своею многочисленностію , мѣнялись съ ними повѣрьями и понятіями. Не смотря на политическія отношенія ихъ и другихъ , первые дѣйствовали на послѣднихъ большинствомъ голосовъ. Нерѣдко случалось , что мѣны Славянскіе , подобно словамъ , объмечивались , такъ что божества и суевѣрія , слывшія у Западныхъ писателей *Нѣмецкими* , собственно Славянскія , Аделунгъ въ Испоріи

(188) Соревнователь просвѣщенія и благотворенія,
Сиб. 1816, № 10.

Нѣмецкаго языка говоришь, что Славяне въ Мейсенѣ и вообще въ Саксоніи смѣшались и прешворились въ Нѣмцевъ, сообщивъ языку сихъ послѣднихъ нѣкопорыя свѣйства и слова своего языка. Такъ вѣроятно Финскія племена прешворились въ Рускія или Норманскія.

Какъ на Югѣ и Западѣ у Славянъ болѣе, чѣмъ на Сѣверѣ и Воспокѣ развилась гражданственность, прозябла жизнь народная, а съ нею вѣрованія и преданія: по тамъ полнѣе образовалось богоученіе, многочисленнѣе и торжественнѣе совершаемы были священные обряды, праздники религіозные и жипейскіе и игрища: зодчество, ваяніе и живопись содѣйствовали къ распространенію идей Славянскаго Язычества, коего памятники, найденные въ Репрѣ, Шверинѣ, Ней-Сперлицѣ, Шпешинѣ, Волинѣ, Ругенѣ (188), Мекленбургѣ, досель сохраняющіяся. Народныя вѣрованія, находясь въ тѣсной связи съ жизнью гражданскою и домашнею, проникнули бытъ и бытіе народа, такъ что Хрістіанское ученіе долго не могло испребиць пер-

(188) Библиофр. листы П. П. Кеппена. Спб. 1825. 4.

(189) *L. A. Gebhard's Geschichte aller Wendisch-Slavischen Staten*, Halle. 1790, 97. 4 B. 4.

вья. Поморяне въ XII вѣкѣ изъявляли желаніе покланяться старымъ божкамъ своимъ и І. Христу; Чехи (894—967), принявъ вѣру Христіанскую, покушались обратишься къ Язычеству (190). На Сѣверѣ у Рускихъ Славянъ скудность была природа и жизнь народная, скуднѣе Мифологія и Еорпология, чѣмъ на Югѣ, такъ что не извѣсны были храмы и капища, замѣняемые стѣнью дубравъ заповѣдныхъ и шеманемъ горъ поклонныхъ. Немногіе опечесвенные боги перенесены съ пепелищъ переселенцами на новыя мѣста, гдѣ они могли смѣшаться съ туземными спарожилами, или опъ нихъ заимспвовать цвѣны свои.

Три спихійныя имена Руси опъ огня, земли и воды: *красной*, *черной* и *бѣлой*, по видимому, соопвѣспвуютъ *Перуну*, *Черно-богу* и *Бѣль-богу*. Древніе Руссы, замѣчаешь *Еверсь*, въ географическомъ и етнографическомъ отношеніяхъ обыкновенно называли первобытное *бѣлымъ*, а измѣнившееся, производное — *чернымъ*, первымъ такъ же свободное, другимъ рабское. Въ епой прехѣцвѣспной Руси донынѣ оспались болѣе или менѣе

(190) Испорія Рускаго народа, *Н. Полеваго*, М. ш. I, 1829. 8.

замѣтные слѣды Славянскаго Языческаго въ обрядахъ и обычаяхъ, въ праздникахъ и суевѣрїяхъ, въ пропонародныхъ пѣсняхъ и пословицахъ (191); самыя названїя урочищъ, рѣкъ и лѣсовъ, нравъ и цвѣтовъ и пѣлъ небесныхъ напоминающъ о древнихъ мифахъ и сѣмволахъ.

Идея о красномъ, русомъ, черномъ есть господствующая въ Славяно-Рускомъ мїрѣ, гдѣ многіе предметы чувственныя и опвлеченныя опличены симъ цвѣтомъ народнымъ. Червенная или красная Русь, или какъ жилили оной называющъ, твердая Русь, содержишь въ себѣ Русаковъ опъ Вислы на Боспокъ до Сняго (Чернаго) моря; красивая по своему мѣстоположенію, она была однимъ изъ главныхъ разсадниковъ Славянорускаго богоученїя и богослуженїя, опкуда онѣ распространились на Западъ и на Воспокъ Россїи, копорая владѣла еще въ X вѣкѣ Червенскими городами, когда В. К. Владимїръ собралъ седмерицу боговъ въ Кїевѣ, соспоявшемъ подъ однимъ владѣніемъ съ Галичемъ. Хопя она переходила изъ рукъ въ руки опъ Рускихъ къ Венграмъ и опъ нихъ къ Полякамъ, а опъ сихъ послѣднихъ

(191) Предварительныя криптическія изслѣдованїя Г. Эверса для Росс. Исторїи. М. кв. I. 1825. 8.

къ Нѣмцамъ; однако доселѣ сохранила свою самобытность въ языкѣ, обычаяхъ и повѣрьяхъ. Въ Галиціи почти тѣ же мѣны, чѣмъ и въ Малороссіи. Вѣроятно и Перунъ, символъ огня, происходящій отъ Чешскаго слова *Pígení*, краснопа, багръ, цвѣтъ огня, перенесенъ вмѣстѣ съ Ладомъ и Русалками (192) изъ Червенной Руси на Днѣпръ и Волховъ, такъ равно опшуда перешло на Сѣверо-воспокъ Россіи повѣрье и названіе *красныхъ, червонныхъ и лысыхъ горокъ*; въ Богеміи извѣстны въ городкѣ Берунскѣ *Krásná hora*, въ Венгріи мѣспечко и городъ *Krásna hora* (*Schönberg*). Подъ именемъ *жалей* находятся въ Галиціи, Лодомиріи и Венгріи *жальники*, кои почипаются за языческія кладбища. Въ Номоканонѣ, изданномъ во Львовѣ, 1646 г., въ 4, приводятся въ первый разъ *Купало* и *Русалки*. Мѣны о *Волкалакахъ* и *Оборотняхъ* во всемъ сходны съ преданіями жищелей Липвы и Волыни.

Черная Русь, между Припечью, Пиною и Сырпечью, состоя изъ воеводства Новогрудскаго и повѣтовъ Минскаго воеводства Мозырскаго и

(192) Отъ *Лидо* произошли многія названія мѣстъ: *Лидога*, *Лидомирія* и ш. д. У Чеховъ Рѣка *Lada* прекрасная дѣвица.

Рѣчицкаго, по смежности своей съ Червонною, предспавляетъ многіе мѣобы, обычаи и повѣрья, сходныя съ Краснорусскими и Волынскими. Въ божествахъ Язычества заключающіяся идеи внѣшней и внутренней жизни жипелей шой и другой спороны, ихъ мѣстности, и климата, обильнаго черными лѣсами и топкими болошами. Тамъ *Купало*, или *Купайло*, и *Колѣда* (Риздво) воспѣваюцца въ пѣсняхъ, сопровождаясь первое — раскладываніемъ въ полѣ огня и плясками ночными, а другая — пѣснями и гадаціями: колядники шамъ именууются *Лалышиками*. Въ *Новый годъ* (Новый рокъ), шакъ какъ въ Малороссіи, дѣвши ходятъ по домамъ поздравляющъ господъ и обсыпающъ ихъ зернами пшеницы и *жита*, особливо *горохомъ*. Игрище называется *стадомъ*, какъ въ Липвѣ и Польшѣ; *Купало*, игра, извѣсна на Украинѣ, Подольи и Волынѣ: шамъ въ Ивановъ день, по захожденіи солнца, собирающія дѣвицы въ одно мѣсто съ вербою, убранною цвѣтами, копорую вщыкаютъ въ землю. Около ешаго дерева, слывущаго у нихъ *Купайло*, онѣ ходятъ, схватяся руку за руку и поютъ жалобныя пѣсни въ честь Купайла. Послѣ нѣкопораго времени, холоспые, споящіе въ споронѣ, бросающя, уносятъ и разрывающъ вербу, защищаемую дѣвицами, и

пѣньмъ оканчивается епопѣя обрядъ. Въ Подольской г. около Межибожья поселяне на играхъ въ день Пасхи поюпѣ о *Царевнѣ Ладѣ*, а подѣ Брестомъ Липовскимъ о *Королевнѣ Ладѣ* (193). Въ Минской г. въ округѣ мѣстечка Юрьевичи дѣвицы пляшутъ на игрищахъ во всю Свѣшлую недѣлю панецъ *Метлицу* и *Запѣйницу*. Въ Юрьевъ день, или пакъ называемая *обѣдная*, въ Минской г. свяшпѣ хлѣбъ: шамъ же *Борисо - Глѣбскій* праздникъ извѣстенъ подѣ именемъ *Паликона*, сожигающаго хлѣбъ въ полѣ у пѣхъ, кто работаешъ въ епопѣ день, соопвѣстпвующій Малороссійскому *Палетѣ*, или С. Паншелеймову. *Проводами* у нихъ называется вся недѣля послѣ Свѣшлаго Воскресенія, которую они проводятъ въ пьянствѣ, подобно *Запускамѣ* (194). Въ Черной Руси, на Волынѣ и Подольѣ празднуешъ день основанія церковей (*празныки*) угощеніемъ посѣпшпелей изъ сосѣднихъ деревень, и разными весельями. Каждая церковъ, однажды въ годъ, для своего праздника варитъ медъ съ пряными кореньями, продаваемый опѣ нея поселянамъ.

(193) Сѣверн. Архивъ, 1824, No 3 и 4.

(194) Записки Профессора И. Н. Лобойки.

Въ Черной и Бѣлой Руси, совершаются меньшіе и большіе Осенины, или Дѣды, къ коимъ присоединить должно Прикладины, или окладываніе могилوکъ дерномъ, которое сопровождается служеніемъ панихидъ, попойкою, гуляньемъ и музыкою. Изъ земледѣльческихъ праздниковъ также извѣсны, какъ и въ Липвѣ, *Дожинки*, кои отправляются во всякой деревнѣ по окончаніи жатвы жита и пшеницы, а послѣ посѣва, *Достыки*; при епомъ случаѣ господинъ угощаетъ крестьянъ своихъ, которые проводятъ цѣлую ночь въ пѣніи и пляскѣ.

Въ свадебныхъ, родильныхъ, именинныхъ и похоронныхъ обрядахъ видны еще слѣды Язычества и кореннаго суевѣрія, кои сроднились съ ихъ бышомъ.

Бѣлая Русь, состоявшая изъ воеводствъ Минскаго, Полоцкаго, Мстиславскаго, Витебскаго и Смоленскаго, представляеть множество повѣрій и обычаевъ, похожихъ на Липовскія и Польскія, коихъ она была проводникомъ въ Великую Россію. Тамъ многія урочища напроминають своими именами Славяно - Рускія божества (195) и обряды

(195) на пр: *Піоруново* въ Полоцкомъ повѣсть при озерѣ *Щепилнемъ*.

Язычества, какіе проявляються въ народныхъ праздникахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, пословицахъ и сказаніяхъ, въ коихъ выразился неизгладимыми чертами древній бытъ народный съ его коренными идеями. Какъ вѣрованіе и языкъ служатъ единственною связью между единоплеменными народами, такъ равно и сходныя проявленія того и другаго въ праздникахъ религіозныхъ и жишнейскихъ служатъ доказательствомъ единства ихъ происхожденія.

Въ Бѣло-Русіи встрѣчаются многіе одинаковыя съ Малороссійскими и Великороссійскими праздники и обычаи народные, кромѣ особенныхъ, на коихъ оппечатались мѣстность, климатъ и духъ туземцевъ (196). Хопя народъ Бѣлорускій имѣетъ глубокое уваженіе къ св. Вѣрѣ; однако въ немъ господствуютъ мнѣнія міѳологическія: онъ вѣритъ *Русалкамъ*, *Хлѣвинкамъ*, или домовымъ, *Волколакамъ*, или оборотнямъ (197), присущ-

(196) Сѣверн. Архивъ, 1822, № 24.

(197) О подобныхъ превращеніяхъ въ *Потребникѣ мірскомѣ*, М. 1630 г. пишется: „И есть же иная злая волхвованія, яже в велицѣй Россіи, ово убо звѣрски рыкаши шворятъ, яко же медвѣдь и волкъ, і инъ скопски всяко и ппическими гласы и пѣснями мучишся“ и пр.

ствію злыхъ духовъ на мѣльницахъ, въ баняхъ и пуспыхъ жилищахъ. *Купало*, извѣстное во всей Южной Россіи до самыхъ горъ Карпатскихъ и рѣки Сана, повпоряеся также въ Бѣлорусіи и на Западъ къ Райгороду на предѣлахъ Пруссіи (198).

Годовые церковные праздники, въ Бѣлой Руси, какъ-то: Рождество Хрїста и Богоматери, Пасха, или *Великъ день*, Троицынъ день, Успеніе Богоматери, С. Іоанна Предпечи (24 Іюня), Бориса и Глѣба и пр., сопровождаются такимижъ почти обрядами и играми у просполудияновъ, какіе найдемъ въ Великой и Малой Россіи. Праздникъ Сръшенія Господня въ Бѣлоруссіи называется *Громницею*, Успеніе Богоматери — *большою Пречистою*, Рождество Богородицы — *малою Пречистою*, или первое — *Госпожею*, второе — *Госпожекою*, С. Борисъ и Глѣбъ — *Паликопомъ*. см. сир. 95. День, предшествующій Рождеству Хр., слыветъ *Коледою*, кошорая есть *Васильева*, или *богатая*, наканунѣ Новаго года, и *крещенская*, или *постная*, на канунѣ Богоявленія.

(198) Исторія Малой Россіи *Д. Н. Баитышъ-Каменскаго*, ч. 2. Москва. 1830. 8.

У проспаго народа праздникъ Рождества Хрістова почишаеця первымъ изъ годовыхъ; съ него онъ ведеть начало года въ разныхъ условіяхъ. О Свяшой недѣлѣ поюць шакъ называемыя великоденыя пѣсни съ музыкою, ходя по домамъ ночью подъ окнами вапагами, кои именуюцца *Волочобниками*, а предводишель ихъ, или запѣвало — *Починальникомъ*. Они первую пѣснь обращаюць къ хозяину и хозяйкѣ, прославляя благоразумное ихъ домоспроишельство, обиліе и благодаць Божію, упоминаюць, что *Святой Юрій запасаеть ихъ коровъ*, *Святой Николай коней*, *Св. Ілія зажинаеть жниво*, *Пречистая Мать засьваеть*, а *Покровъ собираеть* и ш. д. Послѣ всякой шпрофы припѣваюць *Хрістоъ воскресе!* Въ Бѣлоруссіи, шакъ какъ и въ Болгаріи, зарываюць въ землю на поляхъ коспи ягненка, освященнаго на Пасху, въ шой вѣрѣ, что онъ предохраняюць засьянный хлѣбъ отъ града. Послѣ *проводной недѣли*, во впорникъ на кладбищѣ совершаеця *Радуница*, сопровождаемая *причитаньемъ*, пиршешествомъ и кашаньемъ яицъ на могилкахъ, на кои иногда дѣлаюцца возліянія виномъ и водкою изъ рюмокъ. *Юрьевъ день* весенній въ Бѣлоруссіи есь праздникъ пастуховъ, копорые выгоняюць скопъ верьбою на *Юрьеву росу*; а *Николинъ день* весенній праздникъ

конюховъ , копорые погда вечеромъ ѣдутъ на ночлегъ съ лошадьми и цѣлую ночь гуляють. Последнимъ весеннимъ праздникомъ почищается *Троицынъ день* ; въ копорый жипели украшаютъ свои дома *Маемъ*, а паспущки вѣнки на рога у коровъ. На епой недѣль, слывущей шамъ *Разгарю* , завивають вѣнки съ пѣснею :

Русалочки , земляночки ,
На дубъ лезли , кору грызли ,
Звалилися , забилися.

Тройца.

Развивъ вѣнки , бросають ихъ въ воду , для гаданія о судьбѣ своей , съ пѣснею :

На Тройцу мы вѣнки завили ,
На разгары развили ,
Горѣлочку попили
И ликню поѣли (199).

Изъ лѣпнихъ праздниковъ примѣчательнѣйшій Рождество С. Іоанна Крестшителя ; погда носятъ въ церковь правы и цвѣты для освященія. Недѣля , предшешвующая сему празднику , называется *Русальною* ; въ

(199) Gry i zabawy róznych stanów, p. L. Gołkowskiego. w Warszawie, 1831. 8.

Купальскую ночь въ нѣкошорыхъ мѣспахъ собираюшя въ поле при зажженныхъ кострахъ нѣшь купальныя пѣсни, какъ и въ другихъ обласпяхъ Россіи: пѣже тамъ повѣрья о Русалкахъ и о кладахъ.

Между Ивановымъ и Пепировымъ днемъ на Бѣлой Руси разыгрываются навозныя толоки.

Изъ осеннихъ праздниковъ главнѣе всѣхъ *Спасъ*, съ коего начинаешя торжественно посѣвъ, хошя Бѣлорусцы счишаютъ осень обыкновенно съ Ильина дни, по ихъ пословицѣ: *На Илью, до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень.*

Важнѣйшимъ и въ каждое время года обыкновеннымъ увеселеніемъ проспаго народа сушь *Игрища*, на кои онъ собираешя по шинкамъ въ праздники. Какъ въ Черной, такъ и въ Бѣлой Россіи, по случаю приходскихъ праздниковъ отправляюшя *Кермаши*, соединенные съ угощеніемъ и весельями. Когда же почешные прихожане хошашъ почшишь складчиной праздникъ какого либо свяпаго: ешо называешя *Братчиной*, коихъ собшвенно двѣ: *Михайловская* и *Никольская*. Братщики на свои издержки приготавлиють большую свѣчу къ празднику, поюшь молебень и дѣлають угощеніе. Братчины, часшо упоминаемыя въ монастырскихъ грамопахъ

до XVII в. (200), бывали городскія и сельскія: нерѣдко совершались на погоспахъ, какъ видно изъ Двинской грамошы Царя Иоанна Васильевича. Онѣ отправляются болѣе осенью, такъ какъ свадьбы, большія и меньшія Осенины, или поминки, Окладыны. Ежели къ упомянутымъ здѣсь праздникамъ Бѣлорусскимъ прибавить освященіе полей, хлѣвовъ и гуменъ, веселья во время Толокъ, Обжинокъ, Запашекъ, Увозокъ и пр.; то число общеспвенныхъ и домашнихъ праздниковъ въ Бѣлоруссіи покажется слишкомъ значительнымъ (201).

(200) Исторія Росс. Иерархіи. ч. I—VI.

(201) О Бѣлоруссахъ Патріархъ Филаретъ въ указѣ своемъ пишетъ слѣд: „Егда убо быхъ в Польскомъ и Липовскомъ Государствѣ, и многая в нихъ видѣ несогласія церковная, в самѣхъ тѣхъ Хрістіанехъ, яже суть Бѣлорусцы в нихъ нарицаюшя. — И во единомъ убо дому у нихъ у отца с дѣтьми и у мужа о женою и у господина с рабы, вѣры при или чешыре: и овъ держитъ в нихъ вѣру Хрістіанскую, инъ же Папешскую, і инъ Люпорскую, и инъ Калвинскую, і инъ Новокрещенскую, и иже Сасскую, і инъ Аріанскую. И вкупѣ убо на единой прашеѣ ѣдятъ и піють и бракомъ совокупаюшя, а иніи вкупѣ и молитву шворятъ“. *Книга глаголемая Потребникъ мірской*. М. 1639. въ л.

Хотя югозападная половина Руси въ XIV вѣкѣ присоединена была къ Польшѣ вмѣстѣ съ Липвою; однако она удержала въ нѣдрахъ своихъ много кореннаго, самобытнаго, отъ коего опшичается чужеземная примѣсь, какъ насыпь отъ мащерика. Сколько памѣ ни изглаживалась народность Ташпарами, Липвою и Польшею; однако она всегда пробивалась изъ самыхъ развалинъ и снова прозябала на почвѣ родной, какъ сродное ей растеніе. Малороссія, гдѣ съ началомъ общежитія возникли многія повѣрья, обряды и обычаи, воспитала первыя спихи нашего опшечества, пробудила жизнь гражданскую и на нашемъ Сѣверѣ. Когдажъ, въ XVII вѣкѣ, снова присоединилась она къ Великой Россіи: тогда нравственное общеніе сдѣлалось ближе и живѣе (202). Благораспоренный воздухъ, чистое небо, приволье цвѣшущихъ полей и луговъ, веселые лѣса кленовые, поповые и дубовые съ плодовишными деревьями, пріятнѣе возбуждали фантазію народа, по природѣ безпечнаго и гульливаго; родили многіе мѣны;

(202) Пущевыя записки *Вадима* (Пассека). Москва. 1834. въ 8. — Журналь Министерства народн. просвѣщенія, Спб. 1836, Июнь.

вдохнули пѣсни, въ коихъ разыгрывается душа Малороссіянина. Оспашки Украинской Мифологiи сохранились въ мифическихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ (думахъ), къ коимъ можно причислить и Слово о полку Игоревѣ, въ сказкахъ и поговоркахъ, праздникахъ и обычаяхъ. Въ первыхъ упоминаются древнія языческія божества, какъ-то: Бѣль-богъ, Черно-богъ, Стри-богъ (203), Сильный-богъ, Коляда, Купало, Дажь-богъ, Ладо, Туръ, Лело, Полелю, Марана, Дивъ (204), Злота - Баба и пр. Онѣ переносятъ насъ на какое нибудь древнее городище или на берега Дуная, съ вѣнкомъ въ рукахъ, или къ священному огню купальскому, или въ шаинспвенный мракъ лѣсовъ дремучихъ и п. д. (205). Въ мифическихъ сказкахъ главныя дѣйствующія лица: бисы, водяные, льшіе, мавки,

(203) Ученыя записки И. М. У. ч. VI, 1834 г. No 4, спашья: Взглядъ на памяшники Украинской народной поезiи, соч. И. Срезневскаго.

(204) Дивъ на Польскомъ Dziw диво, диво, чудище. Въ No 7 Библиогр. листовъ, на стр. 88: Овѣ Длю жретъ, а други Дивии.

(205) Стри-богъ, Дажь-богъ и Велесъ упоминаются въ Игоревой пѣсни — вѣролпно, произведенiи южнаго края Россiи. Боянь пѣвецъ называется внукомъ Велесовымъ, вѣпры — Стрибожими внуками. Слово внуки (nepotes) употребляется вмѣсто попомковъ, опраслей. см. Virgilii Aen. v. 682, 757, 787.

русалки, вѣдьмы, вѣдьмаки, великаны, змѣи и ш. д. Въ Украинѣ также между злыми духами естъ *Рарашекъ*, копорый находилъся у Словаковъ и Чеховъ; объ немъ естъ и поговорка: *сердитъ какъ Рарашекъ*. Вообще можно сказать, что въ Малороссіи болѣе сохранилось мѣсто, чѣмъ въ Польшѣ.

Изъ Малороссійскихъ народныхъ праздниковъ и суевѣрныхъ обрядовъ одни сходны съ Великороссійскими по названію, а другія по содержанію своему; нѣкоторые изъ нихъ мѣстные, болѣе похожіе на западные; иные соединены съ различными повѣрьями и увеселеніями и извѣстны подъ особенными именами.

Празднованіе *Коледы* и *Купалы* въ Малороссіи сопровождается обрядами, во многихъ опличными отъ Велико-россійскихъ. Въ самый праздникъ Рождества Христова, до обѣдни, дѣти ходятъ по домамъ *виривать*, ш. е. говорятъ поздравительные стихи, обыкновенно сочиняемые дѣтками (206),носятъ *звѣзды*, родъ фонарей, и *вертелы*, родъ маріонетокъ. Въ *богатый вечеръ*, на канунъ Нового года, холостые мужчины ходятъ по дворамъ *зажигочныхъ* подъ окна *щѣдровать*, ш. е. выпрашиваютъ пироговъ, кишекъ, куски сала свиного и ш. д. Въ Новый годъ, предъ (206) Малороссійскія пѣсни, изд. М. Максимовичемъ. Москва. 1827 г. 16.

обѣднею, мальчишки ходящъ по дворамъ съ разными сѣменами въ рукавицѣ или мѣшечкѣ, кои они разсыпающъ въ хапахъ, приговаривая: *На счастье, на здоровье, на новое лето, роди, Боже, жито, пшеницу и всяку пашницу* (207)! Они шакже поющъ *посыпальную пѣсню*:

Ходишь Илья
 На Василья,
 Нѣсишь пугу
 Жипяную,
 Дѣ замахне —
 Жито росше,
 Роди, Боже!
 Жито, пшеницу,
 Всяку пашницу;
 У полѣ ядро,
 А въ домѣ добро! —

Такое *Колдованье* продолжается оупъ Рождества Хрїстова до *Щедраванья*. Маркевичъ въ запискахъ своихъ о Малороссїи ссылаешся на старинную пѣснь Украинскую, въ коей за каждымъ стихомъ повпорялось: *Славенъ еси, Коледо, нашъ милый боже!* Пѣсня сія, о коей упо-

(207) *Исторія Малой Россїи*, соч. Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. ч. 2. Москва. 1830. 8.

минаеть сочинишель Синописа, была извѣстна въ Украинѣ еще за тридцать лѣтъ и донынѣ. Въ Махновскомъ уѣздѣ (повѣсть) Кіевской и даже Полтавской Губерніи, шакъ какъ и въ Бѣлоруссіи, нарядивъ вола, коня, козла и барана, вводящъ на Новый годъ въ горницу къ помѣщику и говорящъ ему привѣщспвіе, на которое онъ отвѣчаеть угощеніемъ.

О *Купалѣ* упоминаеть первый Гизель въ своемъ Синописѣ, изданномъ въ Кіевѣ, 1679 г. Въ Иллирійскомъ Словарѣ Іос. Вольпиджи *Купало* объясняеться *купълю*, по Польски *carpiel*. Гизель шакъ описываетъ сіе игрище: „Пяшый идолъ *Купало*, егоже бога плодовъ „земныхъ быши мяху, и ему прелестію „бѣсовскою омраченніи благодаренія и жерпвы „въ началъ жнивъ приношаху. Тогожде *Ку-* „*пала* бога, или истиннѣе бѣса, и досель по „нѣкимъ справамъ Россійскимъ еще память „держися; наипаче же въ навечеріи Рожде- „сства Св. Іоанна Крестителя, собравшеся „въ вечеру юноши, мужеска, дѣвическа и „женска полу, соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ „зелія нѣкоего, и возлагають на главу и „опоясуюшся ими. Еще же на томъ бѣсов- „скомъ игралищи кладуть и огонь, и окрестъ „его емшеся за руць, нечеспиво ходящъ и „скачущъ, и нѣсни поють, сквернаго *Купала*

„часто повпоряюще и чрезъ огонь преска-
„чуще, самыхъ себе пому же бѣсу Купаль,
„въ жершву приносятъ.“ Подобнымъ обра-
зомъ описывается Купало у С. Димитрія Ро-
сповскаго въ Чешьхъ Миней. Въ Махновскомъ
повѣсть, сходно съ Чернорусцами и Бѣлорус-
цами, дѣвушки вечеромъ закапываютъ въ
землю дерево, украшенное вѣнками подъ име-
немъ *Купалы* и зажигаютъ огни съ пѣніемъ.
Близъ города Бѣлицы на Днѣпрѣ, въ Гомлѣ
тогда поютъ :

У Пана Ивана посередь двора
Стояла верба,
На вербѣ горѣли свѣчи.
Съ той вербы капля упала,
Озеро спало :
Въ озерѣ самъ богъ купался
Съ дѣшками, судѣшками.

Въ Малороссіи, на канунъ сего праздни-
ка, молодые люди обоюго пола купаются въ
рѣкахъ до захожденія солнца, въ сумерки, по-
помъ раскладываютъ огонь на выгонахъ, на
полянахъ, въ садахъ, и попарно, держась
рука объ руку, перепрыгиваютъ чрезъ огонь.
Если во время перепрыгиванія руки не разои-
дутся: ето означаетъ, что епа пара сово-
купится бракомъ. Подобно какъ на Карпатяхъ и

Судешахъ, молодежь препоясавшись цѣпными перевязями и надѣвъ на головы вѣнки изъ цѣшповъ и шравъ благовонныхъ, соспавляющъ вокругъ огня хороводы съ пѣснями въ честь Купалы (208).

Веснянка въ Малороссіи есть оспапокъ *Мараны*, забытый въ Польшѣ и неизвѣстный въ Великой Россіи, гдѣ впрочемъ во многихъ мѣстахъ *кличутъ*, или *закликаютъ*, *весну*. Въ Слободско-Украинской Г. дѣвки пляшутъ съ пѣснями въ Семикъ и Купалу вокругъ *Марены* — чучелы изъ черноклена, одѣпаго въ женское платье. Въ Украинѣ дѣти, нося въ рукахъ ласпочку, сдѣланную изъ дерева, ходящъ изъ дому въ домъ славишь весну (219). Пѣсни же называющся *веснянками*; ихъ поютъ дѣвушки, собираясь по вечерамъ, съ того времени, какъ запоешь овсянка, до Троицы. Въ Черниговской г. *веснянки* начинаются съ Благовѣщенья.

Что въ Великой и Бѣлой Россіи извѣстно подъ именемъ *Радуницы*, то въ Малороссіи называется *Гробками*, кои продолжающся

(208) Опытъ крашкого повѣствованія о древностяхъ Хрістіанскихъ; собрано Пропоіереемъ *Іоанномъ Кутеповымъ*. Москва. 1814. въ 12.

(209) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изд. *Н. Гилдича*. Слб. 1825. въ 8.

при дни, ошъ понедѣльника до среды Ооминой недѣли. Тогда приносящъ на могилки родителъскія всякаго рода кушанье (*страву*) и яицы, кои шамъ капающъ до Юрѣва дни. Поминки, или *проводы*, сопровождающа попойками при церквахъ и пѣснями. Въ Махновскомъ уѣздѣ ешощъ праздникъ извѣстенъ подъ именемъ *бабскаго*.

Троицкая недѣля во всей Малороссіи именуется зеленою, клечальною ошъ клѣчанья, или Мая (210), ш. е. зеленыхъ вѣшвей, *Зелеными святками*, а въ древности *Русальною* (211). Около Спародуба еша седмица слыветъ *Греною*, пѣсни — *гренушками*, или *гренушками*. Въ Малороссіи Духовымъ днемъ называется Воскресенье, чшо у насъ Троица, а Троицынымъ днемъ — слѣдующій за нею понедѣльникъ, въ копорый у насъ празднуется Духовъ день. Въ Черниговской г. въ Новгородѣ Сѣверскомъ ешъ уважаемый народомъ родникъ *Заручейская криница*, или *Сухомлинская*, иначе *родникъ Ярославовъ*, впадающій въ Десну;

(210) Въ Люперовомъ переводѣ Библии, III кн. Моисеевой, 23, ш. 44: *Schmücket das Fest mit Mayen* (вѣшвями древа).

(211) *Карамз.* II. Г. Р. ч. I, прим. 210, II. прим 115. III, прим. 10, 44, 89.

на срубъ епой криницы, на разсвѣщѣ въ Зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидящъ *Криницы*, прекрасныя дѣвицы съ русыми волосами, кои онѣ расчесываютъ. Сии *Криницы* суть Русалки, кои по названію своему опъ *криницы*, или *ручья*, и опъ *русла*, ложа рѣчнаго, предспавляютъ одинакія понятія (212), подтверждая свидѣтельства, выше приведенныя нами изъ Славянскоѣ рукописи XI вѣка, что „рѣки на-рицались богини и звѣри, живущіе въ нихъ „почищаемы были богами, коимъ приносились пребы.“ — Огни, видимые на многихъ древнихъ курганахъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, по мнѣнію суевѣрныхъ поселянъ, разводятся Днѣпровскими Русалками, чшобы привѣшнымъ сѣпшомъ заманишь спранниковъ къ крупизнамъ и низвергнушь ихъ въ пучины Днѣпровскія (213). Въ одной старой пѣснь Русалка загадываетъ загадку: *Ой щъ росте безъ кореня?* — и сама разгадываетъ подобно Линнею: *Камень росте безъ кореня.* Вообще Украинцы думаютъ, будто въ Русалокъ, или Мавокъ, превращаются дѣши, умершія

(212) Отечественныя записки П. С. Спб. 1828, Апрель.

(213) Одесскій Альманахъ. Одесса. 1831. 12.

безъ крещенія; и будпо злые души похищаютъ души сихъ младенцевъ, давая имъ свободу являться полько въ день Сошеспвїя Св. Духа и въ Троицынѣ. Такихъ младенцевъ хороняшъ въ Кіевской г. въ Махновскомъ повѣшѣ подь фигурую (кресномъ) на раздорожіи (перекресткѣ). По народному мнѣнію; души ихъ черезъ семь лѣтъ уносятся на воздухъ и просяшъ себѣ крещенія при разѣ. Если кто услышишъ ешошъ зовѣ и подасшъ имъ св. крещеніе, говоря: *Я тебя крещая Ивана и Марья со имя Отца и Сына и Святаго Духа;* тогда сїи души возьмутся Ангелами; а въ прошивномъ случаѣ дьяволами. По сказаніямъ суевѣрныхъ поселянѣ, въ глубокую полночь Мавки о Троицынѣ двѣ бѣгаюшъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, поюшъ, хохотушъ, хлопаюшъ въ ладоши и мяукаютъ на подобіе кошекъ: отъ чего онѣ и получили свое названіе. Въ *Клецальную субботу* на-канунѣ Духова дня, бѣгая по ржи, они бьютъ въ ладоши и кричатъ: *Бухъ, бухъ! соломенный духъ! мене мати народила, некрещену положила.* Въ *Горобинья* (воробинья) ночи бываюшъ *свадьбы* и *танцы Русалокъ* (214); тогда поселяне

(214) Малороссійскія пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ. М. 1827. въ 16.

не купаюся въ рѣкахъ и не ходящъ поодиначкѣ въ поле и лѣсъ, чѣобы *Мавки не защекотали* (залоскопали) или не закачали. Мущины и женщины наканунѣ ешихъ дней запасаются зорею и полынью, какъ предохранительными средствами противъ нападенія Русалокъ (215). Въ Малороссіи, въ Троицынъ день приносятъ въ церковь оханку зори, калуфера, мяшы и кадила (*chamaeritys*), которая связывается веревкою, а въ срединѣ спавишся пройная свѣча, называемая *Троицею* и горящая въ продолженіе обѣдни: sprawy сіи храняшся дома для лѣченія опъ разныхъ болѣзней, а пройная свѣча даешя въ руки умирающему при последнемъ издыханіи. Въ Малороссіи, Духовъ и Троицынъ дни почно праздники духовъ: впрочемъ шамъ шакже завиваюшъ и развиваюшъ вѣнки въ Троицкую недѣлю, на коей поюшъ:

Ой завью вѣнки, да на всѣ свяшки!

Ой на всѣ свяшки, на всѣ празднички,

Да рано, рано на всѣ празднички!

Мы уже сказали выше о сборищѣ вѣдьмъ на Ивановъ день въ Кіевѣ на Лысой горѣ,

(215) Исторія Малой Россіи, соч. *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго*. ч. 2. Москва. 1830. въ 8.

для совѣщанія ; въ сію-шо ночь они собираютъ вѣдемскія шравы , снимаютъ съ неба звѣзды и держатъ ихъ въ кувшинахъ на погребяхъ : въ Малороссіи также вѣрятъ , что кому посчастливилося сорвать цвѣтъ папоротья (папоротника , кочедыжника) въ Иванову ночь , шопъ найдесть кладъ.

Какъ въ Бѣлоруссіи , Гродненской и Виленской Губерніяхъ , Бѣлостокской области день Св. Бориса и Глѣба почиается праздникомъ *Паликоны* , такъ на Волинѣ Ранталеона Мѣшеніка , а въ Малороссіи день *Палея* , ш. е. Св. Пантелеймона : ешопъ день проводится въ праздности изъ опасенія , чшобы 'за нарушение оной не спалились молніею копны хлѣба и сноги сѣна. —

Въ Малороссіи извѣстно и *Бабыно лѣто* , которое въ Богеміи , по свидѣтельству Юнгманова Словаря , называется также *Rawicj léto* , паупинное лѣто , опъ коего и поговорка : *Babj léto lĵta* , бабье лѣто лепашеть . см. стр. 85 и 143. Въ Кіевѣ *жешить Семена* значить у ремесленниковъ : начинаютъ работашать при свѣчахъ вечера съ *Семена дни*.

Въ Малороссіи празднуется какъ весенній , такъ и осенній *Юрьевъ день* (26 Ноября) ; ибо и праздникъ церковный въ честь освященія храма Георгія на злшпыхъ врашпахъ установленъ въ

Кіевъ въ подражаніе Греческому. Тамъ упопрѣбшелень былъ законный обычай перехода крестьянъ отъ помѣщика къ помѣщику и поговорка: *Отъ тыбѣ, бабо, и Юрьевъ день* (216).

Тамъ бывають также земледѣльческія празднества: *Дождышки*, послѣдній день жатвы, *Оборки*, остальныи день оранія, *Досѣвки*, послѣдній день сѣянія, и *Толоки* съ играми и забобонами. *Масляница*, у Сербовъ *бѣлая недѣля* (217), въ Малороссіи не въ такомъ уваженіи, какъ въ Великой Россіи: тамъ не капаяшся на горахъ; а только ѣдятъ блинцы и вареники и пьютъ горѣлку.

Въ Кіевской г. такъ же, какъ въ бѣлой и черной Руси, *праздникомъ* преимущественно называется пошъ день, въ которыи заложена церковь: онъ опправляется прихожанами съ большимъ шоржеспвомъ, льпомъ при церкви, а зимою въ домахъ церковнослужителей. На етомъ праздникѣ, слывушемъ и шамъ *канономъ*, а въ Черниговской г. *Братчиною*, пьютъ медъ вареныи. *Вечерницами* и *Досѣтками* въ Малороссіи называются сходбища въ одну хапу въ осеніе и зимніе вечера; шамъ работаютъ, поютъ, играютъ, *жартуютъ* (шупяшъ) и *женихаютъ*.

(216) Рускіе въ своихъ пословицахъ, Москва кн. IV.

(217) Енциклоп. Лексиконъ, Спб. т. VII.

Ограничиваясь въ епомъ сочиненіи только проспонародными праздниками въ Великой Россіи, замѣшимъ, что одни изъ нихъ общіе, о коихъ выше упомянули, другіе мѣстныя, произпекшіе изъ духа вѣрованія, нравовъ и мѣстности пуземцевъ, копорые вѣрояпно чеспвовали свои опечеспвенныя божеспва, каковы въ однѣхъ странахъ были Ярило, въ другихъ Волось и ш. д. — Общіе праздники, по мѣстамъ извѣспные подъ различными названіями, являясь тамъ въ особенныхъ формахъ, перѣдко соединяются съ особенными обрядами, или смотря по климату страны, отправляются ранѣе или позднѣе.

Что разумѣютъ подъ именемъ *Коледы* въ Чермной, Черной, Бѣлой и Малой Россіи, такъ равно и у другихъ Славянскихъ племенъ, то въ Великой Россіи называютъ обыкновенно *Святками*, *Святými вечерами*, а въ Новгородской Г. *Кудесами*, *Окручаньемъ*, въ Псковской *Субботками*. Однако Коледа вспоминается на Поволжьи; въ Костромской и Ярославской Г. поютъ: *Шла Коледа изъ Новгорода* и пр.; что свидѣтельспвуетъ о переселеніи обычаевъ изъ вольнаго города при Иоаннахъ III и IV. Въ Муромскомъ уѣздѣ, и въ нѣкопорыхъ мѣстахъ Рязанской Губ., съ Коледою воспѣвается *Таусень* или *Авсень*. Тамъ

же въ Чухломѣ, о Свяпкахъ ребяпишки слѣдующею пѣсней напоминають западный праздникъ *трехъ Королей*:

Двоимъ, проимъ,

Давно споимъ:

Пожалуйте копыще;

Вамъ спасенье,

Намъ прибыльвѣ.

Пожалуйте *Королю* и п. д.

Въ Тульской Г. по селамъ 1 го Января бываетъ *застѣвъ*; подобно Малороссіанамъ, крестьянскія дѣши ходять по избамъ съять изъ рукавицы зерны хлѣба яроваго, кой собираются спарухами и берегутся до посѣва осенняго. — *Соботка*, знакомая Полякамъ, Силезцамъ и Чехамъ, извѣстна также и поселянамъ по рѣкѣ Лугѣ, текущей изъ болотъ Новгородской Губерніи въ С. Петербургскую (218). По Волхову знаютъ сіе игрище подъ названіемъ *Коккуя*, см. выше стр. 90. Въ старой Ладогѣ при рѣкѣ, впадающей въ Волховъ, на горѣ Побѣдищѣ, по свидѣльствію Ходаковского, епо купальскде ликованіе ежегодно совершается въ Ивановъ день при огнѣ, который добываютъ посредствомъ тренія дерева обѣ

(218) Исторія Малой Россіи, соч. Д. Н. Баттышъ-Каменскаго. ч. 2. Москва, 1830. въ 8.

дерево, называя его въ поѣ споронѣ *жисымѣ* огнемъ, *Царь-огнемъ* и *Коккуемъ*.

Въ Переславль-Залѣскомъ ярмарка, бывающая въ день Агриппины, по проспорѣчю Купальницы, слыветь въ народѣ *Купальницею*. *Пванъ Купало*; празднуемый ошъ Днѣпра до Нѣменя, между чернью называется *Ярилою* въ Ярославской, Тверской и Рязанской Губерніяхъ.

Въ Коспромской Г. недѣли съ Божоявленъева дня до Масляницы у креспяндъ, называющяся *свадебными*; попому что они всегда около ешого времени играютъ свадьбы. Отъ ешого же въроапно и Февраль въ лѣпописяхъ означенъ *Свадьбами* (219).

Красная горка, споль извѣспная въ Беликой Россіи и по празднеспву оной въ опредѣленное время и по многимъ урочищамъ, означаетъ мѣспю и время: въ Смоленской Г. именуется *Толпищемъ*, и напоминаетъ древнее Славянское *Стадо*. Въ однихъ краяхъ *Горкою* называется гулянье на Свяпой недѣлѣ; въ другихъ въ Юрьевъ день; но вездѣ Красная Горка почитається временемъ свадебъ и сопровождается бываещъ *кликаньемъ весны*, какъ первый весенній праздникъ, съ коего, по большей части, начинаютъ *играть въ*

(219) *Карамз. И. Г. Р. V, прим. 222, 386.*

зорьки, а когда стануть распускаются листья на деревьях — играть хорородами. Семикъ, или семицкѣй чепвергъ, праздникъ погребенія убогихъ и завиванія вѣнковъ, въ Вологдѣ называется Поляною отъ мѣстоположенія, гдѣ была, по преданію, могила двухъ чудесныхъ витязей *блгоризцевъ* (220). Позорищемъ Семика бываетъ кладбище и роца. Всесвятское заговѣнье извѣстно въ Костромѣ и Твери подъ именемъ *Ярилы*, въ Нерехтѣ — *Кошюковки*, а въ Ярославлѣ — *Солонины*. — *Бабье лѣто* въ однихъ мѣстахъ начинающъ съ 1го Сентября, или Семена дни, въ другихъ съ 8го Сентября, или съ Рождества Богородицы; оно слышеть въ Саратовской и Пензенской Губерніяхъ *Пасиковымъ* днемъ отъ уборки ульеи, въ Ярославской и Вологодской Губерніяхъ *Луковымъ* днемъ отъ сниманія съ грядъ лука и чеснока, въ Рязанской *Аспосовымъ* и *Спосовымъ*, вѣроятно, отъ *Спаса* или отъ другаго неизвѣстнаго досель слова. Въ селеніяхъ Тульской Г. подъ Великъ день жигтели *заклинають морозъ*, губителя овса, льна и конопель. Поселянинъ беретъ ложку киселя и просунувъ голову въ волоковое окно; говоритъ:

Морозъ, морозъ!

Приходи кисель ѣсть.

(220) Вѣстникъ Европы, 1814, № 14.

Морозъ , морозъ !
Не бей нашъ овесъ ,
Ленъ , да конопля
Въ землю вколопи !

Окончивъ пакія слова, онъ оборачивается въ избу, гдѣ окачивается его водою смаршая изъ женщинъ.

Въ Галицкихъ мѣстахъ и въ Тверской Г. послѣднее воскресенье , называемое шамъ прощальнымъ , а въ Сибири Цѣловникомъ , молодежь проводитъ въ капаньи по улицъ , одѣляетъ пряниками окликальщиковъ , кошорые носятъ въ рукахъ вѣтви еловаго дерева. Ешо окликанье и вѣтвь означаютъ богатую и роскошную жизнь; ель ставятъ также на дворъ у хозяевъ , копорые еще болѣе угощаютъ окликальщиковъ , возглашающихъ : *О Лелё ! О Лелё ! Прощальнымъ , или Цѣловникомъ* Воскресенье ешо наименовано потому , что предъ наступленіемъ Великаго поста цѣлуются со всѣми въ знакъ Хрістіанскаго примиренія и ходятъ на кладбище прощаться съ усопшими родственниками. Тамъ же въ Оомину недѣлю , именуемую *Радоницами* , гуляетъ народъ послѣ полуночи и до свѣта , распѣвая подъ окнами : *Юница , молодца , подай лицо въ перелезу !*

Тогда подають парнямъ вино , пиво , ладышки , казанки , а дѣвкамъ пряники и красныя яица. Епoпъ Юнецъ или Выюнецъ упоминается въ 25 вопросѣ Спoглава : „и на Радоницѣ „Выюнецъ, и всяко в нихъ бѣсованіе.“

Изъ мѣсныхъ праздниковъ въ Россіи извѣстенъ въ Вятской Губерніи подъ названіемъ *Свистопляски*, копорый совершается ежегодно въ четвертую субботу послѣ Пасхи, на помѣ мѣстѣ, гдѣ въ 1480 г. Вятчане подѣ предводителѣшвомъ Михаила Рожухина, сражаясь ночью съ союзниками своими, Успюжанами, по невѣденію, побили ихъ девять тысячъ (221). Послѣ панихиды въ часовнѣ, въ день Свистопляски продаются разныя закуски и дѣлаемыя нарочно для сего праздника глиняныя куклы, свистки и шарики, коими бросають другъ въ друга, спановясь по обѣ стороны рва, и свистятъ. Липовская *Swistoplaska* описана въ Виленскомъ Денникѣ. — Въ верстахъ семи отъ Вологды, по Архангельской дорогѣ естъ въ лѣсу на полянѣ могила война Аники, на копорую прохожіе кидаютъ сломленныя вѣпки деревь. Отъ

(221) Записка Преосвщ. Кирилла, бывшаго Епископа на Вятскаго, а нынѣ Архіепископа Брацлавскаго.

ешого шамъ накопляется большой ворохъ , который сжигается въ одинъ лѣтній день со бравшимся народомъ. На ешомъ сходбищѣ ѣдятъ блины и гуляютъ. — Предъ Троицынымъ днемъ , въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской Губерніи , бываетъ народный праздникъ *Маргосте* , во время коего одна кума къ другой ѣздитъ на мешлѣ и угощаются пирогами. Орловской и Тульской Губ. , въ ешожь время бываетъ извѣстное и въ другихъ мѣстахъ крещеніе кукушекъ , которое состоитъ въ томъ , что въ роцѣ избранные кумъ и кума надѣвъ крестикъ на ппичку кукушку или на правку погожь имени , кладутъ ихъ на разостланный плапокъ , садятся вокругъ его , мѣняюща крестами своими , цѣлуются и съ прочими подругами ѣдятъ яшницу и поютъ пѣсни. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ , въ *Савинь городкѣ* , въ Троицкую субботу служатъ молебны на ржаномъ и яровомъ поляхъ , а потомъ вплоть до ночи поютъ и пляшутъ въ честь Ярилы.

Въ Муромѣ , въ первое воскресенье послѣ Троицына дня бываетъ гульбище для погребенія *Костромы* , во Владимірѣ для погребенія *Лады* , а въ Твери недавно прекратился праздникъ погребенія *Ярила* , совершавшійся 24 го Юня близъ Трехъ-свящскаго сада.

Въ епомъ же краю съ перваго Воскресенья послѣ Пешрова дни начинаются гулянки, называемыя *Петровками*, кои продолжаются по первый Спасъ. Въ Рязанской Губерніи, въ Скопинѣ, съ понедѣльника Русальной недѣли до самаго заговѣнья, съ вечера до ночи дѣвки и женщины водяшь хороводы змѣйкою, держась за конецъ плапка и припѣвая: *Лелій, лелій, лелій зеленый, и Ладо мое!* — Въ Пензенской и Симбирской Г. въ Духовъ день дѣвки выбираютъ изъ себя одну, нареченную *Костромою*, кладуть ее на доску, на коей несуть ее на рѣку, гдѣ сложишь ее, купають другъ друга въ рѣкѣ; потомъ сдѣлавъ изъ лубка барабанъ, подъ звукомъ его, возвращаються, домой и, нарядясь, выходятъ на улицу играють въ хороводы до вечера. Сія мнѣическая или символическая *Кострома* извѣстна и въ другихъ краяхъ Россіи.

Въ Воронежской Губерніи на берегу озера Горохова, соединяющагося съ Дономъ, спривали жипели села Горохова, подъ Троицынъ день, какъ гласить преданіе, на полянѣ шалашъ, украшали его вѣнками изъ цвѣшовъ и душистой зелени — внутри спали на возвышенномъ мѣстѣ болвана изъ

дерева или соломы, одѣшаго въ богатое мужское и женское платье. Около шалаша собирались тамошніе жители, принося съ собою отборную пищу и питье, и составляли около шалаша хороводы, плясали, пѣли пѣсни и пировали сколько душъ было угодно. Въ Воронежѣ, такъ какъ и въ другихъ краяхъ Россіи, молодыя дѣвушки, особливо низкаго состоянія, на Троицынъ день собирались къ какой нибудь изъ подругъ своихъ *завивать вѣнки*, а на другой день *сходились разивать*. Обыкновенный приѣвъ въ пѣсняхъ при епомъ праздникѣ, или лучше сказанъ, съ самаго открытія весны до 25 Іюня, есть: *Ладо, диди и Ладо*. Въ Орловской Г. есть обыкновеніе *молить каравай* въ Троицынъ день, которое состоитъ въ томъ, что готовится одинъ общій каравай для стола, а другой для рощи, куда съ нимъ послѣ обѣда отправляется гулять и завивать вѣнки. Въ Псковской Губерніи пучками цвѣтень, съ коими спояли обѣдню и вечерню въ Троицынъ день, обмешаютъ молитвы родительскія; епо называется: *глаза у родителей прощать*. — Въ Воронежѣ отправлялось, до Тихона I, ежегодно предъ заговѣнемъ Пелрова поста буйное игрище, имъ уничтоженное 1763 г., въ честь Яри-

ла, копорый, по словам сего Архипастыря, „въ сихъ странахъ за бога почиаемъ „быль, пока еще не было шамъ Хрістіанскаго благочеснія.“ Епо игрище соединялось съ плясками и пированьемъ, пакже съ кулачными боями, на коихъ случались и смертоубійства и жестокія увѣчья (222). Въ Кинешмѣ до нынѣ совершается празднество въ память Ярилы о заговѣнѣ Всесвятскомъ. — Въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской Г. проспой народъ около Петрова дни спекается на поклоненіе двумъ камнямъ, какъ на могилы родителей, послѣ молебна въ церкви Божіей Матери Умиленія. Сіи камни, коимъ приписывается суевѣрами чудодѣйственная сила, называющіяся *Баши* и *Башиха*; одни ихъ почипають за мужчину и женщину, а другіе за супруговъ, иные за кума и куму, или за богатырей, превращенныхъ въ камень. Въ городѣ Тюменѣ Тобольской Г. въ десятое воскресенье послѣ Пасхи бывалъ за бѣлымъ городищемъ праздникъ *Ключь* (223), начинаемый водосвященіемъ и оканчиваемый гуляньемъ, борьбою и пѣснями; нынѣ предаешся онъ забвенію.

(222) Описаніе жизни и подвиговъ Преосвящ. Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго, сочин. *Митрополита Кіевскаго Евгенія*. изд. 2. М. 1820, въ 8.

(223) Сѣверная Пчела. 1827, № 24.

У нынѣшней Мордвы, попомковъ Росповской Мери, переселившейся за Оку и смѣшавшейся съ Мордвою во время крещенія земли Росповской, донинѣ лѣпомъ совершается языческій праздникъ въ честь Велеса подъ названіемъ *Вель - Оскъ*; а близъ Нерехты, также Мерянскаго поселенія, среди рѣки Нерехты лежишь чудный камень, похожій на большую бочку съ обручами. Простолюдины вѣряшъ, что кто осмѣлился брать воду близъ епюго камня, тошъ впадетъ въ сумасшествіе. Какъ мы замѣтили выше, что Мера поклонялась Велесу подъ видомъ камня; по сіе даешъ поводъ почитать епюшъ камень за Велеса (224). Въ Шенкурскѣ и Верховажѣ, начиная опшъ самаго Рождества цѣлую недѣлю ходяшъ парни по домамъ, такъ какъ въ Малороссіи, со звѣздою, которая дѣлается изъ бумаги въ аршинъ величиной и освѣщается свѣчею. Тамъ хождение съ такою звѣздою и пѣніе *виноградья* называется вообще *Коледою*. Въ Бабьѣ лѣтѣ, въ Серпуховѣ на полѣ дѣвушки и молодцы съ плачемъ торжественно хороняшъ мужъ въ гробкахъ, вырѣзанныхъ изъ моркови и свеклы. Тогда женихи смотряшъ себѣ невѣстъ: что бываетъ

и въ другіе праздники и ш. д. см. снр. 32. Въ Новгородъ, Москвѣ и другихъ городахъ, въ недѣлю предъ Рождествомъ Хрисповымъ, совершались обрядъ *Пещнаго дѣйствія*, родъ сценическаго представленія, какія бывали и въ Римской церкви (225), въ Вербную недѣлю обрядъ *хожденія на ослати*, а 1 Сентября чинъ *льтопровожденія*.

Въ Осташковѣ, по воскресеньямъ бываетъ вечернее гулянье, извѣстное тамъ подъ именемъ *Беззаботной площади*. Въ Цывилъскѣ сборища двѣицъ на веселье называющіяся *Холками*. Во всей почти Россіи празднуются *Пятницы*, соединенныя съ мѣстными торгами, или ярмарками. *Пятница* именуется *временною*; попому что день С. Параскевы, 28 Октябрю, временно приходится въ пятокъ. Въ Кинешемскомъ округѣ торжествуется *Обжорная Суббота*, а въ Бувескомъ *Обжорная Пятница*, на прѣпней недѣлѣ Великаго поста, когда зяпья шеспей и шещей угощаютъ киселемъ съ масломъ, копорый привозится шуда обыкновенно въ гробкахъ. Въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ, по Ватъ простой народъ ежегодно отправляетъ праздникъ въ пятокъ первой недѣли Пепрова поста *Девятой Пятницѣ*, или въ честь С. Параскеви, нареченной *Пятницѣ*, особенно у

древней часовни въ пяти верстахъ отъ Верховажья; куда бываетъ изъ церкви крестное хожденіе; сопровождаемое множествомъ народа изъ окрестностей. За молебствіемъ слѣдуютъ пиршество и игрище; тамъ дѣвки и парни составляютъ два круга, кои поспоявъ нѣсколько времени въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, потомъ сходясь вмѣстѣ и попарно дѣвки съ парнями бѣгаютъ въ запуски; на бѣгу стараются разорвать ихъ чету дѣвка или парень, у которыхъ нѣтъ пары. Эта игра тамъ называется *Полукрестомъ*.

Въ Пермской Губерніи, въ селѣ Обыченскомъ; въ *Ильинъ день*, по свидѣтельству Лепехина, убиваютъ въ складчину быковъ и телятъ, а въ *Прокопьевъ день* — барановъ, коихъ съѣдаютъ всею міромъ. (226).

Приходскіе праздники какъ въ Великой Россіи, такъ равно и въ Бѣлой, сопровождаются общимъ гостепримствомъ и весельемъ, которое продолжается обыкновенно при дни. Около Галіяча и Буя, на монастырѣ, въ приходскіе праздники угощаютъ прихожанъ и пришлыхъ кашницей, варенымъ мясомъ и пивомъ; это

(226) *И. Лепехина Дневныя Записки*. Спб. 1768 — 69. ч. I. въ 8.

пѣнь называется: *угощаться у праздника*. Самая поговорка на нашей улицѣ *праздникъ*, выражаетъ всю полноту удовольствія и шоржесство, какое доставляетъ поселянину его праздникъ, приносящій ему отдыхъ отъ трудога, разгулъ и веселье въ жизни. Если ближе и глубже вникнуть въ народную, жизнь развившуюся на разныхъ полосахъ сѣверо-восточной Россіи: по, въроятно, откроемъ еще болѣе мѣстныхъ повѣрій и обрядовъ древнихъ, смѣшанныхъ и новыхъ, а въ нихъ духъ народа, оплившійся пѣнь въ разныхъ формахъ. Такое разнообразіе повѣрьевъ и обычаевъ подтверждаетъ и самая пословица народная: *Что городъ, то норевъ* (нравъ, обычай); *что деревня, то обычай; что подворье, то поспрье*.

Въ епомъ сочиненіи мы ограничиваемся только праздниками и обрядами Великой Россіи, кои здѣсь при общемъ обзорѣ разсматриваемъ сравнительно съ другими, съ нею сходными по внѣшности или сущности; въ слѣдующихъ книжкахъ предложимъ каждый праздникъ особенно съ его подробностями и съ относящимися къ нему пѣнями.

§ 6. По отношенію къ мѣсту, народные праздники также могутъ быть разделены на *сельскіе* и *городскіе*. Въ Древности,

въ эпоху языческую они не имѣли такого различія; въ первые же вѣка, при постепенномъ переходѣ Языческаго къ Хрістіанской вѣрѣ въ Россіи; они спали различья своимъ содержаніемъ и цѣлю, кои измѣнялись въ эпохи наращенія: Греческую, Восточно-Европейскую или Азіатскую и Западно-Европейскую.

Религіозные древніе праздники и обряды изпекши изъ внутренней, семейной жизни; развились и образовались вмѣстѣ съ развитіемъ и образованіемъ общества, сперва въ селеніяхъ, потомъ въ городахъ, гдѣ празднества, сопряженные съ торговлею, судьбищемъ и гостепріимствомъ, служили средствами къ соединенію не только единоплеменныхъ, но и къ сближенію съ разноплеменными народами. Выше приведенное нами мѣсто изъ опечеченнаго лѣтописца — *игрища межю селы* — доказываетъ, что онѣ начались вмѣстѣ съ началомъ общинъ, когда удовлетворены были главные потребности жизни. Поэтому вѣроятно, что селы имѣли свои средопочія, гдѣ бывали *пребища*, *мольбища*, *игрища*, *призница*. *Погосты* и *городища* составляли такое средопочіе, гдѣ, въ назначенное старѣйшинами селеній время, собирались *мужи* и *жены* для совершенія богослужебныхъ обрядовъ, кои сопровождаемы были играми и пѣснями; сходство

шѣхъ и другихъ предполагаемъ сношеніе между епими разсадниками народонаселенія и богослуженія. На игрищахъ Вяпичи, Радимичи и Сѣверяне, по сказанію нашего лѣтописателя, „умыкаху жены себѣ, с пѣю „же кпо совѣщавашесь.“ Подобная игра донынѣ существуетъ на Сѣверѣ: играющіе раздѣляюцца на двѣ спороны, изъ коихъ каждая поетъ попеременно и одна изъ нихъ беретъ у другой *дѣвицу* за выкупъ *перенятыхъ* ею коней (227).

Хотя лѣтописцы наши и не говорятъ о священныхъ обрядахъ и празднествахъ въ честь боговъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, кромѣ благодарственной жерпвы выбраннымъ по жребію Варягомъ при Владиміръ I и торжественной кляпвы Перуномъ и Волосомъ; однако упоминающъ о *позорахъ*, *игрищахъ*, *русальяхъ* и *тризнахъ*, кои принадлежали къ обрядамъ древняго вѣрованія и совершались какъ въ селахъ, такъ равно въ городахъ и пригородахъ.

4 Когда жь Хрістіанская вѣра съ X вѣка стала вытѣснятъ изъ городовъ обряды и праздники древняго народнаго Язычества: тогда шамъ съ переменною образа мыслей и

(227) Краткое обозрѣніе Мифологіи Славянъ Россійскихъ. Москва. 1815. въ 8.

жизни они обратились въ обыкновенныя гулянья и капанья, сдѣлались гражданскими увеселеніями, съ коими соединяемы были другія чувствованія, другія мысли. Между шѣмъ древнія повѣрья и завѣщныя обычаи укрывались въ колыбели своей — въ сельскихъ приютахъ, гдѣ они зачались, родились и возмужали вмѣстѣ съ вародноспію: тамъ они нашли себѣ приволье и разгулье на поляхъ и лугахъ, въ лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ, на горахъ и на улицахъ селеній. Приурочками ихъ служили лѣтнее и зимнее солнцестояніе, прилепаніе и оплешаніе пшницъ, развершываніе и паденіе липшьевь древесныхъ, замерзаніе и вскрытіе рѣкъ, начало и окончаніе полевыхъ работъ, кои смѣнялись днями покоя и веселья, посвященными на совершеніе праопеческихъ обрядовъ по преданію и по привычкѣ. Забвеніе или нарушеніе завѣщныхъ обычаевъ почипалось у просполюдиновъ преступленіемъ, за коимъ по ихъ мнѣнію, неминуемо слѣдовала напаснь: по етому исполненіе сихъ обычаевъ сдѣлалось необходимоспію. — Въ городахъ нерѣдко древніе обычаи замѣняемы были новыми, чужеземными. Въ Хрістіанскую эпоху Государями и Духовенствомъ давались народу праздники по случаю важнѣйшихъ событій. Выше сказали о шоржеспвахъ по освященіи церквей и о

праздникахъ приходскихъ. О пирахъ народныхъ при В. К. Владимірь І въ Язычесіивъ и Хрістіанствѣ упоминаютьъ льпописи наши и старинныя пѣсни :

Во славномъ городѣ Кіевѣ ,
У Князя у Владиміра ,
У солнышка Свяпославича ,
Было пированіе почетное ,
Почетное и похвальное
Про Князей и про Боярь ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей ,
Про всю поляницу удалую, и пр.

Хлѣбосольный В. К. Владимірь , по сказанію Макарьевской Минеи , „памяши „святыхъ въ церквахъ шворяше пѣніемъ и „молишвами , и праздноваше свѣтло праздники господскія : и при прапезы поспавляше , первую Митрополішу съ Епископы , „и съ черноризцы и съ поцы , вшорую нищимъ и убогимъ , прешью себъ и бояромъ „своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ.“ Великій Князь Владимірскій Конспаншинъ Георгіевичъ , по освященіи въ Ростовѣ церкви Св. Бориса и Глѣба , сотворилъ пиръ для угощенія народа и роздалъ милосшыню. Изъ Печерскаго Паперика видно , что брашя Печерскаго монастыря вкушали прапезу въ

обишели Св. Димитрія въ храмовый праздникъ и объдали съ боярами въ Вышгородѣ по случаю праздника перенесенія Св. мощей Бориса и Глѣба; для нихъ же было въ самомъ монастырѣ учрежденіе велие. Князья Святославъ и Всеволодъ, по изгнаніи Изяслава изъ Кіева, приглашали къ себѣ Св. Θεодосія на объдѣ (228). Такія учрежденія бывали въ лаврахъ и другихъ монастыряхъ, гдѣ въ храмовые праздники безмездно угощали богомольцевъ, какъ видно изъ Испоріи Россійской Іерархіи. Со времени Всероссійскихъ Митрополитовъ, по образцу Византійскихъ церемоній (229), въ Москвѣ, въ день Успенія Богоматери донинѣ даешся въ Крестовой палатѣ объдѣ, слывущій Царскимъ. Въ Древности Государи и вельможи шворили пиры монахамъ, гдѣ иногда забывались усшавы воздержанія и приличія, какъ явспвуетъ изъ слѣдующихъ словъ Митрополита Іоанна:

„Иже в манасшырехъ часпо пиры шворяшъ,
 „сзываетъ мужа вкупъ и жены, и в шѣхъ
 „пирѣхъ другъ другу преспѣвающъ, кто лучи
 „шворишъ пирь. И оже сихъ шворяшъ и собв

(228) Карамз. И. Г. Р. III, прим. 80.

(229) *Constantini porph. de cerimoniis aulae Byzantinae*, Lipsiae, 1754. f. cap. 52. — Древняя Росс. Визліювика. ч. VI.

„иже с ними пьюшъ черенци и съ чернчъ
 „погубляюшъ, и мвѣшъ, чпо добро шворяшъ
 „нищелюбія (230)“.

Древняя Исторія свидѣтельствуетъ намъ,
 чпо Государи, по случаю знаменитыхъ по-
 бѣдъ, славнаго мира, полезнаго союза и дру-
 гихъ великихъ событій, дѣлали народу празд-
 нества и угощенія. Такъ Царь Давидъ при
 шоржественномъ перенесеніи кивоша во градъ,
 „раздалъ ошъ мужа даже до жены коемуждо по
 „укруху хлѣба печенаго и по часпи печенаго
 „мяса и по сковрадному млину (231)“.

Въ опечественныхъ лѣтописяхъ встрѣ-
 чающся примѣры народныхъ обѣдовъ, ка-
 кіе давали Великіе Князья. В. К. Влади-
 мѣрь I далъ народу свѣплый праздникъ
 послѣ спасенія своего ошъ Печенѣговъ:
 „швори праздникъ великъ, варя 40 про-
 „виръ меду и съзываше боляры своя и по-
 „садники, шарфѣшины по всѣмъ градомъ и
 „люди многи, и раздая убогимъ 40 гривенъ.“
 Въ 1148 г. В. К. Изяславъ Мстиславичъ сдѣлалъ
 великолѣпное пиршество народу на Городищѣ,
 по прибытіи своемъ въ Новгородъ, гдѣ внукъ

(230) Рускія Достопамятности, ч. I. М. 1815. 8.

(231) II Царствъ, VI, 19. Млинъ поже что блинъ.

Мономаховъ веселился съ народомъ, какъ отецъ съ дѣтьми. Въ 1195 г. В. К. Рюрикъ Роспиславичъ и сынъ его Роспиславъ Бѣлогородскій съ Кіевлянами дали пирь Князю Давиду Смоленскому, копорый угоспилъ шамъ не только Князей, но и Берендѣевъ, Торковъ и даже самыхъ чернецовъ и нищихъ (232). Княжескіе сѣзды оканчивались пиршесствами. Послѣ взятія Казани, Царь Іоаннь Васильевичъ, 1552 г., сдѣлалъ пиршесство воинству, народу, Духовенству и Савовникамъ. Пешръ I праздновалъ съ народомъ свои побѣды. По образцу вѣнчанія на царство Греческихъ Императоровъ, издревле Россійскіе Государи по совершеніи сего священнаго обряда давали народу праздникъ, на коемъ угощали его. Въ чинѣ и поставленіи на царство Царя Алексія Михайловича 1646 г. значится, что „все царскѣй „трапезѣ пріемники бывающѣ, пиру же зѣло „честну и велику сошеоряему новымъ Царемъ—и все люди весели бывающѣ, и мнози „и честніи дарове отъ Царя износятся (233)“. Извѣстно, что и донинѣ въ день коронованія своего Государи Россійскіе даюць на-

(232) Опытъ трудовъ Вольнаго Росс. Собранія, ч. I. Москва. 1774. 8.

(233) Карамз. И. Г. Р. III, стр. 187 и прим. 331.

роду праздники съ разными пошѣхами, или какъ говоривша, *пирѣ на весь мѣръ*—*пирѣ горой*.

Такимъ образомъ городскіе, или гражданскіе праздники приняли совсѣмъ другой характеръ, происпекая изъ новыхъ, болѣе иноземныхъ испочниковъ; чпожь касается до сельскихъ народныхъ праздниковъ, шо они еще удерживающѣ оспашки древняго своего характера; пошому чшо бышѣ поселянина донынѣ мало измѣнился въ сущеспвѣ своемъ.

На погоспахъ и доселѣ въ праздники бывающѣ сборы или шорги, на кои спекающся госпи изъ сосѣднихъ весей и селеній. Самое слово *погостѣ* значившѣ округъ нѣсколькихъ деревенскихъ дворовъ, приходы, шоже чшо прежде извѣсно было подъ именемъ *вервь*, упоминаемомъ въ Руской Правдѣ (234), шакже бѣлую землю вокругъ церкви, и кладбище или буйвище, какое почши всегда бываешѣ въ концѣ селенія. До XVI вѣка Новгородъ и Псковъ раздѣлены были на погоспы, шакъ какъ Сербія на жупанства. *Погостѣ* сроденъ въ Греческимъ *πάρος* холмъ, деревня, и съ Латинскимъ ра-

(234) Руская Правда, изд. А. Шлецера. Слб. 1767. въ 8. — Въ Славеноросскомъ Лексиконѣ Памвы Беринды гробъ и гробище толкуешся *жупище*. Чшо у Сербовъ было *жупа* (Зупа, Журра), по замѣчанію Князя М. А. Оболенскаго, шо у Рускихъ погоспѣ, какъ средоточіе селенія или волости.

gus (235), отъ коего произошло и paganus (ιδιώτης, κομτικός) поганый не только по производствѣ, но и по знаменованію. При введеніи въ Римской Имперіи Христіанской вѣры, язычники и идолопоклонники обыкновенно назывались pagani (236); попому что они укрывались въ лесахъ, селахъ (in pagis) и тамъ на привольѣ совершали запрещенныя законами обряды Язычества. Отъ етого paganus значить также сокровенный, тайный (237). Конспаншинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ (238), что у Славянъ слово *παυάνοι* употреблялось для означенія *некрещенныхъ деревенскихъ обывателей*. Вѣроятно, оно въ етомъ смыслѣ перешло на Русь отъ Болгарь и Сербовъ, у которыхъ находится въ языкѣ. Съ того времени, а можетъ быть, и ранѣе, слово *паганъ* обратилось въ укоризнен-

(235) По мнѣнію Сервія Грамматика: *Pagi dicti a fontibus; quod eadem aqua uterentur: aquae enim lingua Dorica παυάι appellantur.*

(236) *Augustin. Retract. 42: Deorum falsorum multorumque cultores, paganos vocamus.*

(237) *Glossarium mediae et infimae Latinitatis. Halae. I—VI. 8. — Обзоръне Коричей книги въ историческомъ видѣ, соч. Б. Розенкампа. М. 1829. 8.*

(238) *de administrando imperio, p. 29, 36. c. 32 p. 99.*

ное прозвище невѣрнаго челоуѣка, какъ напр: у Чухонцевъ въ Еспляндіи и у Рускихъ поселянъ *поганый* значить нечиспый, скверный. Въ Кормчѣй, Номоканонѣ, Спюглавѣ, Требникахъ и въ посланіяхъ Рускихъ Священелей именующа *поганскими* древніе языческіе обряды, какіе явно и тайно отправлялись въ селахъ и даже городахъ. У Римлянъ также сельскіе праздники назывались *Paganica*; а *Paganalia* праздновались въ каждомъ округѣ Римской области ежегодно въ честь бога хранишеля окружнаго, обыкновенно по окончаніи жатвы. У Византійскихъ писателей Далмація и Сервія именуется *Pagania* (239). По етому, не безъ основанія, проспонародныя повѣрья и обычаи называются *сельскими, деревенскими*, какъ удѣломъ черни, необразованныхъ просполюдиновъ.

О земледѣльческихъ праздникахъ мы замѣтили еще прежде. Трудъ земледѣльца улаждается весельемъ; рабочая пора, или *страда, страдная пора*, у него соединенась особенными обрядами и пиршествами: предъ посѣвомъ и жнишвомъ и послѣ жнишва бывають кресныя ходы съ св. образами. Начатки жнишъ и первые сошы, пакъ равно и первые

плоды приносятся въ храмъ Божій. Въ Симбирской и Пензенской Губерніяхъ , по окончаніи жнива, весь народъ собирается въ поле дожидать послѣдніе загоны, и когда уже свяжутъ послѣдній снопокъ : по нарядивъ его въ сарафанъ и кокошникъ, несутъ на барскій дворъ, гдѣ господа подчиваютъ ихъ пивомъ и виномъ , поздравляя съ окончаніемъ жатвы. Въ сѣверныхъ Губерніяхъ , напр. Костромской, когда измолотятъ хлѣбъ (что обыкновенно бываетъ въ день *Секлы Заревницы*, 24 Сентября): тогда овинъ нарекаютъ именинникомъ и варятъ для него кашу молошницикамъ , которые когда измолотятъ на гумнѣ хлѣбъ , приговариваютъ : *Хозяину хлѣба ворошокъ , а молотильщикамъ каши горшокъ*. — У Мордвы, также и въ разныхъ полосахъ Великой Россіи , въ Августѣ бываетъ пиршество, называемое *Помочью* : малосемейные зажиточные люди сзываютъ сосѣдей себѣ на помощь для сжатія созрѣвшаго хлѣба. Тогда , для угощенія помощниковъ , спавятся на дворъ кадки съ пивомъ и сполы съ хлѣбомъ и солью, калачами , пирогами. На *сиротскую* и *вдовью Помочь* не требуется никакого изживенія; но сиротъ и вдовъ снабжаютъ всѣмъ шѣмъ, что нужно для шакого пиршества : имъ безмездно помогаютъ не только сжать хлѣбъ , но

и запасши на цѣлый годъ дровъ и лучины (240). Въ Яранскомъ и Уржумскомъ имѣніяхъ Вятской и Пермской Губерній начинаюшъ удобреніе полей съ Петрова дни *Помочами*; ешо называешся шамъ: *назымы гратъ*, п. е. играпъ (241). Такія Толоки, или Помочи для унавоживанія полей извѣсны въ Смоленской и другихъ Губерніяхъ. Кельхевъ въ Лифляндской Исторіи такъ описываетъ Толоку: „Въ половинѣ крапкаго лѣта, во время жатвы шѣ, копорые имѣюшъ обширную ниву, обыкновенно сзываютъ довольное число сосѣдей для шого, чшобы съ ихъ помощью скорѣе окончить жатву; ешимъ помощникамъ ввечеру они дѣлаюшъ угощеніе, копорое шамъ называешся *Талкомъ* (Talckus). Слово сіе происходитъ отъ древняго Еспскаго, или Прускаго Talck, значащаго работу не за какую либо плату, но за кушанье и пишье, и хопя приглашенные на шолоку занимаюшся цѣлый день шягоспными шрудами; однако слѣдующую за

(240) *И. Лепехина* Дневныя записки. Спб. 1768 и 69. ч. I. въ 4.

(241) Журналъ Министерствва внутр. дѣлъ, 1836, № 4. стр. 73.

„ними ночь проводятъ въ пѣниі, пляскахъ и „весельяхъ“ (242).

Кромѣ земледѣльческихъ праздниковъ, существующихъ памѣ, гдѣ процвѣпаешъ земледѣліе, есть *пастушескіе*, какъ мы замѣтили, особливо во дни св. Георгія, св. Флора и Лавра и св. Власія. Въ Сибири, въ концѣ Октябрю, бываетъ у рыбаковъ праздникъ, или *Юровая*, когда они за нѣсколько верспъ по Иртышу ѣздящъ за красною рыбою. Какъ въ Германіи и Франціи собиравіе винограда, такъ въ Россіи *рубленіе и стьченіе капусты*, или *капустницы*, сославляютъ родъ празднества, на какое въ приволжскихъ Губерніяхъ собираются дѣвицы въ лучшихъ нарядахъ, переходя съ пѣснями изъ дому въ домъ, гдѣ ихъ угощаютъ хозяева (243).

§ 7. Кромѣ упомянутыхъ нами поспоянныхъ и подвижныхъ праздниковъ и поржешвенныхъ обрядовъ, подчиненныхъ условіямъ мѣста и времени, приведемъ здѣсь въ дополненіе къ сказанному нами выше на стр. 51, еще *чрезвычайные или заповѣдные, обѣт-*

(242) *Liefländische Historia, oder kurze Beschreibung der denkwürdigsten Kriegs u. Friedens Geschichte Esth-Lief u. Lettlandes.* Rudolffst. 1695. 4.

(243) Письма Рускаго Офицера, *О. Глинки.* М. 1821. ч. 5,

ные : они учреждались по какому нибудь чрезвычайному случаю , во время мора или другой напаси. Изъ нихъ замѣчательно *Опахиванье* , или *Коровья смерть* во время скопскаго падежа. Опахиванье совершается въ полночь однѣми женщинами , которыя собираются у околицы, извѣспивъ напередъ, чпобы никто изъ мужчинъ не выходилъ на улицу. Шествіе обыкновенно начинается дѣвкою съ образомъ св. Власія ; за нею слѣдуетъ женщина верхомъ на помель , съ распущенными волосами , въ одной рубахѣ : она сопровождается полною бабъ и дѣвокъ съ ухващами и кочергами , косами и серпами , коими они бьютъ въ сковороды съ дикимъ воплемъ ; за ними другая толпа съ зажженными лучинами, въ срединѣ ея нагая спаруха въ хомутѣ, запряженная въ соху, коею прижды опахиваютъ всю деревню и тѣмъ самымъ, по ихъ вѣрованію, пересѣкаютъ пушь коровьей смерти (244). Между простолюдинами вспрѣчались примѣры самопожертвованія, или обреченія на вольную смерть, въ случаѣ моровой язвы: по суевѣрному мнѣнію, для прекращенія мора , избранную міромъ по жребію женщину, или даже мужчину, зарывали живыхъ въ землю съ пѣпухомъ и кошкою.

(244) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга, изд. В. Броневскаго. Москва , 1828, 2 ч. въ 8.

На Руси извѣстны, кромѣ временныхъ, обѣтныя Пятницы, въ кои крестьяне зарекаясь работашь, обѣщаются праздновать: ешо бываеть по случаю безведрія, неурожая, падежа и другихъ напастей. Для ешого даже писались отъ міра шакъ называемыя заповѣдныя записи; въ собраніи грамошъ И. Н. Царскаго ешь двѣ записи заповѣдныя XVI вѣка, въ помѣ, чшобы по воскресеньямъ и „пяшницамъ ра- „бошы не работаша, дѣла не дѣлаши ника- „кого чернаго, ни угодыя, ни бѣлки, ни ль- „соваша, ни рыбы ловиши, ни ягодъ, ни „губней не носиши.“

§ 8. Главныя и важнѣйшія дѣйствія жизни человѣческой, *рожденіе, свадьба и смерть*, у всѣхъ почши народовъ ознаменованы особенными праздниками и обрядами. Торжественныя сіи дѣйствія у Рускихъ Славянъ происпекли изъ древняго ихъ быша и вѣрованія, обрашались въ обычаи и отчасши привились къ Хрістіанскимъ обрядамъ, коими сопровождаются сіи при акша жизни семейной. По связи оныхъ съ проспонародными праздниками мы ограничимся здѣсь только очерками ешихъ семейныхъ празднествъ, кои шребуюшъ подробнаго мѣспнаго описанія и изслѣдованія.

Вмѣсто бракосочетаній, у Радимичей, Вяпичей и Сѣверянъ бывали, по свидѣтельству лѣтописца, въ Языческѣхъ игры, (*ѣура*, см. выше), на коихъ они себѣ брали (умыкаху) женъ; опсюда, вѣроятно, выраженіе: *играть свадьбу*. Супрасльскій лѣтописецъ (245) такъ изображаетъ древнѣйшее игрище, вмѣсто брака: „Бяху бо законъ и обычаи браньи въ нихъ (Славенахъ): не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху вечерь, а ушре приношаху по ней, что узаконено. А Древляне попомъ начаша жиши звѣрьскимъ образомъ скопъски: убиваху другъ друга, ядуще все нечиспо, и бракъ въ нихъ не былъ, но умыкаху девици. А Радимичи, и Вяпичи, и Сѣвера единъ обычаи имяху: начаша же по малъ и шіи яспи, нечиспо живоуще въ лѣсахъ, и срамословне и неспыденіе діаволу угажаючи възлюбиши, и прѣдошци, и снохами, и маперми, и мрази (брази?) не възлюбиши, но игрища, межи сѣльи шу сѣльгахоуся рищюще на плясаніа, и опъ плясаніа познаваху, которая жена или дѣвица до мла-

(245) Сравни Лѣтопись Несторову по Лаврент. сп., изд. Р. Тимковскимъ. Москва, 1824, въ 4. и Супрасльскую рукопись, содержащую въ себѣ Новгородскую и Кіевскую сокращенныя Лѣтописи, изд. Княземъ М. А. Оболенскимъ. Москва. 1836, въ 4.

„дыхъ похощеніе имашь, и опъ очного воззрѣнія,
 „и опъ обнаженія мышца и опъ прѣсть руч-
 „ныхъ показанія, и опъ прѣстней даралага-
 „нія на прѣспы чюжая, пажь попомъ це-
 „лованія съ лобзаніемъ и плочи съ сердцемъ
 „ражедгшиися слагахоуся, иныхъ поймающе,
 „а другихъ поругавше, мепашу на насмѣ-
 „ніе до смерти: имяхоу же и по в, и по г,
 „жены: зане слабъ соущи женскый обычай,
 „и начаша друга предъ другою червиши лице
 „и белимъ прѣпи абы оуноши въжелель ея
 „на похощь.“ Извѣстно, что свадьбамъ
 предшешвуютъ общія гаданія, какія бы-
 вають о Свашкахъ, когда дѣвицами при-
 зывается *суженой ряженой*. Свадѣба, по
 Чешски *Weseli*, веселье, состоишь изъ
 помолвки, *рукобитья*, или *сговора*, *дѣвишни-*
ка и *вѣнчанія*; симъ обрядамъ предшешву-
 ютъ и послѣдуютъ бани, пиры и наблюденіе
 разныхъ примѣшъ. Въ Коспромской Г. свадеб-
 ные пиры: *пропой*, *гостинцы*, *сговоръ* на канунъ
 бракосочешанія, то что на Московщинѣ *дѣвши-*
никъ; а споль въ первый день брака — *Кня-*
жій. Въ старину употребительно было еще
осыпаніе хмѣлемъ жениха и невесты предъ
 вѣнчаніемъ и послѣ онаго (246). Выше
 упомянули мы о *куничномъ*, или *вѣнечной ку-*

ниця, стр. 116, что досель сохраняется у простонародных, или упоминается в свадебных пѣсняхъ разныхъ краевъ Россіи. Въ Костромской Г., болѣе въ крестьянскомъ быту, невѣста сирота, за день до вѣнчанія, ходитъ ночью въ сопровожденіи подругъ *прощаться* съ родителями на кладбище; тамъ помолясь на могилахъ, она приговариваетъ: *родимые батюшка и матушка, не надо ни злата, ни серебра, прошу родительскаго благословенія!* Также послѣ вѣнчанія *крутятъ* молодую, т. е. заплепаютъ ей волосы на головѣ въ двѣ косы и надѣваютъ *повойникъ* или *кокошникъ*: етошъ обрядъ сопровождается *окрутильнымъ объдомъ*. Символическими явствами на свадьбѣ бываетъ *коровай, перенеча, сыръ и лишница*. Въ Вельской округѣ и по Вагъ шени приносятъ въ Пешровъ день на второй годъ брака *сыръ въ почете зятямъ*, которые по сему случаю дѣлаютъ пиршество (247). Вѣнчальныя свѣчи служатъ предметами загады-

Moscoviae ortus et progressus. auth. D. Printz a Viscian. Guberae. 1679. 12. Описание въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 г. Февр. 5 при бракосочетаніи Государя Царя Михаила Теодоровича съ Государынею Царицею Евдокіею Лукьяновною. М. 1810. 4.

(247) *Карамз. И. Г. Р. ч. VI. стр. 254. VII, стр. 223.*

ванія о долголѣтїи молодыхъ и зажигающъ во время спрудныхъ родовъ для облегченія родильницъ. О свадебныхъ обрядахъ говоритъ Исторіографъ, что они „опчасти Славянскіе, „опчасти Скандинавскіе и что смыслъ оныхъ „легко опгадашь: нѣкоторыя изъ нихъ обра- „зовали любовь, согласіе, чадородіе, богаш- „ство; другіе должны были удаляшь дѣйствіе „злаго вещества.“

Въ разныхъ Губерніяхъ Великой Россіи встрѣчающяся различныя свадебныя обряды, въ коихъ нерѣдко подъ грубымъ покровомъ скрывается нравственное основаніе, напр: въ первый день свадьбы, разуваніе мужа женою, опъ коего опказалась Рогнѣда Полопская, невьсша В. К. Владиміра I (248), вскрываніе новобрачныхъ послѣ первой нѣчи или поржественное свидѣтельствованіе невинности дѣвической, какое бывало у воспочныхъ народовъ (249) и какое запрещено было Пешромъ I, и ш. д.

Подобныя обряды, опшавшіеся теперь у сельскихъ жителей или у мѣщанъ, прежде наблюдались и на Великокняжескихъ, Цар-

(248) Софійской Временникъ, ч. I. М. 1820. въ 4.

(249) *Jahrb. Archaeologia biblica. Viennae, 1814. въ 8.*

скихъ и боярскихъ свадьбахъ, какъ видно изъ описанія оныхъ (250).

Родины празднуются пиршествомъ, на коемъ главное блюдо занимаетъ каша. Чпожь касается до обычая класть на зубокъ, то въ-роятно оный естъ подражаніе принесенію даровъ волхвами рожденному І. Хрісту. Кроме суевѣрныхъ обрядовъ, примѣтъ и предзнаменованій, предшествующихъ и послѣдующихъ родинамъ, извѣстны розмываніе рукъ роженицы съ бабкою на девятый день, и опоясываніе младенца черезъ шесть недѣль послѣ роженія. Въ Славянскихъ земляхъ издревле существовали обрядъ, въроятно языческой, перваго обрѣзанія волосъ, или *Постриги* и *Посажденіе на коня* младенцевъ мужескаго пола отъ 4 до 7 лѣтъ: чпдъ донинѣ наблюдается у козаковъ (251): у нихъ отецъ и мать, посадивъ на коня младенца, у копораго прорѣзывались зубы, возили его въ церковь, гдѣ служили молебень Св. Іоанну воину о томъ, чпобы сынъ ихъ былъ храбрымъ козакомъ. Древнѣйшій Польскій Историкъ Маршинъ Галъ

(250) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Россіи, Г. Успенскаго. Харьковъ, 1818, 2 ч. въ 8.

(251) Русская старина, изд. А. Корниловичемъ. Спб. 1825, въ 16. — Сюда въроятно относится пословица: *Невѣста водится, а женихъ на конь садится.*

свидѣтельствуютъ , что два странника , угощенные Пясномъ , *постригли волосы* сыну его младенцу и дали ему имя Семовиша. Каллубко говоритъ , что епопъ рыцарскій обрядъ всупленія дѣшей въ бытіе гражданское раждалъ между людьми духовное свойство и что мать постригаемаго считалась названою сеспрѣй постригающаго. Послѣ Постригъ , говоритъ Татищевъ , свидѣтель оныхъ , дѣши переходили изъ женскихъ рукъ въ мужскія (252). Изъ лѣтописей опечесивенныхъ видно, что торжественные *Постриги* Великихъ Князей совершались въ церкви, какъ сдѣлалъ В. К. Всеволодъ III въ Суздаль съ сыномъ своимъ Юріемъ; Князь Михаилъ въ Новгородѣ у Софіи съ сыномъ Роспиславомъ и Князь Константинъ Всеволодовичъ съ дѣтьми своими Влаіемъ и Всеволодомъ. Епопъ обрядъ съ XIII в. сопровождался молитвою и пиршествами.

День плотскаго рожденія у Рускихъ не столько празднуемъ былъ , сколько день духовнаго , или именины ; однако лѣтописи свидѣтельствуютъ , что Царь Иванъ Васильевичъ праздновалъ въ Коломенскомъ селѣ день своего рожденія пиршествомъ : „праздникъ

(252) *Татищева* Росс. Исторія. кн. III, 502. — *Карамзина* И. Г. Р. III, стр. 137, 259.

„творяше рожденію своему ; шамо бо во вся
„лѣта празднованіе“ (253).

Еще и въ XVI вѣкѣ продолжался древній обычай давати особенныя имена и прозванія, кромѣ полученныхъ при св. крещеніи : опъ етого вспрѣчаюшся въ Исторіи лица , имѣющія по два имени, какъ бывало у Евре-евъ (254). Знапные люди писывались въ самыхъ государспвенныхъ бумагахъ *Дружинами*, *Истомами*, *Неудачами*, *Невѣжками*, *Тишинами* и ш. д. Баронъ Майербергъ въ 1661 г. замѣшилъ, что Рускіе Бояре имѣли по два имени, одно, полученное при рожденіи, а другое при крещеніи ; послѣднее они шали изъ опасенія , чтобы ихъ не испорчили колдовспвомъ или чародѣйспвомъ (255). Въ доказа-пельспво приведемъ здѣсь слѣдующіе при-мѣры изъ лѣтописей. Въ Воскресенской Л. сказано : „родися у В. Князя Всеволода сынъ „Теодоръ, а прозванъ бысь Ярославъ 6698 г.“ Въ Никоновскомъ Л. подъ 6718 г. : „родися 77 „Князю Коншавшину Всеволодичю сынъ „Иванъ, глаголемый Всеволодь.“ Царь Иванъ

(253) *Карамз.* И. Г. Р. ш. VIII, прим. 409.

(254) *Isbn Archaeologia biblica.* Viennae. 1814: въ 4.

(255) Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древн. Росс. ч. III.

Васильевичъ названъ былъ также Варооломеемъ.

Одинъ изъ погрешившихъ семейныхъ праздниковъ Рускаго народа — *Именины*, или *Тезоименитство* (*ἐπωνυμία*): последнее происходитъ отъ Чешскаго слова *tés* или *téz*, тотъ же, соотвѣтствующаго Рускому: *тѣзка*. Именинное празднество обыкновенно продолжается три дня, сопровождаясь дарами имениннику; отъ ешого и пословица: *Добрый именинникъ до трехъ дней* (256). Главною принадлежностью имениннаго пира есть пирогъ, кошорый, по старому обычаю, разламывается надъ головою именинника, въ предназначение благополучія. У Сербовъ *итти на красный колачъ* значить: *итти на именинный пиръ*, кошорый у нихъ также празднуется три дня: первый называется *краснымъ*, другой — *поутриемъ*, третій — *установцемъ*. Въ старину у Рускихъ, именинникъ хаживалъ съ пирогами или съ стибнями къ роднымъ и знакомымъ. Царь Алексѣй Михайловичъ въ день своего тезоименишества носилъ именинный пирогъ къ Патриарху; послѣ поднесенія пирога Свя-

(256) Абевага Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва. 1786. въ 8.

пишело, онъ жаловалъ пирогами Папріаршихъ бояръ и дьякоузъ (257).

При похоронахъ и поминкахъ въ препины, девяшины, полсорочины, сорочины, полугодовщины и годовщины наблюдающіяся въ разныхъ краяхъ Россіи особенные, старинные обычаи и примѣпы, кои суевѣріе и право давности приобщило къ Хрістіанскимъ обрядамъ.

Кашаніе яицъ и возліанія на могилахъ, въ Родипельскія, скаканіе и пѣсни скоморшескія послѣ плача на кладбищахъ, наконецъ попойки представляющъ сходство съ обычаями Грековъ и Римлянъ Скандинавовъ. см. стр. 28. Присущіе пововавшіе при поминкахъ *скоморохи*, коихъ шолпы хаживали по селамъ и деревнямъ, происходятъ отъ *Скамаровъ*, народа хищническаго, жившаго въ V и VI вѣкахъ при нижнемъ Дунаѣ (258). *Радунща*, или *Навій вторникъ*, и Троицкая суббота соединились въ Древности съ окличками мертвыхъ. Установленная православною Церковью для поминовенія усопшихъ *семь вселенскихъ папш-*

(257) Древняя Росс. Видлѣвѣика, ч. VI.

(258) Московскій Наблюдатель, Іюль, 1836, стр. 66.
 . Отъ Скамаровъ происходятъ, по мнѣнію Шаффарика, Славян. *скомра*хъ и Руское *скоморохъ* (*latro, nebulo*).

хидъ , а Россійскою Церковью *Дмитріевская суббота* въ Октябрѣ , безъ сомнѣнія , имѣли цѣлю и замѣщеніе древнихъ языческихъ обрядовъ. Въ Гжатскѣ и вообще въ Смоленской Г. у простолюдиновъ въ родительскія собираются родственники на свои кладбища плакашь и пиروвашь; а ввечеру сходяшся пуда молодцы и дѣвки свыкашьяся, оправдывая дѣломъ Рускую пословицу: *Начинають за упокой, а кончатъ за радость.*

Къ домашнимъ праздникамъ причисляется также *Новоселье* , сопровождаемое особенными обрядами и примѣнами. На *Новоселье* приносятъ хозяину *хлѣбъ-соль* , какъ знаменіе спорыньи , довольства и хлѣбосолепва — Русской папріархальной добродѣтели. *Вздитъ на пиры, братчины и свадьбы* было въ Русской древности какою-то повинностью, опъ коей освобождались монастырскіе крестьяне жалованными грамодами (259); въ нихъ запрещается „намыспничимъ людамъ и воло- „спельнымъ и помѣщиковымъ незваннымъ ѣз- „дипъ на свадьбы, пиры и брашчины.“

(259) Исторія Росс. Іерархіи, ш. I—VII.

§ 9. Самородная поезія естъ главная спихія нравственнаго образованія народа, начинающа-
 яся съ первыми его вѣрованіями, съ первыми
 понятіями о себѣ и природѣ. Изъ вѣрованій про-
 испекають праздники и обряды съ обрядовыми
 и мифическими пѣснями, приговорами и при-
 чипавіями. Сія гласные, самородные памят-
 ники Словесности, не смотря на всѣ измѣ-
 ненія и обновленія въ языкѣ оныхъ, живутъ
 народнымъ безсмертіемъ, соспавляютъ за-
 вѣшную спихію опечесивенности. Во всѣхъ
 населенныхъ странахъ міра, на всѣхъ язы-
 кахъ гласъ радости и печали превращался въ
 пѣснопѣніе. И дикія племена и образованные
 народы пѣснями выражаютъ свои моленія и
 проклятія; ибо пѣшь — для сердца человѣче-
 скаго значитъ жить. У древнихъ изкони
 пѣшы были законы, бытія племень, похвалы
 богамъ и богахырямъ (260). Пѣснь предше-
 ствовала письму. Всякое насшавленіе въ ре-
 лигии и мудрости, воспоминанія о важнѣй-
 шихъ событіяхъ въ народѣ передавались въ пѣ-

(260) Отъ сего *nomos* значитъ пѣснь и законъ, так-
 же *carmen* принимается въ смыслѣ пѣсни, молитвы
 и словъ закона. Encyclopédie des gens du monde, t. V.
 à Paris. 1855. art. chanson.

сняхъ, кои были не писаны, но переходили изъ успъ въ успа и пѣвались съ игрою на мусикійскихъ орудіяхъ и плясками при богослужебныхъ и народныхъ поржеспвахъ. Изслѣдованія спаринныхъ обычаевъ и народныхъ пѣсень у Нѣмцевъ и Славянъ показываютъ, что у нихъ богослужебные праздники сопровождались пѣснями, наславительными для народа (261). Въ оспашкахъ древнихъ пѣсень увѣковѣчены нѣкошорыя важнѣйшія эпохи Рускаго народа; что умалчиваетъ лѣшопишь, что иногда досказываетъ пѣсня; самая пословица Руская: *Пѣсня была*, сходная съ Нѣмецкою: *Die Sage lebt im Gesang* — свидѣтельствуетъ, что въ пѣсняхъ сохранялись былыны древнихъ лѣтъ.

Главнѣйшее словесное богатство Славянскихъ племенъ состоишь въ пѣсняхъ, коими онѣ опличаются предъ всѣми другими народами сѣша: въ VI вѣкѣ онѣ слыли у Визаншійцевъ пѣснолюбивыми (262); Славянскіе спранники брали съ собою въ пушь

(261) *Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie, à S. Pet. 1795. въ 8. — Новое и полное собраніе Росс. пѣсень. Ч. I — 4. Москва, 1780, въ 12.*

(262) *Stritteri Memoriae populorum. t. II.*

гусли (кибары), а не оружіе. Неизвѣстный пѣвецъ Игорева похода упоминаетъ о вѣщемъ Боянѣ, соловьѣ, пѣнноторцѣ стараго времени, а Волынская лѣтопись о словутномъ пѣвцѣ Митусѣ. Когда Кн. Даніилъ, по переходѣ чрезъ рѣку Нарову, избавилъ многихъ Хрістіанъ: тогда, по выраженію той же лѣтописи, пѣнь славу пояху има. Ляхи въ XIII в. побѣду надъ К. Владиміромъ Рюриковичемъ торжественно справляли древними пѣснями. Въ сихъ записныхъ лѣтописяхъ души и сердца заключающагося бытія, мнѣя, мысли, чувства, надежды народа, — Хотя древнее вѣрованіе не могло удержаться у Рускихъ Славянъ, при обращеніи ихъ въ Хрістіанскую вѣру; но существенная часть онаго для поэзіи, внутренняя сила поэтическая проникнула въ скорыя старинныя народныя пѣсни и приговоры, какъ отклики древняго времени, повторяемые въ настоящемъ (263). Народная пѣнь находится во внутренней связи съ чувственною жизнію сказанія. Богослуженіе у Славянъ Рускихъ не могло обойтись безъ пѣсноубій: въ чемъ удостовѣряютъ насъ свидѣтельства лѣтописцевъ и остатки старинныхъ хороводныхъ пѣсней, мнѣическихъ думъ и сказаній

(263) Карамзина II. Г. Р. тт. IV и X.

Сколько время ихъ ни искажало ; однако не могло совершенно изгладить кореннаго ихъ свойства , которое оспавило свои слѣды при всѣхъ новѣйшихъ измѣненіяхъ и прикрасахъ (264).

Однѣ изъ старыхъ Рускихъ пѣсень носятъ на себѣ миѣической цвѣтъ ; другія , намекающія на древніе богослужебные обряды и жертвоприношенія , принадлежатъ къ обрядовымъ пѣснямъ , къ коимъ относятся причипанія и приговоры пѣсенные. Въ оспавкахъ немногихъ миѣическихъ пѣсень и припѣвовъ упоминаются древнія божества и рѣки , въ честь коихъ онѣ были пѣшны , на пр: *Ладо* , *Дидиладо* , *Купало* , *Туръ* , *Ярило* , *Таусень* , или *Авсень* — *Дунай* , *Донъ*. Нерѣдко въ нихъ смѣшиваются языческія вѣрованія съ хрістіанскими понятіями , на пр. въ Тульской г. въ Троицынъ день поютъ :

Благослови , Троица ,
 Богородица ,
 Намъ въ лѣсъ пойши ,
 Вънокъ сплесни ,
 Ой дидъ Ладо (265)! —

(264) Исторія Рускаго народа , соч. *Н. Полеваго* , ч. II, М. 1830. 8.

(265) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга , изд. *В. Броневскаго* , 2 ч. Москва , 1828, въ 8.

Пѣснями поселяне привѣщспгують въ Россіи *солнце* на Пешровъ день, подобно какъ въ Липовскомъ Секминѣ. См. спр. 30. Пѣснями поселяне встрѣчаютъ первый весенній дождикъ и закликаютъ красную весну. Пѣсви, какія пѣвались въ сѣверныхъ странахъ среди веселыхъ хороводовъ и плешней вокругъ Майскихъ деревъ, опносятся къ языческимъ обрядамъ, выражають союзъ между обоими полами, между небомъ и землею (266).

По отношенію пѣсенъ къ народнымъ праздникамъ въ разныя времена года, ихъ раздѣлить можно на *святочные* (подблюдныя), *колядскія*, *весеннія*, *семицкія* и *троицкія*, или *русальныя*, *купальскія*, или *ладозыя*, по названію Карпато - Россовъ, копорые празднують Ладу въ день Купала и пр. Почти всѣ сіи роды пѣсенъ мифологическихъ, нашихъ сагъ, имють характеръ хороводныхъ и примѣненіе къ особливымъ обрядамъ (267), на пр: А мы просо сѣяли—Заплети се плешень и пр. Въ разныхъ краяхъ Великой Россіи онѣ представляють мѣстныя опмѣны по своему содержанию и выраженію, достойныя изслѣдованія

(266) Edda Saemundina, t. III. in 4.

(267) Умозрительныя и опытыныя основанія Словесности, соч. А. Глаголова. Спб. 1834. въ 8.

что онѣ упростили въ одномъ мѣспѣ, но сохраняющъ въ другомъ. Такимъ образомъ, одно дополняясь и объясняясь другимъ, сославляетъ цѣлое, стройное проявленіе духа народнаго въ живущихъ, гласныхъ памятникахъ.

Рускія заклинательныя пѣсни, какія извѣстны въ Бѣлоруссіи, Липвѣ, Польшѣ и Швеціи, вѣроятно суть оспалки древней воспочной жизни, переходившей черезъ всѣ народы и достигшей до нашихъ времявъ. У Финновъ чародѣйныя пѣсни (Lugut) древнѣе всѣхъ прочихъ самородныхъ спихопвореній; на Англосакскомъ онѣ называются Runstafas (268). У Липовцевъ загадочныя пѣсни извѣстны подъ именемъ Misles. Сюда же можно отнести, (269), собранныя И. П. Сахаровымъ пѣсни русалокъ, вѣдьмъ и солнцевыхъ дѣвъ.

„Безспорно, говоритъ ученый Тредьяковскій, во всѣхъ человѣческихъ обществѣхъ, богослужители были первенствующими спихопворцами. Спихами не только прославляли они божество; но и достоинство свое опмѣняли симъ родомъ рѣчи опъ общаго и про-

(268) Соревнователь просвѣщенія и благошворенія, СПБ. 1820, No III.

(269) Catholique, à Paris. 1826, t. I. No 3.

„стаго слова. Почему и наши языческіе жре-
„цы, безъ сомнѣнія, такое жъ равно преиму-
„щество имѣли, и были главные и лучшіе,
„въ нашихъ обществахъ, слагатели стиховъ.
„И такъ, способъ, бывшій у нихъ обыкновенъ-
„нымъ въ составленіи стиха, долженъ спрешъ
„быть самое древнее стихотвореніе наше.
„Неподозрительными и живыми свидѣтелями
„простонародныя пѣсни наши сіе почно свой-
„ство имѣютъ въ стихосложеніи своемъ. На-
„родный составъ стиховъ есть подлинный
„списокъ съ богослужительскаго. Воззримъ те-
„перь на начало нашего Хрістіанства: ви-
„димъ мысленно сущую нужду его, покло по
„изпробивъ у насъ, что непосредственно
„касалось до богослуженія ложнаго: на народ-
„ныя, гражданскія и дружескія употребленія
„не съ толкимъ съ начала ревнованіемъ оно
„взираю. — И такъ, многодѣльное тогда
„первое наше Хрістіанство, хоти искоренило
„всѣ многобожныя служенія и пѣсенныя про-
„славленія богамъ и богинямъ; однако, съ
„пренебреженія, или за упражненіями,
„не коснулось къ простонароднымъ обыкно-
„веніямъ: оставило ему забаву общихъ уве-
„селительныхъ пѣсней, а съ ними способъ
„сложенія стиховъ. Сіе почно и есть перво-
„родное и природное наше стихосложеніе,

„пребывающее и до днесь въ простонародныхъ молодецкихъ и другихъ содержаній пѣсняхъ живо и цѣло. Начавшееся у насъ Христіанство, истребившее всѣ идольскія богослуженія и уничтожившее вконецъ сплетенныя пѣсни спихами въ похвалу идоламъ, лишило насъ безъ мала на 600 лѣтъ богочинельнаго спихопворенія. Пребывало деюродное родство его шокмо, чптобъ, шакъ сказаць, какъ въ залогъ у самаго онаго проспаго народа въ подлыхъ пѣсняхъ; и приходило отъ вѣка въ вѣкъ не безъ преспа-рвнїа“ (270).

Изъ Исторїи Саксонїи и Польши извѣстно, съ какимъ стараніемъ истреблялись тамъ языческія пѣсни въ XI вѣкѣ, кои замѣняемы были христіанскими пѣснопѣніями (271).

Духовные наши писатели, изъ ревности къ Православію и изъ презрѣнїа къ суевѣрїю, называютъ старинныя пѣсни, какія пѣвались о праздникахъ простонародныхъ, *сатанинскими, бѣсовскими, отъ бѣса замышленнымъ дѣломъ*. Объ нихъ упоминають Номокановы и

(270) Въ ежемѣсячныхъ сочиненїяхъ, въ Спб. 1755, Апрель.

(271) *Miscellanea Cracoviensia*, an. 1806. fasc. II.

Споглавъ. Препод. Памфилъ, при описаніи Купальскаго праздника, въ посланіи своемъ къ Намѣспнику Псковскому, говоритъ, что тогда „егда не весь градъ возмашеся и въ „сельхъ возбѣяшся въ бубны и сопѣли и гуденіемъ спруннымъ, и всякими неподобными „играми сапанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ, и главами киваніемъ, и усшнами ихъ непріязненъ кличь, всѣскверныя пѣсни, и хребпомъ ихъ вихляніе и „ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе“ (272).

Въ *свадебныхъ пѣсняхъ*, нашихъ епипаламахъ, споль обильныхъ и разнобразныхъ въ Россіи, проявляюцца еще непротпывшіе слѣды обрядовъ древняго вѣрованія, живая картина нравовъ и обычаевъ народныхъ. Онѣ перѣдко проникнуты бываютъ глубокими и умильными чувствованіями. Едва ли естъ народъ, кромѣ Рускихъ, особливо Малороссіанъ, у коего можно бы было собрать цѣлую книгу свадебныхъ пѣсенъ. Малороссійскія пѣсни со всѣми обрядами наспоющая опера-водевиль и едва ли гдѣ она имѣла споль еспешвенное происхожденіе.

Похороны и поминки сопровождаются причитаніями или голошеньемъ; въ коихъ плачевнымъ речипапивомъ вычисляются доспоснства покойника и жалобы осиропѣвшихъ. Мы сравнивали сіи причитанія съ Греческими *ἰαλμοὶ*, съ Римскими *laudes funebres*, паепіас и Липовскими заупокійными пѣснями. По свидѣтельству Кельхена (273), Финны и Лашыши Балпійскіе, въ XIII вѣкѣ, совершая пайно свои языческіе обряды во глубинѣ лѣсовъ, плакали надъ умершими, которыми клали въ могилы пищу, питье, попоръ и нѣсколько денегъ съ слѣдующими причитаніями: „Спупай, бѣднякъ, въ лучшій міръ, „гдѣ не тобою Нѣмцы, но ты Нѣмцами бу- „дешь повелѣвать! Вопъ шебъ на дорогу за- „пасъ, оружіе и деньги.“ — Сарницкій гово- рить: „на Руси пѣвались елегіи въ па- „мять двухъ храбрыхъ брапьевъ Спрусевъ, „павшихъ 1506 г. въ битвѣ съ Варягами. „Елегіи сіи назывались у Рускихъ думами.“ „Соглашая заунывныйъ голосъ и шѣлодвиженія „со словами, они иногда сопровождающъ пѣніе „оныхъ печальными звуками свирѣли (274).“ Въ нашихъ лѣтописяхъ, умильныхъ повѣ-

(273) *Ziefländische Historia*. Rudolfstadt. 1695. 4.

(274) *Annales regni Polonici*. II.

спяхъ , сказаніяхъ и въ иноспранныхъ писа-
теляхъ о Россіи сохранились ошашки тако-
выхъ причисаній , кои и досель упопреля-
ются между просполоудинами и спаровърами.
Пьсни дявольскія (*carmina diabolica*), какія
проспой народъ имьль обыкновеніе пьшь
ночью надъ усопшими, запрещаються паспыр-
скимъ посланіемъ къ пресвиперамъ Епископа
Веронскаго Раперія (275).

Напъвы старинныхъ обрядовыхъ пьсень
почпи всь заунывные и часто шоржеспвенные:
они опзываются не звуками рабспва Татар-
скаго, какъ думаютъ иноспранные писатели;
но какимъ-шо благоговѣйнымъ пономъ, шоскли-
воспю о прошедшемъ и будущемъ, какъ
шайнспвенные опголоски умиленной души.
Если всь онъ будупь собраны и изданы оп-
чешливо: тогда шолько съ достовѣрноспю
можно вывести изъ нихъ заключенія о духъ
самородной поезіи Руской.

Что касается до *игръ*, говоритъ О. Мил-
леръ (276), по „надобно допустить такое
время въ древней Испоріи народовъ, когда

(275) *Glossarium manuale ad scriptores mediae et
infimae Latinitatis. t. II. Halae; 1775. 8. v. vox
carmen.*

(276) *Die Strußer von D. Müller. Breslau, 1828. 8.*

всякая игра, всякая пляска бывала въ честь боговъ, шакъ какъ всякое большое пиршество, на коемъ съѣдались мяса, было жертвенною прапезой. По крайней мѣрѣ, историческое преданіе вездѣ объясняетъ намъ сію загадку и поспешенное опдѣленіе. Также въ эпо раннее время искусства соединялись въ одно искусство: праздничное дѣйствіе, музыка, борьба — все соспавляеть съ капищемъ и кумиромъ одно цѣлое, коего части, когда спали опдѣляться или входили въ кругъ обыкновенной жизни, мало по малу оппадали опъ своего цѣлага. “Всѣ праздники у Грековъ сопровождались танцами, играми и пирами. У Римлянъ въ Древности *ludi* соспавляли часть богослуженія. То же почти можно сказать о древнихъ народныхъ праздникахъ Рускаго міра.

О значеніи и происхожденіи слова *игра* мы сказали выше; здѣсь прибавимъ только, что *Γυρά* (*ὄρχησις*), описанная Ксенофонтомъ, была родъ военной пляски, заимствованной Греками опъ Персовъ (277). Степенная книга, Сприковскій и Герберштейнъ свидѣтельствуютъ, что въ Новгородѣ была *игра палицами* на мосту въ память того, что Перунъ, брошенный

(277) *Xenophon Κύρου παιδείας*, I VIII.

въ Волховъ , кинуль Новгородцамъ на мостѣ палицу съ слѣдующими словами : *Храните ее; гражданае, въ память мою !* (278). О подобной игрѣ говоритсѧ въ правилахъ Кирилла Мипрополіпа Рускаго , какъ о *бѣсовскомъ позорѣ треклятыхъ Еллицъ* ; и въ договорѣ Госпландцевъ и Нѣмцевъ съ Новгородцами въ XII в., гдѣ сказано, что „неисповая забава , въ коей „люди бьются дрекольемъ, не должна бытъ „пернима на улицѣ между дворами Нѣмецкими , чпобы Россіане и госпи не имѣли „повода къ ссорамъ.“ — Выше упомянутое *битье бочекъ* Новгородцами , по мнѣнію М. Я. Діева, похоже на Самоѣдскій Пендеръ, описанный Бруиномъ въ путешествіи. — Чпожь касаетсѧ до *игрушекъ*, или *игръ*: по онѣ были родъ богатырскихъ пошѣхъ, или шурнировъ, о какихъ говоритсѧ въ лѣтописяхъ. Волынская лѣтопись свидѣтельствуетъ, что когда Князь Ростиславъ въ XIII вѣкѣ споялъ у Ярославлѧ ; *сотвори игру предъ градомъ*. Кіевская лѣтопись говоритъ, что „Угри на фаръхъ и на „скокохъ играаху на Ярославлемъ дворѣ (279).“

(278) *М. Евгенія* разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. Москва. 1803. 4.

(279) Исторія Рускаго народа, соч. *Н. Полеваго*, т. II, прим. 456 и т. IV, прим. 146.

Въ 1390 г. „въ Коломнѣ была игрушка, на „коей смертельно уязвленъ былъ сынъ Велико-„княжескаго пѣспуна, Осей“ (280). — Къ древнимъ попѣхамъ также принадлежатъ *колыски*, или *качели*, кои Сприковскій и сочинитель Синописа называютъ *дьявольскою стѣтлю* (281). Изъ *лъпонисей*, *Номоканона* и *Пролога* видно, что въ свѣтки и другіе праздники Рускіе надѣвали на себя маски, личины, или *наличники*, кои также называются *скуратами* отъ *Лавинскаго* *скура* шупъ. Въ харашейной *Кормчей* XIII в. маскированье свѣточное называется: „*обличья* *игрьць* и *ликъ-сввеникъ*.“ Въ *Паперикѣ Печерскомъ* упоминается о *лудѣ на бѣсъ въ образъ Ляха* (282): отсюда и *Москолюдство*, состоящее, по мнѣнію Р. Тимковскаго, изъ словъ *маска* и *лудѣ*. Въ харашейномъ *Прологѣ* 1432, въ *лиспѣ*, хранящемся въ *Императорской Публ. Библіотекѣ*, говорится въ *жипіи Преп. Нифонта*, что „въ церковные празд-

(280) *Карамз. II. Г. Р. т. V, прим. 251.*

(281) *Г. Раича* *Исторія разныхъ Славянскихъ народовъ. Спб. 1795. в. 4.*

(282) см. *Was bedeutet das in den russ. Chroniken unter dem J. 1024 vorkommende Wort fuda? eine antiquarische Abhandlung von A. J. Sjögren. S. Petersb. 1834. 4.*

„ники ови бяху в бубны, друзи же въ ко-
„зиць и в сопь.ли сопаху, инииже възложив-
„ше на лица скурапы, идяху на глумленье
„человѣкомъ, и мнози оставише церковь на
„позоръ печаху, и нарекоша игры шѣ Ру-
„салья.“ Русальныя сіи хороводы въ харашей-
номъ спискѣ Неспора названы *Русальце*, по
изъясненію Карамзина, и грище (283). Кромѣ
кулачнаго бою, мы приводили выше *Жмурки*,
или *Сльпа баба*, извѣстныя въ Кіевской Г.
подъ названіемъ *Желъзной бабы*, *Горьлки*, *Гу-
лочки* и проч. Описаніе игръ Рускаго народа
сосланишь особенный отдѣлъ, заниматель-
ный по своему содержанію и немаловажный
въ отношеніи къ духу народному. Сочиненія
Гг. Голембовскаго, Нарбуша, Гюпри и И. П.
Сахарова могутъ быть руководствами въ епомъ
предметъ народности.

При обзорѣни Рускихъ проспонародныхъ
праздниковъ вмѣстѣ съ суевѣрными обрядами
открывается, что большая часть оныхъ от-
носится къ Славяно-Руской Миеологіи, кошо-
рая образовалась въ шу эпоху человѣческой
мысли, когда неопредѣленность оной равняет-

ся ея смѣлосши и когда собспвенная Испорія народа смѣшивается съ его богоученіемъ и богослуженіемъ. Опечеспвенныя божества народа соопвѣпспвовали образу его жизни и мѣспности; священные обряды и праздники — его вѣрованіямъ и мѣамъ. Какъ въ отношеніи одного вѣрованія къ другому открываея отношеніе между народами единоплеменными и соплеменными: по и въ праздникахъ и обрядахъ у Славянъ, разсѣянныхъ по Европѣ подъ разными именами, проявляея сходство въ главныхъ чертахъ, а различіе въ частныхъ. Такое родовое сходство въ характеристическихъ чертахъ, основываясь, по большей части, на единствѣ происхожденія и духъ сихъ племенъ, составляетъ личность народную. Но какъ еспь коренныя понятія въ человѣчествѣ, кои развивающя въ свойспвенныхъ имъ формахъ: по у всѣхъ почти извѣстныхъ народовъ встрѣчающя общія вѣрованія и происшедшіе изъ нихъ обряды, сходные по сущности и различные по внѣшности; ибо онѣ, уклоняясь отъ своего истока и пропекая сквозь міръ и человѣчество, заимспвующь отъ мѣспности, климата и духа народовъ различные образы. Какъ сѣмена растѣній часто заносящя въпромъ на чуждую имъ землю, такъ и по-

вѣрья путемъ преданій переходящъ изъ одной страны въ другую, и шамъ переражаясь, принимаютъ особенные виды и цвѣпы.

Исслѣдованіе общаго и родоваго сходства въ вѣрованіяхъ, въ обрядахъ и праздникахъ полезно и важно для познанія человѣчества и народности, коимъ столь же сродно вѣрованіе и богопочтеніе, какъ самопознаніе и самосохраненіе. Оно открываетъ коренныя черты общей жизни человѣчества и отличительныя черты народности въ завѣщанныхъ ея стихіяхъ: однѣ объясняются другими.

Различіе же въ проstonародныхъ Рускихъ повѣрьяхъ и праздникахъ происходитъ отъ различія стихій народности, какія входили въ оныя, въ предъисторическія времена, путями мало еще изслѣдованными. Славяно-Русскія преобладающія стихіи мионическаго міра *Восточная, Греческая и Скандинавская* проявляются въ прехъ главныхъ средопочіяхъ, или узлахъ Россіи: Кіевѣ, Новгородѣ и Московщинѣ, гдѣ расселялись Задунайскіе и Балтійскіе выходцы. Какъ иноземныя стихіи народности нерѣдко у Рускихъ Славянъ перелицовывались на свой ладъ: то отъ слияніи оныхъ вѣроивно происпекали новыя повѣрья и суевѣрные обряды, какіе бывали у спарожилонъ и

насельниковъ Рускаго Сѣверо-Воспока ; слѣды оныхъ оспались въ пѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ жили Финны, Меря, Мурома и прочіе народцы, и численные у лѣпописцевъ нашихъ. Самыя сказки наши намекають о появленіи Руси въ пѣхъ мѣспахъ, гдѣ Рускаго духа слыхомъ не слыжано, и видомъ не видано. Хошя, при поспепенномъ переходѣ Рускихъ Славянъ отъ опечеспвеннаго Язычеспва къ Хрїстіанству, живыя нѣкогда вѣрованія и суевѣрные обряды время отъ времени испреблялись , или замѣняемы были другими вновь введенными обычаями ; однако они , какъ завѣшныя спихіи древней народности , обращались въ игру жизни , и подъ видомъ привычныхъ и срочныхъ попѣхъ и увеселеній , сквозь ряды вѣковъ и перевороповъ, достигли нашихъ Временъ, допускались , скажемъ словами Пепра Великаго, для народнаго полированія. Простолюдины, живущіе болѣе по опечеспкимъ преданіямъ и не перемѣняющіе своего древняго быта, не хошѣли и не могли распашься съ оными и замѣнишь старые обычай другими новыми , имъ чуждыми. Они шѣмъ болѣе спарались удержашь древнія опечеспвенныя празднеспва, что онѣ соединены были съ различными играми и увеселеніями , что онѣ соспавляли спихію его жизни опчеспвенной и семейной.

Доказательства же о происхождении народных Русских праздниковъ и обрядовъ изъ Славяно-Русскаго Язычества находятся :

1) Въ свѣдѣтельствѣ нашихъ лѣтописцевъ и Церковныхъ писателей, которые сами называютъ сіи праздники *языческими, еллинскими, погаными, идольскими* *требамн* и ш. д.

2) Въ мифическихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ народныхъ и сказкахъ, въ коихъ нерѣдко упоминаются имена древнихъ божествъ, также *красное солнце, сѣтедь мѣсяць, мать земля* и суевѣрные обряды. см. стр. 223.

3) Въ обычаѣ дѣлать чучелы и болваны при нѣкоторыхъ народныхъ праздникахъ, какъ то : при изгнаніи зимы и при встрѣчѣ весны, въ Дожинки и Обжинки ; въ представленіи избранными опъ міра лицами *Ярилы* (284), *Тура* (285), *Костромы*, *Масляницы*,

(284) На празднествѣ Ярилы въ Костромѣ, по свѣдѣтельству старожилонъ, въ Всесвятское заговѣнье одинъ мужикъ нашивалъ изображеніе мужчины, украшеннаго лентами съ большимъ дѣпороднымъ удомъ, въ ящикѣ; вокругъ его ходили женщины съ пѣснями, потомъ съ плачевными причѣтами зарывали въ землю. Это похоже на поклоненіе Фаллу и Лингаму.

(285) Прошлаго года найденные въ селѣ Туровскѣ близъ Галича, мѣдные маленькіе идолы доставлены въ Истор. Моск. Обществу. *Туръ* вѣроятно пошь же *Ярило*.

Пятницы и ш. д. Сюда же опнеспи должно особенное въ народъ благоговѣніе (воспочнаго происхожденія) къ вѣкопорымъ огромнымъ камнямъ, къ шарымъ дуплистымъ деревьямъ и ш. д. Въ помъ и другомъ случаѣ Славяно-Руская Мифологія представляешъ въ себѣ соединеніе Антропоморфизма съ Фетишизмомъ, такъ равно дуализмъ въ Бѣлбогъ и Чернобогъ, въ Купаль и Купальницъ, Дидъ и Ладъ, Царь-огнь и Царицъ-водицъ и ш. д.

4) Въ благоговѣніи къ первенспвующимъ, царственнымъ спихіямъ, огню и водѣ, олицетворяемымъ по *Перуномъ*, по *Зишемъ*, по *Купалою*, по *Купальницею*, священными рѣками и озерами, кои богопворимы были собспвенно не для нихъ самихъ, но для духовъ, по мнѣнію народному, въ нихъ живущихъ, или ими владѣющихъ. Чшожь касаешся до перескакиванія черезъ огонь и омошенія или обливанія, по овѣ не сполько произошли изъ обоготворенія рѣкъ и огня, сколько изъ идеи очищенія, какою находимъ въ вѣрованіяхъ у Грековъ и Римлянъ подъ разными образами. По свидѣтельству Плато-Карпина, очищеніе огнемъ и водою употреблялось у Ташаръ при Башыѣ.

5) Въ разныхъ суевѣрныхъ примѣтахъ и предзнаменованіяхъ, гаданіяхъ, чародѣйствахъ и заговариваніяхъ, съ какими особенно соеди-

нены *Святки* и *Семикъ*. см. *Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ*, изд. *И. Сахарова*. Спб. 1836. ч. 1.

Вѣроятно, что вѣкопюрыя кощунства и примѣсы возникли во время борьбы Христіанства съ Язычествомъ, такъ на пр: встрѣча съ монахомъ и попомъ (286) и пр.

Самыя позорища празднествъ и игривъ народныхъ, по большей части, тѣ же, какія бывали въ Язычествѣ: *берега рѣкъ и озеръ*, проводниковъ народонаселенія на Сѣверъ и мѣста богослужебныхъ обрядовъ и дослуженія — *горы и курганы*, сіи колыбели и могилы (287) челоуѣчества, сдѣлавшіяся для него алтарями — *дубравы*, первые его приюты и кущи языческихъ пребищъ. Когда же развилась общественная и семейная жизнь въ селеніяхъ: тогда и праздники народа вышли на улицу, тогда само-

(286) Изъ ругательствъ воиновъ *Роспиславовыхъ* на *Григорія Чудопворца* видно, что встрѣча съ монахомъ почипалась и въ древности Руской предзнаменованіемъ бѣдшвія, см. *Патерикъ Печерскій*. *Владиміръ Мономахъ* въ духовной поже говоритъ. *Въ Потребникъ*, М. 1639, упоминается: о вѣрованіи *въ чохъ и встрѣчу*.

(287) Многія старинныя кладбища и жалъники на горахъ: въ *Ярославль* и въ *Коспромской Г. Туговы горы* ошъ слова *туга* — *тужить*.

бытность и общежительность высказались въ пословицѣ: *На нашей улицѣ праздникъ.*

Впрочемъ не всѣ народные праздники и повѣрья родились въ эпоху языческую Славяно-Руссовъ; нѣкоторыя изъ нихъ, особливо относящіяся къ житейскимъ потребностямъ, образовались въ первые вѣка Русскаго Христіанства и подчинялись идеѣ онаго, когда еще оно имѣло черезполосное владѣніе съ древнимъ закоренѣлымъ вѣрованіемъ; шло съ нимъ рука объ руку, и когда еще первое не могло сдѣлаться повсемѣстнымъ; остатки послѣдняго испреблялись постепенно въ городахъ, но еще удерживались въ селахъ и погостахъ, какъ завѣщныя, опеческіе обычаи, освященные правомъ незапамятной давности. Въ эту эпоху языческіе обряды и народные обычаи нерѣдко примѣшивались къ христіанскимъ, коль скоро не противорѣчили онымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ.

Христіанство и Язычество иногда почерпало символы изъ общаго источника оныхъ—природы, только съ различнымъ знаменованіемъ и съ различною цѣлью. Первое возводило опъ чувственнаго къ духовному, другое напротивъ того низводило опъ духовнаго къ чувственному; одно спремилось къ единству, другое къ многообразію и многочасности,

какія проявились въ міѡахъ физическихъ и религіозныхъ; одно было чисто нравственное, другое, обращаясь въ кругу жизни чувственной, поклонялось и спихіямъ міра и спрашьямъ своимъ, представляло божественное въ сліяніи съ силами природы. Мысль о первообразномъ, священномъ въ символъ имѣетъ своимъ источникомъ древнее народное вѣрованіе, которое одушевляя весь міръ, его силы и явленія, сближаетъ человѣка съ духовными, сверхъ-естественными силами, ему содѣйствующими или прошиводѣйствующими, кои обращаются въ предметы его благоговѣнія. Если бы въ символахъ не было историческаго, нравственнаго и священнаго знаменованія: то они не возбуждали бы одинакихъ чувствованій, одинакихъ религіозныхъ понятій, не были бы повсемѣстными. Большая часть оныхъ проспы и разрѣшаются на три составныя начала, соотвѣтствующія тремъ стихійнымъ цѣлпамъ: землю, воду и огонь. По такой общности символовъ, грубое суевѣріе верѣдко облекало въ свои пелены чистѣйшія Хрістіанскія понятія: отъ сего удержались въ юномъ мірѣ Рускаго Хрістіанства *Волосы*, *Купалы*, *Купальницы*, *Коледы* и пр. Простонародныя прозванія Святыхъ, празднуемыхъ Церковію, заимствованныя отъ

годовыхъ временъ, ошъ сельскихъ работъ и житейскихъ потребностей, превращались въ какія-то знаменія, имѣющія цвѣтъ мѣстическій, напр: *Льтопроеодець* (св. Симеонъ), *Солоноворотъ* (св. Спиридонъ), *Запрягальникъ* (св. Іеремія), *Заревница* (св. Ѳекла), *Колосяница* (св. Ѳеодосія), *Гречишница* (св. Акилина) и ш. д.

Первые проповѣдники св. Вѣры, чшобы опвлечъ проспой народъ ошъ языческихъ празднествъ, прошивопоставляли имъ благочестивыя учрежденія во дни оныхъ, напр: въ день Семика обычай погребать и поминать убогихъ собратій на убогихъ домахъ, или опечеспвенныхъ скудельницахъ и ш. д. Такъ въ Римскихъ обласпяхъ проповѣдники Евангелія при Константинѣ Великомъ иногда свизходили шѣмъ языческимъ обычаямъ, съ коими не могли или не хотѣлъ разспаться народъ, закоснѣвшій въ опеческихъ повѣрьяхъ, если они не представляли явнаго нечестія и разврата (288). Тамъ, вмѣсто нѣкопрыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, успановлялись креспныя хожденія.

Пашріархъ Вальсамонъ въ XII в. шакъ описываетъ Греческіе обряды, совершенно

(288) Обзоріе Кормчей книги въ испор. видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829, въ 8.

сходные съ Рускими купальскими и свя-
 пошными: „Язычники въ 23 день Іюня,
 „ввечеру; собирались на берегахъ рѣкъ, и въ
 „нѣкоторыхъ домахъ мужи и жены укра-
 „шали перворожденную дѣву на подобіе не-
 „вѣспы. Припомъ пировали и плясали, кру-
 „жились; совершая предпразднество въ честь
 „богини Веспы. Между пѣмъ бросали разные
 „вещи въ сосудъ; наполненный водою. Наря-
 „женная дѣвица; по вынупіи каждой вещи;
 „предсказывала будущее пому, кшо клалъ
 „оную. На другой день; съ музыкою и пля-
 „ской всѣ выходили за водой и кропили оною
 „свои дома, а попомъ во всю ночь прыга-
 „ли чрезъ зажженные костры. Церковные
 „учители, поспешенно опклоняя новыхъ Хри-
 „стіанъ отъ языческихъ обычаевъ; почли за
 „нужное при водоосвященіи сочинить для
 „онаго пѣсни въ честь Пресвятой Дѣвы Ма-
 „рїи“ (289). Папа Иннокентій III писалъ слѣ-
 дующее о позорищахъ въ Рождественскихъ свяш-
 кахъ къ Гнѣзненскому Архіепископу Генриху:
 „Въ церквахъ совершаются позорища и не толь-
 „ко вводящяся для пошѣхи чудовищныя личины,

(289) Новая Скрижаль, или пополнительное объясне-
 ніе о церкви, о литургіи и пр., сочин. *Архіепископа*
Веніамина. Москва. 4 ч. 1803 и 6. въ 4.

„но даже въ нѣкоторыхъ праздникахъ участвуютъ сами діаконы и пресвитеры. “ Таковы были въ Римской церкви *праздники ослій, дураковъ, пьяныхъ дяконовъ* и ш. п. Св. Григорій Великій въ письмѣ своемъ къ Аббату Меллипу замѣчаетъ слѣдующее объ Англосаксонскомъ идолопоклонствѣ (въ VI вѣкѣ), сходномъ во многомъ съ Скандинавскимъ и Славянскимъ: „Долго я размышлялъ о томъ, чпо у Англовъ опнюдь не должно испредлять капища, но только уничтожать находящіяся въ нихъ идолы и, по окропленіи св. водою, сооружать въ нихъ св. алтари. Такимъ средствомъ надобно обращать народъ отъ служенія демонамъ къ поклоненію истинному Богу въ томъ самомъ мѣстѣ, куда онъ издавна привыкъ спекапья. А какъ при жертвоприношеніи демонамъ обыкновенно убивали многихъ быковъ; то и сіе пиршество должно также измѣниться: пусть въ праздники церковные дѣлающіяся шалаши изъ древесныхъ вѣтвей вокругъ св. храмовъ, превращенныхъ изъ капищъ, и тамъ празднуютъ дни сіи благоговѣйнымъ пиршествомъ, свѣдая мясо живопныхъ во славу Божию и за насыщение принося благодареніе Подашелю благъ.“

Такия пиршества въ храмовые праздники имѣли связь съ шоргами или ярмарками,

такъ что промышленность и торговля издревле шли по слѣдамъ религіи и вмѣстѣ съ нею соединяли людей въ города и селенія. Такъ у Еллиновъ *ауора* значило собраніе и мѣсто онаго, сборъ въ смыслѣ торговаго, а *пант-уриг* торжественное собраніе для празднованія. И въ Славянской древности *торжки* и *торги* учреждались при капищахъ во время празднествъ въ честь божествъ : въ Корелии при храмѣ Золотой Бабы, на Ругенѣ при капищѣ Свяповида, въ Ростовѣ сборъ вѣроятно бывалъ въ праздникъ Мерянскаго Волоса, такъ какъ въ Переяславль-Залѣскомъ ярмарка *Купальница* въ память Купальницы. По древнему обычаю, въ Россіи въ храмовые праздники обыкновенно собираются торги и ярмарки и извѣстныя десяти *торговыхъ пятницъ* (290). Мы выше замѣтили, что на торгахъ бывали судъ и расправа: слѣды епого оспались въ мірской сходкѣ.

Нигдѣ сполько не обнаруживается духъ и характеръ народа въ полноцѣ и свободѣ, какъ въ праздникахъ его, кои имѣютъ особенную характеристику, измѣняемую, какъ мы сказали, мѣстностию. Рускіе народныя

(290) Академическія извѣстія на 1781 г. ч. VII. Спб. въ 3. ст. *О ярмаркахъ въ Россіи.*

праздники, подобно Греческимъ, отличаясь своею веселостью и игривостью, превышають ихъ своею разгульностью, какой предаются престолюдинъ во дни своего покоя и свободы отъ трудовъ. Онъ ждетъ праздника какъ дня жизненной оспрады, и являясь на ономъ въ праздничномъ кафшанъ, веселился съ упоеніемъ, оправдывая свою опечесшвенную пословицу: *Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ*. Въ его понятіи праздникъ есть льгота и веселье, въ коихъ онъ почерпаетъ новыя силы къ пятоспнымъ трудамъ и къ борьбѣ съ суровою своею природою. Такъ праздники народа, поэзія его жизни, имѣють тѣсную связь съ его семейнымъ бытомъ и нравспвенностію, съ его прошедшимъ и настоящимъ.

Исторія всякаго извѣснаго народа обыкновенно начинается темными временами, событіями чудными и занимательными, но и сомнительными. Оспорожная крипка не опвергаетъ однако ешихъ древнихъ сказаній изъ предиспорическихъ временъ, находя въ нихъ часто сѣмена истины, такъ что перѣдко невозможное дѣлается вѣрояшнымъ, а вѣрояшное несомнительнымъ. Съ такимъ намѣреніемъ народныя повѣрья, обряды, праздники и оспашки Язычества подвергались

внимательному испытанію Философа, Историка и Филолога, служили имъ средствами къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, кои могутъ открыть разныя черты характеристическія, составляющія физиогномію древней народности. Предметы сіи всегда подспрекаютъ ученое любопытство постигнуть древность народа, его переселенія, связи съ другими племенами, открываютъ опдаленные памятники Миеологии и языка, необходимые для его Исторіи, и такимъ образомъ распространяютъ кругъ историческихъ и филологическихъ познаній. Что же не входитъ въ составъ Исторіи, тѣмъ пользуется народная поэзія, которая обогащается изъ епического источника. По такому отношенію Руской Еорпологии къ Археологии, Исторіи и Филологии опечесивенной, изслѣдованіе Рускихъ простонародныхъ праздниковъ не только можетъ быть любопытнымъ, но и важнымъ для познанія завѣсныхъ спихій жизни народной, развившихся въ разныя ея эпохи и въ разныхъ мѣстахъ.

Прибавленія и поправки.

Слово *Московщина* употреблено мною пошому, что я въ такомъ значеніи встрѣчалъ его въ древнихъ грамомахъ, а *Новгородѣ* въ Супрасльскоѣ рукописи, изданной Княземъ М. А. Оболенскимъ. М. 1836. въ 4.

Къ спр. 67. Въ справахъ *Латинскихъ* означаешъ исповѣдывающихъ Латинскую вѣру, преимущественно въ Италіи и Германіи. Римскіе карнавалы, сопровождаемые народными маскарадами, вездѣ, безъ сомнѣнія, были предметами для подражанія. *Vál* въ *Галдерзоновомъ* Исланд. Словарѣ означаешъ также *strues lignotum, rogus, ruga.*

Къ спр. 73. Sankt Н. А. Св. Иоанна вечеръ.

На 78 спрах. спр. 13 : вм. der читай den.

Къ спрах. 85. спр. 14. Sialudagr, по Исланд. : Sáladagr, а по Датски Sjaeledag.

Въ Скандинавскій вѣкъ различался Вина-old вѣкъ сожженія и Науг-old вѣкъ погребенія. Потомъ употреблялись оба сіи способа по произволу. Замѣчаніе *Сума*, сочинителя Исторіи Даніи, Норвегіи и Гольштейна Шлезв., Лейпц. 1797.

Къ спрах. 61. 'Ag по Исланд. annus, annona.

Къ спрах. 87. Така естъ старинное Исландское слово. Котобъ Анкеръ въ объясненіи Ютландскаго права говоритъ : *tak cautio fidei iussoria*, порука, поручишель.

Къ спрах. 91. *Maga* по Исландски incubus, erbi-altes, *Kobold, нобалос.* *Maga* по Малоросс. призракъ; по Польски то же; по Нижнесаксонскн: *Mähr;* опшого *Mährchen.* Польск. пословица: *Sen maga, bóg*

віага, сонъ — мечта, а вѣришь должно Богу. Сюда же принадлежишь Магана, копорую Кромеръ сравниваетъ съ Церерою.

На спран. 93, вм. подъ именемъ Жмуди, читай: подъ симъ именемъ и Жмуди.

Къ спран. 93. У Каполиковъ с. Стефану празднуется 26 Дек.

На спран. 173, на спр. 10 вм. Орловской читай: Въ Орловской.

На спр. 218, въ концѣ слова *сказаній* поспавишь почку.

